

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 5

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ, советник ректора ВятГУ

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Корректор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Гашева Н. Н.</i> Интегративность киновысказывания: авторское кино России 2000-х гг.	5
<i>Ильин А. Н.</i> Юродство как мировоззрение инакомыслящего	12
<i>Кузубова Т. С., Нерезова Л. Л., Цепелева Н. П.</i> Деструкция метафизики как морального мироистолкования: версии Достоевского и Ницше	16
<i>Малимонов И. В., Синьковская И. Г., Король Л. Г., Рахинский Д. В.</i> Современные семейные ценности в контексте макросоциальных изменений.....	24
<i>Рыбальченко В. А.</i> Философские аспекты эволюции физической формы материи.....	27
<i>Панкова Е. С.</i> О субъекте наслаждения: фетишизация и проблема Другого.....	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Нечаев М. Г.</i> Взлеты и падения церковной школы на Урале в эпоху Великих реформ.....	35
<i>Кошелев В. Е.</i> Архиереи Орловско-Севской епархии в пореформенную эпоху: социальный статус и социальные роли.....	47
<i>Савосина Н. Г.</i> Дореволюционное Забайкалье в таможенной политике России	53
<i>Поздеев П. В.</i> Экономические совещания Вятской губернии в 1921–1923 гг.: статус, деятельность, значение	57
<i>Бурангулов Б. В.</i> Из истории хранения кинофотофонодокументов в государственных и ведомственных архивах Башкирской АССР в 1960-е гг.	65
<i>Исмагилов А. А.</i> Применение авиации в народном хозяйстве Тюменской области в 1960–1980-е гг.	68

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Барينوва И. А., Нестерова Н. М.</i> О возможности моделирования переводческого билингвизма.....	73
<i>Панкратова С. А.</i> Ключевые параметры языкового бытия системной неединичной метафоры (на примере кинематографической семантической сферы)	77
<i>Матехина О. Г.</i> Текст-конструктор как разновидность первично-вторичных текстов.....	82
<i>Белоногова Т. Ю.</i> Становление и развитие документного текста: синергетический аспект (на материале англосаксонских грамот IX–XI вв.)	86
<i>Тимошенко Л. О.</i> Отражение жизненной концепции А. С. Пушкина в заимствованной лексике романа «Евгений Онегин».....	90
<i>Клабукова Ю. В.</i> Пространство Петербурга в художественно-философском осмыслении Ильи Стогоффа.....	94
<i>Трофимова Л. В.</i> Рецепция греческой мифологии в романе Барбары Фришмут «Не по средствам» (“Über die Verhältnisse”).....	98
<i>Сведения об авторах</i>	103
<i>Information about authors</i>	105

CONTENTS

- Gasheva N. N.* Integrity of cinematic utterance of the 2000- s independent films in Russia
- Ilyin A. N.* Crazyness As Outlook Of The Dissident
- Kuzubova T. S., Nerezova L. L., Tsepeleva N. P.* Destruction Of Metaphysics As Moral Interpretation Of The World: Dostoyevsky And Nietzsche's Versions
- Rakhinskiy D. V., Korol' L. G., Sin'kovskaya I. G., Malimonov I. V.* Modern family values in the context of macrosocial changes
- Rybalchenko V. A.* Philosophical aspects of evolution of the physical form of matter
- Pankova E. S.* About the Subject of enjoyment: fetishization and the problem of the Other
- Nechaev M. G.* The UPS and downs of Church schools in the Urals in the era of the Great reforms
- Koshelev V. E.* Bishops of the Oryol and Sevsky diocese during the post- reform era: social status and social roles
- Savosina N. G.* Pre- revolutionary Transbaikalia in the customs policy of Russia
- Pozdeev P. V.* Economic meetings of Vyatka province in 1921–1923 years: the status, activities, value
- Burangulov B. V.* From the history storing audiovisual documents in the state and departmental archives of the Bashkir ASSR in the 1960s.
- Ismagilov A. A.* The use of aviation in the national economy of the Tyumen region in 1960–1980
- Barinova I. A., Nesterova N. M.* On possibility of modelling the translation bilingualism.
- Pankratova S. A.* Key parameters of the linguistic nature of a systematic, non- singular metaphor (exemplified by the cinematographic metaphor)
- Matekhina O. G.* The text- constructor as a type of primary- secondary text
- Belonogova T. Y.* Formation and development of official texts: synergetic aspect (based on the data of Anglo- Saxon charters of the IX–XI c.)
- Timoshenko L. O.* The reflection of A. S. Pushkin's life conception in the borrowed lexis of the novel "Eugene Onegin"
- Klabukova U. V.* St. Petersburg's space in artistic and philosophical reflection of Ilya Stogoff.
- Trofimova L. V.* Reception of Greek mythology in the novel Barbara Frischmuth "About the relations" ("Über die Verhältnisse")

Интегративность киновысказывания: авторское кино России 2000-х гг.

В статье рассматривается проблема интегративности киновысказывания в авторском кино России 2000-х гг. Выделяются и анализируются наиболее актуальные художественные тенденции кинопроцесса на примере фильмов М. Разбежкиной, К. Серебренникова, А. Федорченко, А. Балабанова, И. Вырыпаева, А. Учителя, С. Смирнова. Делается вывод о том, что кино создает символический образ времени на языке самого времени и конкурирует с научным дискурсом в интерпретации смысложизненной проблематики.

The article deals with the problem of integrity of the cinematic utterance in independent films shot in the 2000-s in Russia. The research provides a case study of the most up-to-date feature trends in filmmaking, identified and analysed in the films by M. Razbezhkina, K. Serebrennikov, A. Fedorchenko, A. Balabanov, I. Vyrypaev, A. Uchitel and S. Smirnov. The result of the research is the inference that the film makes a symbolic image of time in the language of time itself and competes with the scientific discourse in interpretation of the sense-of-life problem.

Ключевые слова: интегративность киновысказывания, экранная парадигма, интерпретирующий разум, герменевтика современной культуры, православно-христианский архетип, этномифологизм, интертекстуальность, микроистория, экзистенциальный тип коммуникации, дедуктивная методология.

Keywords: integrity of cinematic utterance, film paradigm, interpreting mind, hermeneutics of contemporary culture, Orthodox and Christian archetype, thnomythologism, intertextuality, microhistory, existential type of communication, deductive methodology.

В ситуации перехода культуры от логоцентрического разума к разуму интерпретирующему, когда, по выражению М. Хайдеггера, интерпретацию следует трактовать не как способ понимания бытия – гносеологически, а как способ бытия человека – онтологически, – кино, в силу интегративности своей природы, может восприниматься как универсальная форма герменевтики современной культуры. Ибо кино оперирует не только и не просто определенным набором знаков, но и набором стратегий их восприятия, набором методологических стратегий герменевтики. Сегодня подлежит специальному выяснению, что представляет собой в наши дни философия культуры, какую специфическую информацию она может и должна добывать в условиях параллельного развития конкретных культурологических дисциплин и активизации различных способов художественного моделирования культуры. Современный этап развития культурологической мысли отличается широким развитием рядом с философским ее рассмотрением (а подчас и в конфронтации с ним) различных конкретно-научных культурологических дисциплин, с одной стороны, и форм художественно-образного постижения культуры – в прозе и поэзии, живописи и музыке, театре и кинематографе – с другой.

Современное российское кино вполне адекватно и внятно демонстрирует свое лидерство в контексте других искусств как репрезентативный для современной культуры вид художественного творчества, как форма культурного самосознания. В рамках постмодернистского пространства кино осваивает новые стилистические формы художественного высказывания, сочетающие реализм и условность. Да и сам реалистический способ киноосвоения действительности претерпевает существенные изменения. Справедлива точка зрения современного исследователя Л. С. Яковлева, отмечающего, что «доктрина реализма уже не служит адекватным инструментом описания сегодняшней реальности кинематографом: в пространстве постмодерна возможно создание гибридных текстов» [1]. Многослойность кинотекста, сочетающая различные языки и интегрирующая различные уровни восприятия, во многом обеспечивается за счет синтетической природы кино, впитавшего не только опыт литературы и других видов искусства, но и методологические откры-

тия современного научного дискурса, философской и культурологической мысли. Как и спонтанный жизненный опыт, кинотекст воздействует на нас одновременно на уровне чувственно-эмоциональном, рациональном и интуитивном (подсознательном). При этом обоюдная активность автора, реципиента и реального культурного контекста создают семантико-семиотическое пространство intersubjectивности. Современное российское кино выстраивает сложный нарративный рисунок, разбивая пространственное и временное единство, обращаясь к ассоциативности, опредмечивая сферы внутренней жизни человека, прибегая к аналитической, метафорической, декоративной и орнаментальной раскадровке пространства, когда изображение становится мыслью, словом, символом, а взаимопроникновение мысли и факта, наблюдения и авторской оценки претворяется в формах метафорического и символического киномонтажа. Представляется возможным в многоликом пространстве современного российского кинопроцесса обозначить следующие художественные тенденции: православно-христианская, этномифологическая, интертекстуальная и микроисторическая. Нет смысла четко разграничивать их и выделять различные типы киновысказывания в рамках авторского кино, поскольку речь идет именно об авторском кино. Этих четких границ не существует в самом кинопроцессе. Можно говорить о диффузном характере их проявления. По сути, в каждом из рассматриваемых нами кинотекстов присутствуют православные, этномифологические, интертекстуальные, микроисторические интенции при наличии общей экзистенциальной направленности того или иного произведения. Н. А. Хренов выдвигает идею «о существовании в современном российском кинематографе феномена, который можно было бы обозначить как «Новая волна», общим свойством проявления которой является ориентация на экзистенциальную проблематику, а также синтез романтизма и символизма в целях воспроизведения метафизического и универсального образа реальности» [2].

В начале XXI в. художественный постмодернизм находит яркое выражение в механизмах адаптации классических сюжетов к массовым формам художественного сознания, в опыте ремейков произведений прошлых лет, в тиражировании культурного наследия, когда автор продолжает чужие либо пристраивает собственные тексты к классическим. Ситуация, в которой нагромождаются приемы художественного заимствования, иронии – показательный и непреходящий атрибут кризисного состояния современной культуры. Впрочем, в истории искусства не раз так бывало: устойчивые художественные качества рождались в результате хаотических сплетений, когда в процессе случайных экспериментов выделялся повторяющийся признак, постепенно становившийся обязательным и приобретающий надындивидуальное значение. Современное российское кино научается схватывать, сопрягать и устанавливать нечто общее между явлениями, прежде казавшимися несопоставимыми. Художественное кино последних лет убеждает, что поэтические матрицы художественной мысли (ментальные архетипы, топосы) свойственны современной отечественной культуре при всей ее повышенной личностности, принципиальной оригинальности. В полемике со структурализмом и рецептивной эстетикой нарратология выдвигает понятие глубинной повествовательной структуры, которая должна учитываться в «конфликте интерпретаций» и интенций автора и реципиента. При всем многообразии художественной реальности в названных кинофильмах матрицы (принципы поэтики) фиксируют некоторые ее общие особенности. «Приключения» русской идеи на уровне профанирования сакральных жанров мифа, сказки, притчи, в их синтезе с антиутопией, общность мотивов, инвариантность системы образов, композиции, темпоритм точки зрения, выражаемой в характере монтажа, – служат сигналами для создания у зрителя определенного ассоциативного ряда. Непластические ментальные идеи воплощаются на языке визуальной образности. «Переключки» художественных текстов отечественного кино убеждает, что русская идея – не абстрактный предмет умопостроения философии, касающийся прошлого, не анахронизм, а реальное явление современной культурной жизни России, проблема, стоящая перед каждым, кому небезразлична судьба его родины. В центре внимания авторского кино проблема внутреннего раскола русского мира. Дилемма «культурная интеллигенция и народная почва» рассматривается кинематографом в контексте, заданном А. Солженицыным в его знаменитых обращениях к соотечественникам «Как нам обустроить Россию» и «Беглецам из семьи». Осмысление трагических событий русской истории XX в., распад всех связей, крушение жизненного уклада, опустошающий атеизм, духовное бездорожье, выраженное опять же в емкой солженицынской формуле «России, полностью проигравшей двадцатый век», – акцентирует ответственность и очевидную вину культурной личности за внутренний раскол российской жизни. В фильме М. Разбежиной «Яр» перед зрителем разворачиваются поразительные по своей поэтичности и драматизму картины народно-почвенной русской жизни с ее полуязыческим – полухристианским колоритом. Русская деревня начала XX в. Режиссер показывает противоречия этого бытия, где есть все: и добро, и зло, и смирение, и чистота, и простодушие, хитрость, грех, жестокость. Именно в народе хранятся истины жизни на земле, без

которых человеку невозможно, – вера, надежда и любовь, – а также представление о естественной справедливости, «земном законе», выработанное всей жизнью народа, неразрывной с бытием природы. Фильм воссоздает архетипический универсум, пробуждая в сознании зрителя пра-память, создавая ситуации узнавания, опознавания сакральных смыслов бытия. Местные жители существуют внутри живого мифа и по его магически-анимистическим правилам, непостижимым логическим сознанием. В мифологическом топосе все возможно – здесь уживаются и добрые, и злые духи, возможно при помощи особого обряда изгнание ведьмы с обжитого людьми пространства. И никто не сомневается в том, что Бог живет и в деревне, и в лесу, и на реке. Бог повсюду, в избытке. Он освящает жилье и пищу, труд и урожай, рождение и смерть. «Конкретная метафизика» (П. Флоренский) почвенного бытия выразительно разворачивается перед зрителем в форме медленного монтажа, подробной (в стиле живописи И. Репина) реалистической детализации мира. Этот русский мир самобытен и внеисторичен, – ни цивилизация, ни идеология не в состоянии его изменить. Его можно только разрушить. Бегство героя-интеллекта в город, осознаваемое им самим как спасение своей личности для творческой созидательной жизни и освобождение от инверсии и энтропии национально-природного, иррационального, почвенно-созерцательного, инерционного существования в режиссерской интерпретации трактуется как духовное банкротство. Метафизическая тотальность предательства оттеняется глубоко-символическим образом деревенской бабы-возницы, по-матерински покровительственно-жалостливой по отношению к оторвавшемуся от корней горемыке-русскому страннику, заблудившемуся в хитросплетениях обстоятельств и бегущему от самого себя. Визуально-акустическая семиотика режиссерской точки зрения включает в структуру кинообраза культурософский контекст Н. Бердяева «нечто бабье в русской душе». Метафорически фильм символизирует трагическую судьбу самого С. Есенина, погубленного новым железным веком.

В фильме К. Серебренникова «Юрьев день» взаимопроникновение обозначенных тенденций также становится формой выражения устойчивой в национальной культуре мифологемы «Русская идея», которая представлена в образной структуре фильма как необходимость возврата культурной личности к «почве», с тем, чтобы, разделив с народом его судьбу, пожертвовав собой, отрекшись от себя, собственных амбиций на исключительность, выбрать смирение, страдание, спасти этот вырождающийся и гибнущий народ, помочь ему занять достойное место в мировой цивилизации. Взамен «почва» даст элите возможность привести ее нравственные ориентиры в согласие с православными идеалами, что является необходимым условием дальнейшего братского слияния элиты и «почвы» в целостный русский мир и его воскрешение. Сюжет фильма обращает зрителя к архетипической схеме возвращения к корням. Героиня фильма – примадонна – перед эмиграцией в цивилизованную Европу привозит сына на родину. Образ заброшенной русской провинции, забытой властями, оставленной на произвол судьбы благополучной элитой, спасающейся бегством с тонущего корабля. Однако не все так просто. Русский мир оказывается живым, пространство родины волшебным, оно не отпускает от себя просто так, посылает испытания, искушения, как в сказке. Троекратным повтором, предлагая героине три дороги, три судьбы, трех потенциальных сыновей, которых она никак не может узнать (мотив угадывания-узнавания – тоже из области чудесного). Амбивалентное русское пространство соединяет реальность и сверхреальность. Столкновение с непознанным, загадки, волшебный русский мир подбрасывает героине в качестве неких мистических подсказок. Местные жители не понимают ее вопросов, русские люди живут как будто в двух совершенно разных «Россиях», приезжие – пришельцы с другой планеты. Мотив вавилонского столпотворения усиливается с появлением в кадре родственника хозяйки, у которой поселилась примадонна. Образ спившегося бродяги крупным планом в кадре представляет собой полную деграцию и первобытное полуживотное обличье осиротевшей без Бога, утратившей божий образ и подобие нации, изъясняющейся на смешанном наречии животных выкриков и дикой жестикуляции. Голос примадонны, старательно, профессионально исполняющей на непонятном простому народу итальянском языке оперные арии, пропадает, еще больше затрудняя общение интеллигентной героини со своим народом. И наконец, блуждая по городку среди трущоб и помоек, в поисках утраченного сына, она видит неопалимую купину – горящий ветхозаветный куст, увиденный Моисеем, которого Господь благословил на спасение своего народа. Чтобы общаться с Богом, человеку важнее иметь не голос, а слух, не случайно в финале картины героиню, решившую петь в церковном хоре, суровая регентша спросит, есть ли у нее слух («желающий слышать да услышит»). Воздух родины растворяет единственного сына героини, давая ей взамен других русских мальчиков, так же как и ее родной сын, нуждающийся в материнской заботе, любви, помощи. Символика кинообразного языка обыгрывает семантику христианских знаков, отталкиваясь от каламбура и пародии: подтягивающийся на перекладине ворот юноша как бы примеривается к распятию, а через несколько минут он примет

крест настоящего страдания. Герой проходит через стеклянные двери на фоне креста, раскидывая руки, повторяя: «Бог или рацион?» Героиня в поисках сына тоже растворяется в воздухе родины, отказавшись от призвания, вступает на путь смирения и подвижничества. На том месте, где много лет назад был дом ее деда, теперь туберкулезный диспансер для заключенных. Слиться с народом, разделить его страдания – эта семантика визуально выражена в решении героини – она красит волосы дешевой стандартной краской местного производства. Вот теперь она ничем от них не отличается, теперь они понимают ее язык, их объединяет общий русский крест. Символика креста в фильме соотносима с еще одним важным библейским символом. Это – источник воды – утоляющий великую жажду в Ветхом Завете, когда Моисей ударяет посохом по камням, чтобы напоить свой народ в безводной пустыне, – и, наконец, – как откровение самого Христа-Логоса (вода вечной жизни), так просто открывшего свою миссию на земле в диалоге с самарянкой у колодца. В начале духовного испытания, выпавшего на долю героини, она никак не может вспомнить названия реки в городе своего детства. Все попытки узнать название реки у встречного местного народа напрасны, так как забыт столичной примадонной и сам народный язык – язык родины, – встречные шарахаются от нее, как от инопланетянки. Далее, измученная неизвестностью и бесплодными поисками сына героиня, припадая к колонке, машинально утоляет физическую жажду, но не находит душевного утешения и освобождения от груза ментальной ответственности. Ее тщетная истерика, бунт, яростные попытки уничтожить источник воды – знак неготовности к подвигу терпения и смирения (с миром – живой и мудрой жизнью, ее, сокрытыми от человека, таинственными законами примирения). Символична сцена, в которой героиня спасает от смерти истекающего кровью уголовника в туберкулезном диспансере (где погибают последние представители брошенного государственной – и преданного духовной элитой – русского народа), по-матерински прижимая его исхудавшее болезненное обнаженное тело к своей груди, обмывает от крови и грязи его голые ноги. Режиссерский монтаж отсылает зрительскую память к сюжету снятия с креста и оплакивания Иисуса Христа девой Марией. Образ Богоматери, теряющей и оплакивающей сына, на Руси издавна был одним из самых сокровенных, как и системообразующий для русской культуры образ матери-земли. В фильме мать встает на путь жертвы, отдавая себя чужим чахоточным сыночкам, христианскому народу, принявшему в истории, по выражению В. Соловьева, «образ раба». Авторское кино, преодолевая крайности постмодернизма, обращается к методологии христианского реализма (С. Франк), раскрывающего необходимость ответственности человека за активное проникновение в мир сверхмирной благодатной силы. Современное кино пробуждает в человеке генную память о существовании целостного национально-культурного Бытия и наличии своего предопределенного места в нем.

Развитие киноискусства связано со многими областями культуры – технически, мировоззренчески, эстетически. Являясь наиболее мобильным и коммуникативным из искусств, кинематограф образует наиболее подвижные формы интеграции. Интеграционные процессы, начиная с девятнадцатого века, становятся одними из определяющих в мировой культуре. Создается единое культурно-информационное пространство. Процессы интеграции сопровождаются двумя тенденциями – к стандартизации и индивидуализации. Кино как образное самосознание современной культуры стремится к воплощению индивидуального, раскрывая через уникальность художественного общее состояние сегодняшнего мира. Так, обращение современного кино к проблеме этномифологизма представляется нам связанным с поисками новых форм культурной идентичности – процессу, который в 1990–2000-е гг. интенсифицируется и имеет во многом противоположную направленность по отношению к модернизации и унификации культурных ценностей в постсовременном глобальном мире. Следует отметить активизацию мифологического сознания в современную эпоху. Кризис смыслов и утрата онтологических оснований человеческой экзистенции способствовали тому, что миф и мифология становятся фундаментальной формой постижения реальности. Миф детерминирует движущие силы культурного сознания эпохи постмодерна. Говоря об особенностях развития современного киноискусства, необходимо отметить, что сегодня исследователи фактически не уделяют внимания мифотворчеству в практике современных кинорежиссеров. Н. Е. Починина, автор единственной серьезной работы, посвященной изучению мифопоэтики в современном кино (на материале творчества Э. Кустурицы), справедливо отмечает, что ремифологизация современного кинематографа обусловлена, прежде всего, тем, что «диахронизм мифа тесно и органично перекликается с характерными принципами искусства XX – начала XXI вв.» [3]. Для нас важным показателем актуальности обозначенной тенденции является наличие целого ряда примеров в мировом кинематографе последнего времени. Это такие заметные киноявления, как фильмы «Семь лет в Тибете» Жан Жака Анно, 1997 г., «Вавилон» Алехандро Гонсалеса Иньярриту, 2005 г. и некоторые другие. Думается, в русле этой тенденции следует рассматривать и фильмы А. Федорченко «Овсянки», 2010 г., и А. Балабанова «Ко-

чегар», 2010 г. В фильме А. Федорченко по сценарию Д. Осокина «Овсянки» в сверхконцентрированном виде проявился интерес к этнокультурной мифологии. Формально, на уровне фабулы, перед нами история вполне заурядных людей: муж и любовник едут хоронить свою женщину, захватив с собой двух птичек-овсянок. В пути и в процессе погребального действия муж рассказывает бывшему любовнику своей умершей жены историю их не очень счастливой жизни. А в конце, в результате автомобильной катастрофы, их машина уходит на дно реки. Однако в художественном мире фильма сюжетное начало оказывается сразу же подчиненным мифологическому, не просто «уравновешивается», а именно через подключение к мифу, обогащается экзистенциальной семантикой. В результате перед зрителем неторопливо разворачивается мифопоэтическая картина, неразрывно связывающая в единое целое две самоценные судьбы – уходящего из истории навсегда мифического финно-угорского народа – и вдовца-представителя этого народа, пытающегося в своей запоздалой исповеди осознать собственную вину перед умершей любимой женой. Символика фильма контрастно противопоставляет две реальности – мир профанный, это мир современного безликого мегаполиса, с его стандартами, урбанистическим пейзажем, затерянностью человека в лабиринтах городских джунглей, – и мир мифопоэтический – живой и целостный, где главное – человеческие лица – крупным планом, открытость скорбящего об утрате сердца, исповедальная откровенность в проявлении чувств, естественность природного ландшафта, река, огонь погребального костра, птицы – символ одновременно непосредственной живой жизни, освобождения, и – своего рода, проводницы на тот свет, выполняющие в фольклорно-мифологической традиции многих народов функцию медиаторов, связывающих мир здешний с потусторонним. Любимый народ жив, пока живы его традиции и обряды-герои совершают древний ритуал погребения, приобщаясь к ценностным истокам своей культуры. Через символику обряда герои проникают в таинственную связь между временем, рождением, смертью, воскресением, любовью. Мир перестает быть для них непроницаемой массой объектов, произвольно соединенных вместе, но преобразуется в живой космос, упорядоченный и полный смысла. В конечном счете фатальная тоска угасания этнической культуры преодолевается воскресшей творческой тягой к структурированию Логоса в индивидуальном прозрении героя, от имени которого ведется рассказ. Показательна в этом смысле история его собственной жизни, обусловленная трагедией отца, спившегося графомана, увидевшего бессмысленность своих попыток хоть как-то запечатлеть бытие этноса в стихах и обнаружившего полную не востребуемость своего призвания среди деградирующих соплеменников. Сцена утопления в проруби пишущей машинки на глазах у подрастающего сына трагикомична, но и символична – это жест отречения от стези народного акына и акт духовного самоубийства в глазах собственного ребенка. Как не стоит земля без праведника, так не живет и не развивается народ без своего акына. Не в этом ли причина угасания этноса? Мифологическая структура киноповествования погружает зрителя в циклический хронотоп, высвечивает кульминационные моменты духовных прозрений двух последних могикан на обочине чуждой им и, по всем очевидным признакам, тоже деградирующей глобальной цивилизации: холодный блеск огней, ослепляющих, но не согревающих, агрессивный грохот городской техники, продажная любовь случайных ночных бабочек, одиночество и отчуждение в многолюдной и равнодушной человеческой толчее. Вдовец внезапно, обмывая тело любимой, по древнему архаическому обряду, открывает для себя причину смерти жены, не любившей его и не родившей ему ребенка (нет ребенка – нет продолжения, нет надежды на бессмертие): Танюша очень любила птиц – но только не в клетках, ее девичья фамилия была Овсянка и вполне рифмовалась с именем ее тайного возлюбленного – Аиста) – надо было отпустить ее из клетки на свободу – как этих птичек! Может быть, тогда она бы не умерла? Однако смерть в мифе лишена безысходного трагизма. Общая эмоциональная окраска истории, рассказанной в фильме, – смирение. Смерть героев в финале представлена как инициация – начало новой жизни, воскресение в вечности, где вдовец найдет свою Танюшу и они с ней теперь, конечно же, будут счастливы, ибо, пережив горе потери, он стал совсем другим человеком, а Аист, потомок непутового акына, найдет на дне реки пишущую машинку своего отца и продолжит его дело, чтобы не исчезла в забвении вечности история его этноса. Безысходность реальности разрешается в мифе.

В идеально простроенном, просчитанном фильме А. Балабанова «Кочегар» мир предстает как жесткая контрастная структура. Этнокультурный миф и мифологический герой, убежденный, что плохие люди должны гореть, здесь как будто органично вмонтированы в подтекст, в подсознание современного, лишенного каких бы то ни было индивидуализирующих примет, безлико-стандартного мегаполиса. Сюжет построен на короткой истории любви, ревности и мести «маленького человека» – представителя якутского этноса – Большому миру глобальной цивилизации. Киноповествование балансирует на рискованном стыке величественного античного мифа и задыхающегося от немоты театра Абсурда – между трагической героикой эпических подвигов

древних легенд и ничтожеством измельчавшей профанной повседневности. Обыденный кадр режиссер наполняет прозаическим ужасом и экзистенциальной тоской бытия. Архетипические смыслы транслируются напрямую из изображения. Художественный мир фильма аллегоричен. Россия 1990-х гг. представлена режиссером как антиутопия, с победившей жестокостью и утратой нравственных ориентиров. Современный российский город живет новыми – неархаическими мифами: это мифы власти, насилия, секса, денег. Основное занятие обитателей этого антимира – охота на врагов. Отличие современного охотника от архаического лишь в том, что сняты все табу. Изображая обыденность насилия, Балабанов не показывает ее истоков, акцентируя тотальный распад, энтропийность современной цивилизации. Где-то в недрах этого хаоса – фактически в преисподней, у вечного огня кочегарки, прозябает Майор-якут, контуженный в Афгане, с октябрьской звездочкой на банной фетровой шапке. Режиссер сводит человеческую экзистенцию к предельно лаконичному набору фундаментальных констант: поддерживать огонь, помогать любимой дочке, наказывать зло. Композиция действия обнажена до предела, словно в древнем якутском мифе, который гораздо реальнее и больше связывает угловое существование человека с Бытием, укореняет его онтологически, чем эта недостоверная, полная случайностей, злободневность. Восстановление в памяти героя этого мифа о добром якуте, пригревшем русского разбойника, который предает якута и насилует его жену, потребность воскресить миф и записать (тоже – подсознательное призвание акына!), передать его потомству (две девочки-школьницы, в бессознательной тоске по идеалу, скомпрометированному текущей историей, забредают в кочегарку послушать легенду – приобщиться к древней мудрости героических поколений допотопных времен, более достоверных и реальных, в их ощущении, нежели отнюдь не героические «подвиги» богатырей сегодняшнего дня) – своеобразная аллегорическая кульминация всей этой истории. Однако миф воскресает не только как Логос, но и на уровне героического поступка героя, убивающего убийц своей дочери. «Плохие люди должны гореть» – традиционная установка мифологического сознания рушится, когда личный опыт якута сталкивается с хаосом реальности. Миф преобразуется, обогащаясь новым смыслом в ярко индивидуализированном поступке героя, трансформирующего миф в высокую трагедию.

Интертекстуальная тенденция широко и вариативно представлена в современном российском кино. (См., например, такие фильмы, как «Изображая жертву» К. Серебренникова, 2006, «Кислород» И. Вырыпаева, 2009, «Европа – Азия» И. Дыховичного, 2008). Понятие интертекстуальности, введенное в научный дискурс Ю. Кристевой, трактовалось ею как «вариант бахтинского диалогизма»: «интертекст как “диалог”, повторение уже ранее сказанного слова, преемственность традиции» [4]. Это может быть ремейк, дописывание чужого текста, пародия. Интертекст понимается прежде всего как диалог, творчество на основе взаимодействия с традицией, уже известным в культуре текстом. Однако всегда в результате интертекстуальной интерпретации происходит расширение семантического пространства текста. Фильм Серебренникова «Изображая жертву» пронизан параллелями с фильмами «Плюмбум, или Опасная игра» В. Абдрашитова, «Курьер» К. Шахназарова и, в общем, подхватывает и развивает тему нового молодого героя в современном социокультурном контексте. Однако более существенной оказывается очевидная отсылка к В. Шекспиру с его трагическим гуманизмом и глубиной философского обобщения. Главный герой фильма, Валя, с его страхами перед жизнью и смертью, стремлением ускользнуть от всяческих посягательств на свободу своей личности, предстает одновременно и как характеристика времени, портрет поколения, причем не одного, а сразу нескольких, и – как свидетель и критик времени, в котором всё – сплошная имитация, эрзац, заменитель реальной жизни симулякрами. Современный Гамлет страдает душевными «фантомными болями», прячется, старательно маскируется от внешнего вмешательства и тут же ежесекундно вопрошает: кто я? что я? Наложение на классический сюжет балагана современности, травестирирование высокой трагедии подчеркивает онтологическую недостоверность и сюрреалистическую абсурдность настоящего.

В свою очередь, фильм И. Вырыпаева «Кислород», смешавший все жанры, нарочито разрушающий границу между документальным и художественным, реальностью и игрой, интимным, сокровенным существованием и Большой историей, профанным и сакральным, – фильм-диалог, фильм-вопросание современного человека, обращенное и к собственной душе, и к другому человеку, и к культуре, и к истории, и, наконец, к Господу Богу, попытка оправдания человеческой правды перед лицом правды Божьей. Это, конечно, прежде всего, взволнованное авторское высказывание, направленное против монотонности восприятия жизни и Слова Божьего. Контекст библейских заповедей становится полем напряженного испытания и осмысления главных человеческих ценностей, таких как любовь, свобода, жизнь, счастье, совесть. Музыка, речитатив, ритм сверхсложного монтажа, экспрессионистская эстетика кадров, переложение на язык кино техники вербатим – вида театрально-документального представления, – все направлено на создание

провокативного эффекта восприятия. Визуально-вербальный текст завораживает многозначностью ассоциаций, распадается на цитаты.

Микроисторическая тенденция проявляет себя в таких, например, фильмах, как «Тоталитарный роман» Вяч. Сорокина, 1998, «Кружовник» А. Ихо, 2007, «В Париж» С. Крутина, 2009, «Край» А. Учителя, 2010, «Жила-была одна баба» С. Смирнова, 2011. Современный исследователь С. Зенкин, говоря о сходстве микроистории и филологии, отмечает, что «та и другая обращают историю к проблематике языка, которым обычно ведает филология. Но здесь и кардинальное различие между ними, так как филология, в отличие от микроистории, ориентирована прежде всего не на социальную, а на культурную контекстуализацию» [5]. В еще большей степени это относится к искусству. Каждый из названных фильмов рассказывает неповторимую и трагическую историю конкретного человека с его индивидуальной судьбой, сопрягая ее с макроисторией. Это история отчаянной и неравной борьбы маленького незаметного человека за свое счастье перед лицом Большой истории. Фильм «Жила-была одна баба» С. Смирнова раскрывает частную жизнь одной женщины и четырех ее мужчин. Главная героиня – неграмотная крестьянка. Антоновское восстание на тамбовщине показано глазами простой крестьянки и через ее жизнь. Крестьянская Россия уподобляется Граду Китежу, который медленно, но неуклонно уходит под воду. Вообще микроистория как научная методология стремится к изучению ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Микроисторический анализ предполагает изучение частных явлений, происходящих в жизни отдельных людей, с целью выявления господства представлений и тенденций в обществе в целом. Становление микроистории как отдельной сферы научного исследования связано с современной ситуацией Постмодерна в гуманитарных науках. Это истории забытых людей, маргиналов, побежденных. Установка на деидеологизацию, отделение описания от оценки, отказ от предвзято-канонической интерпретации, – вот ее принципы. Однако на этом общность микроисторической научной методологии и собственно художественного подхода в современном кино заканчивается. Для микроистории все же устойчивым остается желание остаться в рамках объяснительной, а не понимающей, каузальной, а не герменевтической парадигмы, удержаться от опасности, грозящей многозначностью увлечения смыслом, способного увести доказательную историческую реконструкцию в произвольность художественной интерпретации. Для ученого-микроисторика граница между словом историка и словом исторического лица непереходима. Микроисторик не слышит диалогических интенций в речи исторических лиц. Микроисторик отказывается культуре в многозначности. Вместо анализа смысла он дает каузальное объяснение того или другого факта. Искусство же вообще и искусство кино в частности, обращаясь к микроисторической парадигме, опирается прежде всего на экзистенциальный тип диалога, предполагающий не субъектно-объектную, а субъектно-субъектную форму коммуникации, порождающую ситуацию полифонической многозначности. Кино крупным планом разворачивает перед зрительским сознанием непосредственное свидетельство времени, озвучивая и визуализируя переживания людей – участников событий, не отбрасывая как второстепенные, а внимательно и скрупулезно фиксируя неосознанные моменты, случайные подробности, поскольку именно в них и заключены главные «улики» для исторической реконструкции, в них всегда есть собственный, уникальный, индивидуальный, смысл, который история не вправе игнорировать. Кино сосредоточено не на учете каузальной обусловленности, но на раскрытии интенциональных смыслов в свидетельствах маленького частного человека, поскольку история изначально есть история конкретного человека. С точки зрения российского кино история всегда конкретна, уникальна, личностна.

Противоречия современной культуры не поддаются индуктивному анализу. Необходима дедуктивная методология. Кино задает эту дедукцию само по себе, благодаря своей синтетической структуре, метафоричности, способностью к интегрированию интерферентных смыслов и интертекстуальных связей.

Примечания

1. Яковлев Л. С. Российское кино в эпоху смены парадигм // Теория искусства и художественное воображение XXI века. 2011. № 2(3). С. 94.
2. Хренов Н. А. «Новая волна» в российском кинематографе: фильмы А. Звягинцева // Теория искусства и художественное воображение XXI века. 2011. № 2(3). С. 67.
3. Починина Н. Е. Мифопоэтика в современном кино: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск: ТГУ, 2010. С. 4.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 4. С. 40.
5. Зенкин С. А. Микроистория и филология / Казус индивидуального и уникального в истории / под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 365.

Notes

1. Yakovlev L. S. Jakovlev L. S. Rossijskoe kino v jepohu smeny paradigm // Teorija iskusstva i hudozhestvennoe voobrazhenie XXI veka. – 2011. – № 2 (3). – S. 94–107. – S. 94.
2. Hrenov N. A. «Novaja volna» v rossijskom kinematografe: fil'my A. Zvjaginцева // Teorija iskusstva i hudozhestvennoe voobrazhenie XXI veka. – 2011. – № 2 (3). – S. 67–74. – S. 67.
3. Pochinina N. E. Mifopojetika v sovremennom kino: avtoref. dis. ... kand. nauk po special'nosti 24.00.01 – Teorija i istorija kul'tury. – Tomsk: TGU, 2010. – 30 s. – S. 4.
4. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Dialog. Karnaval. Hronotop. – 1994. – № 4. – S. 40–55. – S. 40.
5. Zenkin S. A. Mikroistorija i filologija // Kazus individual'nogo i unikal'nogo v istorii / pod red. M. A. Bojcova, I. N. Danilevskogo. – M.: Nauka, 2007. – S. 365–377. – S. 365.

УДК 1/14

А. Н. Ильин

Юродство как мировоззрение инакомыслящего

В статье рассматривается юродство как проявление инакомыслия. Юродство проанализировано как специфическое мировоззрение. Рассмотрены особенности сознания юродивого, обусловленные его инакомыслием, свободой духа и аскетическим образом жизни. Инакомыслие юродивого является образом «особого мышления» незаурядного, странного человека, обладающего высокой степенью неопределённости своей жизни и социального проявления. Проанализированы и определены основные типы юродивых, определяющих специфику их инакомыслия. Сделан вывод о том, что юродство представляет собой особый тип изменённого состояния сознания, выводящий юродивого на специфический уровень самотрансценденции, обусловленный «иным мышлением» и действием.

In article craziness as dissent manifestation is considered. Craziness is analysed as specific outlook. The features of consciousness of the foolish caused by his dissent, freedom of spirit and an ascetic way of life are considered. Dissent of the foolish is image of “special thinking the” of the uncommon, strange person possessing high degree of uncertainty of the life and social manifestation. The main types of the foolishes defining specifics of their dissent are analysed and defined. The conclusion that craziness represents the special type of the changed condition of consciousness bringing the foolish to the specific level of a samotransstsendention caused by “other thinking” and action is drawn.

Ключевые слова: юродство, инакомыслие, святость, аскеза, вера, онтология, бытие.

Keywords: craziness, dissent, sanctity, asceticism, belief, ontology, life.

Мировоззрение юродивого не исчерпывается фундаментальными элементами религиозного мировоззрения. В органической связи с верой в Господа Бога находятся и обыденные, моральные, культурологические, научные и другие знания и убеждения юродивого. К особому качеству юродивого относится его инакомыслие. В духовной жизни юродивого внерелигиозные элементы, будучи основанными не на вере, вступают в конфликт с внутренним содержанием бытия юродивого. Этот внутренний конфликт создаёт психологический дискомфорт, который понуждает юродивого к «особому согласованию» его веры в Господа Бога с другими элементами своей духовной жизни. Инакомыслие, однако, полностью согласуется с верой и правдой жизни юродивого. В каждом отдельном случае инакомыслия согласование совершается в результате нахождения гармонии между верой в Господа Бога и элементами духовной жизни, связанными с поиском правды. Юродивый не может успокоиться до тех пор, пока не выйдет на решение проблем духовной жизни. Практически всегда такое решение основывается на «ином мышлении». В нашем исследовании проанализированы мировоззренческие основания юродивого с позиции их истолкования как инакомыслия. Такая постановка вопроса является актуальной, поскольку юродство представляет собой особый тип изменённого состояния сознания, выводящий юродивого на специфический уровень самотрансценденции, обусловленный «иным мышлением» и действием. Изучая диалектику «ума и безумия» в юродивом, мы сталкиваемся с противоречием понимания его мышления и логики его действий. Лишь осознав причины и смысл его мышления, мы можем определить характер присутствия юродства в бытии. Для современных философов важно понять смысл мировоззрения юродивого в русле его инакомыслия и свободы, связанных с его изменённым сознанием. Проблемами изменённого состояния сознания занимались разные учёные в рам-

ках медицинских (физиологических и патофизиологических) и социогуманитарных (психологических, социологических, философских) наук: А. Людвиг [1], А. Ревонсуо [2], Ч. Тард [3], У. Джемс [4], В. Н. Мясищев [5], А. Н. Ильин [6] и другие.

Инакомыслие понимается нами в широком смысле этого слова, как образ «иног мышления» юродивого, позволяющего стать ему особой личностью, формирующей специфический тип мировоззрения, выходящий за рамки обыденного сознания.

Целью нашего исследования является онтологическое изучение мировоззрения юродивого. Для достижения данной цели мы последовательно решили ряд взаимосвязанных задач: осмыслили мировоззренческие факторы юродства, проанализировали социальные идеалы в мировоззрении юродивого, рассмотрели типологию юродства, выявили основания инакомыслия юродства с определением границ применимости инакомыслия к социальному бытию.

Первоначально нам необходимо рассмотреть мировоззренческие факторы и социальные идеалы в мировоззрении юродивого в их диалектическом единстве. Бесспорно, в мировоззрении юродивого всегда доминирует вера в Господа Бога. Но при ближайшем рассмотрении поведение юродивых часто дополняется особыми поступками, которые являются для окружающих антирелигиозными, идущими против веры. Оказывается, что эти поступки часто бывают неопределёнными с позиции классического религиозного мировоззрения. Они сформированы у юродивого не сами по себе, а под влиянием воспитания, воздействием окружающих и под давлением собственных усилий юродивого, основанных на глубочайшей вере в Господа Бога. Доминирующим системообразующим фактором здесь, как и в каждом отдельном случае проявления «иног мышления», выступает не чисто религиозный фактор, а во многом и социальный, и общедуховный факторы. Эти факторы рождаются состоянием и характером того общества, в котором находится юродивый, и социальным (антисоциальным) положением юродивого.

Мировоззрение есть цельная духовная основа личности каждого человека. Но сам человек с его мировоззрением является ни чем иным, как совокупностью общественных отношений, что с научной достоверностью показано в научной философии. Эти общественные отношения и проглядывают из религиозного мировоззрения юродивого, и одновременно с этим сам юродивый взирает на общество сквозь призму своего религиозного мировоззрения. Таким образом, выработанные и апробированные вековой практикой общественной жизни элементы морали, права, политики, культуры, науки, искусства, философии, которые впитаны юродивым, в той или иной мере получают религиозное утверждение, поднимаются на уровень данных свыше (от Господа Бога) постулатов (заповедей, догм, канонов, религиозных установок).

Практически все элементы общественной жизни юродивого получили освящение именем Господа Бога, и они от этого стали несоизмеримо лучше по своей нравственной сущности. Религиозное освящение морально укрепляет или существенно переоформляет все стороны общественной жизни и деятельности людей. Юродивому мировоззренчески важно определить, какие именно стороны общественной жизни сильнее всего освящает религия и вера. Данное определение дано юродивому свыше. Это можно конкретно установить в каждом отдельном случае, каждом действии юродивого. Здесь недопустимы декларативные заключения такого типа, как «Религия в лице юродивого именем Бога вообще освящает вот это и вот то», так как смысл освящения заключается не в религиозном освящении или осуждении (порицании) сторон общественной жизни юродивым, а в самих сторонах общественной жизни, которые освящаются или осуждаются именем Господа Бога. Юродивый своими поступками выступает как олицетворитель этих сторон (граней) социальной действительности и преобразователь общественной жизни, в плане избавления людей от грехов.

В драматической и порой трагической истории человечества нет ни одной стороны общественной жизни, которая в той или иной мере, на тех или иных условиях не освящалась и одновременно с этим не проклиналась от имени Господа Бога. В религии вне человеческих проклятий оставался только сам Господь Бог. Но иногда и Бога люди проклинали. Это является неоспоримым фактом греховности общественной жизни. Господь Бог – существо не общественное, а Всевышнее. Он Высшее существо, которое находится вне природы и вне общества с его общественными отношениями.

Анализируя мировоззрение юродивого в русле его инакомыслия, можно отметить тот факт, что, пребывая и активно действуя среди людей, юродивые сознательно исключали себя из общества. Они прерывали общепринятые отношения с людьми, их души были закрыты и являлись загадкой для других. Мало того, они сознательно и однозначно исключали из своей жизни обмен мыслями с другими людьми и не выявляли своих чувств. Юродивые обладали ярко выраженным инакомыслием, поэтому люди их не понимали и не принимали, считали юродивых умышленными. Юродивые терпели от окружающих самые обидные упреки в безумии, брезгливое

презрение и всяческие поношения. Но такими странными юродивые представляли во внешней жизни. В душе, наедине с самими собой и с Господом Богом, они были более разумными по отношению к тем, кто считал их безумными. Все узы, соединяющие их с миром, порваны кажущимся безумием. Юродивые отrekliсь от своего ума в сфере его практических понятий и проявлений. Юродивые просто мыслят иначе, во внешней жизни они подобны несмышлёным детям: забота о жизни, одежде, приличии ими полностью отвергнуты. И даже разум и мышление, под влиянием которых находится и устраивается жизнь обычного человека, ими целиком обесценены. Взамен разума и мышления обывателя юродивые наделены иным разумом и мышлением. Порвав все отношения с миром, юродивые, ориентируясь на инакомыслие, предельно расширили круг деятельности и служения «для Господа Бога», чтобы жить и действовать единственно для Него. Святое юродство чаще всего возникает и ярче всего проявляется в такое время, когда общественное сознание не воспринимает положительные примеры нравственных законов и божественных установлений. Мы можем признать, таким образом, что подвиг юродства Христа ради – это не только личный подвиг, но и социальный. Он предполагает глубокое понимание общественной жизни, повседневной человеческой практики и глубочайшее нравственное самообладание и самоочищение [подробнее о подвиге юродства см.: 7].

Юродство является трудно изучаемым феноменом. Исследование подвига юродства с позиции осмысления мировоззренческих основ его существования является онтологически выверенным и методологически оправданным, так как юродство являет собой особый тип мировоззрения необычного и неординарного человека – выразителя своей эпохи. Инакомыслие юродивого представляется нам наиболее осмысляемым в контексте его проявления в реальной жизни конкретными юродивыми, жившими на Руси и в России. Например, показателен тот факт, что в юродство часто впадали выдающиеся мыслители, поэты, писатели, священники, учёные и общественные деятели. XX в. породил скрытое, так определяемое «не религиозное юродство», которое проявилось во многих сферах ума и чудовищного безумия. Этому существует множество примеров. Многие диссиденты являлись юродивыми и, бесспорно, были инакомыслящими (в узком определении этого понятия). Российская история была бы не полной, необъяснимой, если бы мы оставили без внимания такие явления, как юродство, старчество, подвижничество, о чём в СССР не принято было писать без осуждения и обвинения в инакомыслии, безумии и реакционности, вредности. На самом же деле это были реальные факты народной жизни, живой истории во всём её многообразии и противоречивости.

Юродство тем и интересно для современного исследователя, что оно явно допускает в сферу сознания иное мышление, особую «диалектику ума и безумия». Под видом безумия оно выдаёт такие уникальные образцы прозрения, предчувствия и предвидения, которые поражали своей необычностью и часто сбывались в реальной жизни. Здесь мы видим, как инакомыслие юродивого позволяет выходить на сверхчеловеческий уровень, позволяющий юродивому проявляться как самотрансцендирующая личность.

Историческая привязка к непосредственной жизнедеятельности юродивых позволяет наиболее полно проанализировать характер присутствия юродства в бытии и обозначить особенности мировоззрения юродивого в русле его инакомыслия. Понятие нерелигиозного юродства приводит нас к ещё более широкому представлению о юродстве как об особом состоянии сознания и мышления, о своеобразном соединении веры и знания, религии и науки, ума и безумия. Это состояние зародилось в глубокой древности, но наиболее сильно проявилось в XX в., когда в юродство впадали люди, которые не считали себя верующими в Бога. Следовательно, называть их нужно скорее не юродивыми, а юродствующими. В их жизни и творчестве проявились особенности юродства, с его отрицательным отношением к цивилизации и власти, с его сближением силы ума и безумия. Людей XX в. можно отнести к уставшим от рационализма и прагматизма реальной жизни личностям. На наш взгляд, XXI в. углубит взаимное влияние форм индивидуального мышления и общественного сознания, и прежде всего это проявится в религии и в искусстве.

Анализируя вопрос инакомыслия юродивого, необходимо рассмотреть введённую нами типологию юродивых. Образы юродивых и юродствующих в России дают реальную возможность выделить их основные типы в зависимости от особенностей эпохи, в которую они жили, от силы духовных способностей, которые они проявили как свою индивидуальность и инакомыслие, и от сферы их влияния на реальную общественную жизнь своего времени.

В XII и XIII в. отличались юродивые как выразители народного духа скорби и страха перед Господом Богом и перед властью князей, которые служили Золотой Орде. С XIV по XVI в. преобладает тип юродивых – обличителей того, кто нарушает заветы Иисуса Христа, проявляет своеволие, жажду наживы, жестокость и несправедливость.

В XVII в. возрождается тип юродивых сострадающих, сочувствующих народу и особенно старообрядцам, гонимым за веру и погибающим за неё.

XVIII в. даёт тип юродивой женщины, жертвующей своим богатством и именем ради Христа и ради памяти о своём муже (подвиг Блаженной Ксении Петербургской [8]).

В XIX в. преобладает юродивый-мученик, страдающий за правду и за грехи людей, жертвующий собой ради Иисуса Христа и помогающий людям обрести духовное и физическое здоровье. Это юродивый-чудотворец, в чём-то сам похожий на Христа.

XX и начало XXI в. породили тип нерелигиозного юродства, опирающегося на силу разума, верящего в науку и в светлое будущее человечества. Но также сохранился и традиционный тип юродивого исцелителя и прорицателя, верующего в Господа Бога и в силу человеческого духа, в силу самоотрешающей молитвы и в силу сочувствия человеку.

Общим для всех типов юродивых была и остаётся вера в «силу ума и безумия», в великую тайну мироздания, доступные искреннему, бескорыстному человеку, открытому силам природы и духа, добра и справедливости и, несомненно, обладающему «иным мышлением».

Подводя итог нашему исследованию, можно отметить, что нами последовательно была рассмотрена специфика мировоззрения юродивого, обладающего инакомыслием, свободомыслием, индивидуальностью, незаурядными и сверхъестественными способностями, даром провидения и прорицания и возможностью исцеления людей. Анализ мировоззрения юродивого был произведён с опорой на исторические свидетельства о жизни юродивых. Также нами были использованы данные агиографического характера. Исследование мировоззрения юродивого в статье базируется на том, что основа существования юродивого в конкретных условиях места и времени носит характер инакомыслия. Инакомыслие юродивого выражается в непримиримом несогласии с существующими порядками в самом широком понимании данного слова.

В статье также проанализированы и определены основные типы юродивых, определяющих специфику их инакомыслия. Также нами было введено понятие «нерелигиозное юродство», что является новым в определении онтологического и феноменологического смысла юродства. Данное понятие значительно расширяет укоренившийся в религиозной и философской литературе смысл термина «юродство во Христе». Понятие включает в себя всех странных и неоднозначных личностей, которые жили уже после «золотого века юродства» в России [подробнее о различных проявлениях юродства см.: 9].

Нами были показаны особенности проявления юродства в XX и начале XXI в. Данное исследование юродства с позиции «иноного мышления» юродивого представляет особый интерес для изучающих современную историю России, философию и феноменологию духа, природу религиозного мировоззрения, сознания и мышления, особенности изменённого состояния сознания. Инакомыслие юродивого является образом «особого мышления» незаурядного, странного человека, обладающего высокой степенью неопределённости своей жизни и социального проявления. Изучая мировоззренческие особенности проявления юродства в истории России, мы придём к пониманию влияния юродства на духовный мир современного российского человека.

Примечания

1. *Ludwig A.* Altered states of consciousness // Archives of general psychiatry. 1966. № 15. P. 225–234; *Людвиг А.* Изменённые состояния сознания // Изменённые состояния сознания / под ред. Ч. Тарта. М., 2003.
2. *Ревонсуо А.* Что такое «изменённое состояние сознания»? // Психология сознания / пер. А. Стативка, З. С. Замчук. СПб.: Питер, 2013. С. 257.
3. *Tart C.* States of consciousness and state-specific sciences // Science. 1972. Vol. 176. Pp. 1203–1210.
4. *Джеймс У.* Воля к вере / пер. с англ. М.: Республика, 1997. С. 360.
5. *Мясищев В. Н.* Проблемы личности в психологии и медицине // Актуальные вопросы медицинской психологии. Л., 1974. С. 5–25.
6. *Ильин А. Н.* Феномен изменённого состояния сознания // Философия, педагогика и социология в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. О. И. Кирикова. М.: Наука-Информ; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2013. С. 46–67.
7. *Ильин А. Н.* Там же; *Он же.* Онтологический смысл юродства: монография / под ред. О. И. Кирикова. М.: Наука: Информ; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2013; *Он же.* Феноменология юродства // Казанская наука. 2014. № 1. С. 106–108; *Он же.* Юродство как протест против мшелоимства // Казанская наука. 2014. № 2 С. 118–121; *Он же.* Юродство как самоотрансценденция // Казанская наука. 2014. № 3. С. 117–119.
8. *Он же.* Онтология женского юродства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 9–13.
9. *Он же.* Юродство как нагоходство // Казанская наука. 2014. № 4. С. 125–127; Глоссолалия как признак юродства // Казанская наука. 2014. № 5. С. 71–73; *Ильин А. Н.* Облик юродивого как онтологическая проблема // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3(50). С. 77–80; *Он же.* Нелинейная рациональность юродивого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3(61). С. 64–67.

Notes

1. Ludwig A. Altered states of consciousness // Archives of general psychiatry. 1966. № 15. P. 225–234; Ludwig A. Izmenyonnye sostoyaniya soznaniya [Altered states of consciousness] // Izmenyonnye sostoyaniya soznaniya – Altered states of consciousness / ed. by Ch. Tartar. M. 2003.
2. Revonsuo A. ЧТо такое «измененное состояние сознания»? [What is "an altered state of consciousness"?] // Psihologiya soznaniya – Psychology of consciousness / transl. A. Stativka, Z. S. Zamchuk. SPb. Piter. 2013. P. 257.
3. Tart C. States of consciousness and state-specific sciences // Science. 1972. Vol. 176. Pp. 1203–1210.
4. James W. Volya k vere [Will to faith] / transl. from English. M. Respublika. 1997. P. 360.
5. Myasishchev V. N. Problemy lichnosti v psihologii i medicine [The problems of personality in psychology and medicine] // Aktual'nye voprosy medicinskoj psihologii – Actual problems of the medical psychology. L. 1974. Pp. 5–25.
6. Ilyin A. N. Fenomen izmenyonnogo sostoyaniya soznaniya [The phenomenon of altered states of consciousness] // Filosofiya, pedagogika i sociologiya v XXI veke: materialy mezhdunar. nauch. Konf.- Philosophy, pedagogy and sociology in XXI century: materials of Intern. scientific conf. under the general editorship of O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University. 2013. Pp. 46–67.
7. Ilyin A. N. Ibid. Also him. Ontologicheskij smysl yurodstva: monografiya [The ontological meaning of foolishness: monograph] / under the editorship of O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University 2013. Also him. Fenomenologiya yurodstva [Phenomenology of foolishness] // Kazanskaya nauka – Kazan science. 2014, No. 1, pp. 106–108. Also him. YUrodstvo kak protest protiv msheloinstva [Foolishness as a protest against passion for benefit] // Kazanskaya nauka – Kazan science. 2014., No. 2, pp. 118–121. Also him. YUrodstvo kak samotranscendenciya [Foolishness as semitransparency] // Kazanskaya nauka – Kazan science. 2014, No. 3, pp. 117–119.
8. Also him. Ontologiya zhenskogo yurodstva [The ontology of female foolishness] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2015, No. 10, pp. 9–13.
9. Also him. YUrodstvo kak nagohodstvo [Foolishness as walking naked (nagokhodstvo)] // Kazanskaya nauka – Kazan science. 2014, No. 4, pp. 125–127; Also him. Glossolaliya kak priznak yurodstva [Glossolalia as a sign of foolishness] // Kazanskaya nauka – Kazan science. 2014, No. 5, pp. 71–73; Ilyin A. N. Oblik yurodivogo kak ontologicheskaya problema [The appearance of the Holy fool as an ontological problem] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2015, No. 10–3(50), pp. 77–80. Also him. Nelinejnaya racional'nost' yurodivogo [Nonlinear rationality of a Holy fool] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2015, No. 11–3(61), pp. 64–67.

УДК 1(091)

Т. С. Кузубова, Л. Л. Нерезова, Н. П. Цепелева

Деструкция метафизики как морального мироистолкования: версии Достоевского и Ницше

Проводится сравнительный анализ основных концептуальных моментов версий деструкции метафизики как морального мироистолкования в творчестве Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше.

Деструкция метафизики начинается с разоблачения ее моральной подоплеки, которая заключается в оценке сущего как недолжного и создании образа желательного, благого, следовательно, трансцендентного, «истинного» мира. В то же время мотивом критики классической метафизики выступает моральный пафос, требования интеллектуальной совести, «усиленного сознания». Результатом деструкции является разрыв классического единства разума, морали и бытия в творчестве обоих мыслителей. Метафизика ниспровергается как мироистолкование «добраго» (у Ницше) и «непосредственного» (у Достоевского) человека. Итогом деструкции метафизики как моральной интерпретации мира являются предложенные Достоевским и Ницше противоположные проекты преодоления морали в «сверхморали», а классической метафизики – в неклассических версиях истолкования мира, в которых его основной чертой оказывается иррациональная воля.

The comparative analysis of the main conceptual moments of versions of metaphysics destruction as moral interpretation of the world in F. M. Dostoyevsky and F. Nietzsche's creativity is carried out.

Destruction of metaphysics begins with exposure of its moral background which consists in an assessment real as undue and creation of an image of desirable, good, therefore, transcendental, "true" world. At the same time moral pathos, requirements of intellectual conscience, "the strengthened consciousness" present themselves as a motive of classical metaphysics criticism. The rupture of classical unity of reason, morals and life in the works of both thinkers is

the result of destruction. The metaphysics is subverted as world interpretation of "kind" (at Nietzsche) and "direct" (at Dostoyevsky) person. The metaphysics destruction as moral interpretation of the world results in offered by Dostoyevsky and Nietzsche opposite projects of overcoming moral in "supermoral", and classical metaphysics – in non-classical versions of interpretation of the world in which the irrational will appears as its main line.

Ключевые слова: метафизика, мораль, деструкция, трансцендентное, генеалогия, интерпретация, «добрый человек», «подпольный человек», «усиленное сознание».

Keywords: metaphysics, morality, destruction, transcendental, genealogy, interpretation, "good man", "underground man", "strengthened consciousness".

Ф. М. Достоевский и Ф. Ницше относятся, согласно К. Ясперсу, к мыслителям, обозначившим «духовный порог» современной эпохи [1]. Пережившие и осмыслившие кризис гуманизма и восхождение нигилизма и как личный опыт и как судьбу Европы и России, они совершили «переоценку всех ценностей», которая означала «разрыв континуитета» (К. Ясперс) в истории европейской культуры. Сердцевиной этого разрыва стало «открытие» морали, которое немецкий мыслитель считал своим эпохальным свершением, провозвещающим грядущие катастрофы во всех областях жизни европейского человека. Это провозвестие составляет также «нерв» творчества Достоевского. «Молчание трансцендентного» (Ж. П. Сартр) и событие «смерти этического субъекта» (С. С. Хоружий) неразрывно связаны между собой и выступают не только как философская проблема, но прежде всего как насущная проблема человеческого существования. Метафизика как учение о сверхчувственных началах сущего всегда есть *мета-физика*, трансцендирование, выхождение мысли за пределы опыта, наличного бытия, сущего. Радикальное устранение трансцендентного, «*мета-*», предпринятое в ходе деструкции классической метафизики, открыло «головокружительную имманентность» (Ж. Делёз) мира, в котором человеку предстояло отныне строить свое существование. Уже с конца XIX в. европейская мысль искала путь от развершейся в человеческом существовании бездны «безмолвия бытия» (М. Бубер) к новому обретению бытия и смысла, к новым возможностям жизни. При всех перипетиях истории метафизики в XX в., самые радикальные проекты ее преодоления обернулись признанием невозможности полной ее элиминации из философского языка и европейской культуры. В современной философии обсуждаются возможности возрождения метафизики после Ницше, этика занята формированием неклассического дискурса в ситуации «отбрасывания всех эссенциалистских позиций» [2]. Новый «прорыв к трансцендентному» (П. П. Гайденко) в философии и становление неклассического этического дискурса обуславливают необходимость сравнительного анализа концептуальных оснований классического и неклассического дискурса в метафизике. В связи с этим важно, на наш взгляд, еще раз осмыслить впечатляющий судьбоносный опыт «деструкции», по М. Хайдеггеру, европейской метафизики, осуществленный почти одновременно Достоевским и Ницше [3]. В этом опыте лейтмотивом выступает низложение метафизики в качестве морального мироистолкования. Целью статьи является сопоставление ключевых мотивов названной деструкции в творчестве Достоевского и Ницше. Достоевскому, безусловно, принадлежит первенство в художественно-метафизическом осмыслении феномена нигилизма как «болезни» европейского человечества, однако именно Ницше создал его развернутую философскую концепцию [4]. С этой точки зрения представляется правомерным начать рассмотрение с ключевых концептуальных моментов деструкции метафизики как морального мироистолкования у Ницше, с тем чтобы в ходе дальнейшего анализа сопоставить их с основными мотивами версии Достоевского.

Для Ницше метафизика – это господствовавшая на протяжении двух тысячелетий интерпретация сущего, начало которой положил Платон изобретением сверхчувственного мира идей, возвышающегося над чувственным миром становления; квинтэссенцию этого мироистолкования воплощает христианство. Согласно Ницше фикция метафизического мира покоится на вере в мораль, которая выступает как скрытая основа и цель всех философских построений. «Со времен Платона философия находится под властью морали» [5]. Задача «новых философов» состоит в деструкции морального фундамента величественных философских зданий, так как доверие к разуму, вера в истину является моральным феноменом. Принцип тождества мышления и бытия предстает как моральный предрассудок, как следствие отождествления истины и блага. «Что мышление служит мерой действительности, – такое воззрение является грубым non plus ultra моральной доверчивости (к изначальному принципу истины, лежащему в основе всех вещей)...» [6]. Мораль говорила «да» истине, «да» «истинному миру» и «нет» «кажущемуся миру». Ницше раскрывает тайну симбиоза разума, «инстинкта познания», порождающего метафизику, и морали. Метафизический разум изначально морален. Философ, одержимый волей к истине, как комментирует Ж. Делёз, – это правдивый человек. «Человек, который не хочет обманывать, желает

лучшего мира и лучшей жизни; все доводы в пользу того, чтобы не обманывать, суть доводы моральные» [7]. Разум, противостоящий чувственному восприятию, «кажимости», открывает «истинный», сверхчувственный мир. «Правдоподобный мир неотделим от... воли рассматривать этот мир как видимость. Коль скоро это так, противоположность познания и жизни, различие между мирами раскрывает свой подлинный характер: речь идет о различии морального происхождения, о *противоположности морального характера*» [8]. Мораль – это требование «так должно было бы быть», точка зрения «желательности», которая заключает в себе суждение о сущем, его критику. Оценивая мир, в котором живет, как недолжный и неистинный, философ измышляет мир «как он должен был бы быть», а значит подлинный, «истинный мир». Мораль, следовательно, всегда есть некая интерпретация человеческой жизни и сущего в целом, отвечающая человеческим потребностям: находясь под влиянием морали, она втолковала моральные противоположности в «текст и в сущность дела». Следовательно, «...“истинный мир” построили из противоречия действительному миру – вот в самом деле кажущийся мир, поскольку он является лишь *морально-оптическим обманом*» [9].

Упразднение «истинного мира» требует упразднения морали, которое Ницше осуществляет с помощью генеалогического метода, призванного ответить на вопрос: «кто толкует?» «кто говорит в морали и метафизике?» Мораль оказывается интерпретацией сущего, которая отвечает потребностям «доброго» человека. Он уверен в существовании «истинного мира» и его противоположности кажущемуся, неистинному, недолжному миру. Психологическая почва веры в «истинный мир», в сущее – недоверие к становлению, страх перед временем, обманом, смертью. «Добрый человек», желая избавиться от них, «раздувает свои потребности до размеров *космических и метафизических ценностей*» [10]. «Психология метафизики», таким образом – это, по Ницше, психология «доброго человека». Но, поскольку «сама жизнь ценит через нас» [11], то всякая интерпретация инспирирована каким-то видом жизни. Метафизика как мораль, занимая позицию осуждения жизни, может быть только симптомом усталой, нисходящей жизни. В основе морали «доброго человека» – *ressentiment*, «инстинкт мести и злопамятства», бессильная воля страждущего и посредственного человеческого типа. «Добрый человек» предстает как тиран. Условия своего существования, воплощенные в морали – мире, «*лежащем по ту сторону всяких страданий*» [12], – он делает масштабом жизни, предписывает их миру как закон. Отличительная черта «хорошего человека» – «гиперболическая наивность»: привычка «полагать себя смыслом и мерой ценности вещей...» [13] Порок этой «космической наивности», как показывает М. Хайдеггер, состоит не в очеловечении вещей, а в том, что оно осуществляется не сознательно. «“Добрый человек” этой “морали” есть, мысля метафизически, тот человек, который ничего не подозревает о происхождении ценностей, которым он подчиняет себя как безусловным идеалам» [14]. Принимая высшие ценности как подарок самого сущего, «добрый человек» обретает в подчинении им свое жизненное призвание. Поэтому он представляется Ницше не только тираном, но одновременно и «идеальным рабом». «*Идеальный раб* (“добрый человек”). Тот, кто не может мыслить себя как “цель” и, вообще, не в состоянии из себя создавать цели, тот склоняется к морали *самотречения* – инстинктивно» [15]. Наивное преувеличение собственной ценности, достигаемое парадоксальным путем через отречение от самого себя и приближение к единому для всех идеальному масштабу, составляет тайну «доброго человека». Но в ней заключено сильнейшее противоядие от отчаяния, «от прыжка в Ничто», от нигилизма. «Добрый человек» создал сверхчувственный мир как «бесконечно ценное целое», чтобы «...*иметь возможность верить в свою собственную ценность*» [16]. Мораль «добрых» в качестве метафизического мироистолкования определила судьбы европейского человечества и, в конечном счете, породила нигилизм. Образ-символ «доброго человека» у Ницше, однако, не однозначен. Веры в «истинный мир» придерживаются не только «неизлечимо посредственные», но и «высшие люди», или «возвышенные». В отличие от «доброго человека», они наделены «усиленным сознанием» (Ф. М. Достоевский), им не свойственна наивная, не знающая сомнений вера. Неспособные жить во лжи, они осознают несоответствие жизни высшим ценностям и неизбежно становятся пессимистами. Однако они ищут надежду на старых путях, пытаются спасти «истинный мир». Тип «высшего человека» представлен в книгах Ницше ученым, философом, выдающимися представителями «*homines religiosi*». Сократ, Паскаль, Кант, Шопенгауэр, Вагнер персонифицируют тип «высшего человека».

Метафизика делает выводы «доброго человека», которые «внушены страданием», своим отправным пунктом. Философы – возвышенные, – закрывая глаза на происхождение метафизического «истинного мира» из психологии «доброго человека», утверждают безусловность морали. Эта безусловность иллюзорна и покоится на утверждении трансцендентного источника морали. «С *философской* точки зрения мораль служит основой самой себе как способность разума; она учреждается не за счет выведения из чего-то другого, но за счет того, что мысленно осознает

свое происхождение из сверхчувственной сущности человека...» [17] Созданный усилиями разума «истинный мир» приобретает характер долженствования по отношению к жизни, предписывает человеку повиновение. На это обстоятельство указывает М. Хайдеггер: «Если “истина”, т. е. истинное и действительное, выводится и возводится в некий самосуший мир, то это подлинно сущее выступает как нечто такое, чему должна покориться вся человеческая жизнь. Истинное есть само по себе должное и желанное» [18]. Своего апогея симбиоз разума и морали достигает у Канта, философа, который представляется Ницше предельным воплощением типа «возвышенных». Комментируя позицию Ницше, Делёз отмечает, что в ситуации, когда человек уже не хочет подчиняться ни Богу, ни государству, ни родителям, разум сохраняет незыблемость своего положения как высшей инстанции и убеждает нас «...сохранить послушание, ибо он говорит: повелеваешь ты сам» [19]. Вместе с тем философия Канта представляет собой поворотный момент в истории метафизики, в «Сумерках идолов» она предстает как заключительный этап эволюции идеи «истинного мира», ведущий к ее самоупразднению [20]. Очерчивая границы чистого разума, Кант фактически указывает на внеразумный характер моральных требований. При помощи критики чистого разума Кант, утверждает Ницше, сумел сделать свое моральное царство недоступным нападениям разума. Настаивающий на самозаконности нравственного разума, он изобрел, тем не менее, трансцендентный мир высших ценностей, в ранг которых возвел иррациональные «веле-ния сердца», – мир недоказуемый, «не могущий быть обетованным». Вслед за Ницше Т. Адорно показывает, что интенцией критики практического разума является спасение «позитивности mundis intelligibilis», в учении о котором Кант «как никакой другой философ, представил... конъюнктуру человеческого (гуманного) и трансцендентного» [21].

Важнейшим моментом ницшевской деструкции метафизики в качестве моральной интерпретации сущего является разрушение убеждения в безусловности и трансцендентном происхождении морали. Сам моральный разум в своем историческом развертывании приходит под именем «интеллектуальной совести» к необходимости такой деструкции, к открытию сущности морали. Ницшевское понятие интеллектуальной совести еще раз указывает на исконную связь разума и морали. Интеллектуальная совесть как атрибут новых философов, «свободных умов» – наследие требования безусловной правдивости, воспитанной в европейском человеке христианством. Как отмечает Ясперс, «сама критика морали проистекает из усиленной до предела моральности» [22], а Хайдеггер говорит, что переоценка всех ценностей возникает «из недвусмысленного осознания явлений» и, следовательно, «новое полагание ценностей должно иметь свое происхождение в новом и усиленном сознании (расчете)» [23]. (Очевидно, понятие «усиленное сознание» употреблено здесь не случайно, ведь у Достоевского, имя которого Хайдеггер упоминает в самом начале «Европейского нигилизма», это важнейшая характеристика героев-нигилистов.) Разум обращается против разума, мораль восстает против морали. Интеллектуальная совесть философа – свободного ума требует, прежде всего, преодолеть «добраго человека» в самом себе, произвести «вивисекцию над “добрый человек”, над “homo bonae voluntatis” ... над собою!» [24].

Обнаружение в истоках метафизики морали, а в истоках последней психологических потребностей «добраго человека» переносит мораль из мира самосущего «истинного мира» в мир явлений, лишая ее связи с трансцендентным, в конечном итоге развеивает иллюзию «подлинного бытия». Обнаруживая за моральной интерпретацией волю к Ничто, философ приходит к выводу: мораль есть частный случай «коренной безнравственности всего существующего» [25], истина – частный случай заблуждения. Классической метафизике у Ницше противостоит антиметафизическая «философия становления»; ее суть «заключается в абсолютно неэтическом видении» [26]. Хайдеггер обращает внимание на двойственное понимание морали у Ницше. С одной стороны, мораль – совокупность прежних высших ценностей, в подчинении которым «добрый человек» находит цель своей жизни. С другой стороны, мораль означает систему оценок, имеющую корни в жизненных условиях человеческого существования. По Ницше, сама жизнь есть требование «так должно быть»: «точка зрения желательности, незаконной игры в суд составляет принадлежность хода вещей» [27]. Корень морали – не в кантовской разумной «доброй воле», а в иррациональной воле к власти. Такой подход, по сути дела, означает «устранение этического» (С. Киркегор). По замечанию Ясперса, редукция морали к воле к власти скрывает специфический смысл этического. В самом деле, мораль оказывается одним из обликов воли к власти, одним из способов интерпретации. Устранение этического, казалось бы, ведет к «радикальной необязательности» (К. Ясперс) и произволу, однако имморализм Ницше не означает оправдания внеморальной «просто жизни». Мысль Ницше, при «полной закрытости в имманентном» (П. П. Гайденко), обнаруживает стремление к трансцендированию феноменального мира. Отсюда возникает проект преодоления морали в «сверхморали», императивом которой становится «творчество без трансценденции» (К. Ясперс).

В творчестве Достоевского нет сознательно заявленной программы деструкции «всего прежнего мировоззрения» (Ф. М. Достоевский), однако масштабы философских открытий Достоевского и Ницше, несомненно, сопоставимы. Писатель осмыслил эпохальный феномен нигилизма, создав, по сути дела, художественно-метафизический мир неклассического типа, во многом превосхитив поиски европейской философской мысли. «Теория познания, этика, онтология – вся философия конструируется совсем по-иному для того, кто примет “посвящение” от Достоевского...» [28] Задача ниспровержения «всего прежнего мировоззрения» выпала, прежде всего, на долю героя «Записок из подполья», произведения, обозначившего поворот в мирозерцании самого Достоевского. Л. Шестов рассматривал «Записки» как подлинную критику чистого разума, задача которой состояла в «преодолении того строя идей, который гегелевская философия как итог развития европейской мысли воплотила в себе» [29]. «Подпольный человек» – один из главных «концептуальных персонажей» (Ж. Делёз) Достоевского, первый в ряду героев-нигилистов, – человек «усиленно сознающий», не знающий «живой жизни», сознательно выбирающий жизнь в «углу», в «подполье» в противовес фальшивому существованию в мире «непосредственных людей и деятелей». Обнаруживается явная параллель между «подпольным человеком» и «жителем подземелья» из «Утренней зари» Ницше. Задача у этих концептуальных персонажей одна и та же – «подкапывать» фундамент величественных философских зданий, возводимых веками. Метафора «спуска в глубину» и у Достоевского, и у Ницше – обозначение способа деструкции «истинного мира», пути мышления, усматривающего в подоплеке высших ценностей иррациональную стихию воли.

Главный мотив деструкции прежнего мироистолкования, предпринятой «подпольным человеком», – тот же, что и у Ницше: расхождение между требованиями разума, узаконившего притязания морали, и действительностью, подозрение «усиленного сознания» относительно фальши «истинного мира». Характерная черта «подпольного человека», как и других героев-нигилистов Достоевского, – это соединение «усиленного сознания» с потребностью «высшей мысли» и «высшей жизни», с жадной истины, гармонии, смысла. К ним с полным правом может быть отнесена ницшевская характеристика: «Пессимисты – это бунтари, движимые моральным пафосом. Мораль как причина пессимизма. Пессимизм как предтеча нигилизма» [30]. Главным аргументом в деле деструкции «основополагающего метафизического строя» (М. Хайдеггер) является страдание, неопровержимо свидетельствующее об отсутствии гармонии и смысла в мире и заставляющее осудить его, а заодно поставить под вопрос сами высшие ценности. Платоновский мир истины, добра и красоты в рассуждениях «подпольного человека» трансформируется в «каменную стену». «Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика» [31]. «Каменная стена» – не только метафора для непреложных законов природы, устанавливаемых наукой, но и норм морали, выступающих в качестве «самоочевидностей разума», «принудительной и принуждающей истины» (Л. Шестов). Согласно Достоевскому смысл критики прежнего строя идей таков: «Да ведь разум оказался несостоятельным перед действительностью, да, сверх того, сами-то разумные, сами-то ученые начинают учить теперь, что нет доводов чистого разума, что чистого разума и не существует на свете... что есть разум Иванов, Петров, Гюставов, а чистого разума совсем не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатого столетия» [32]. «Математика», «дважды два четыре» (символы «закона разумной необходимости») вторгаются в сферу человеческого существования. Наука, растолковывающая человеку, что «ни воли, ни каприза на самом-то деле у него и нет» [33], и утилитарная этика, обосновывающая необходимость добродетели, объединяются в сознании «подпольного человека» в одно целое. Символическое воплощение царства благоразумия, торжества союза разума и морали – образ «Хрустального дворца», имеющий явное сходство с «величественными и нравственными зданиями» из предисловия к «Утренней заре» Ницше [34].

«Усиленное сознание» нигилиста, побуждаемое моральным пафосом, подвергает деструкции самоочевидности разума, противопоставляя им как фикциям жизнь – «бесперывность процесса достижения» [35] и волю как ее квинтэссенцию. «Подпольный человек» ясно видит, что «каменная стена» – «не слово на мир» (по Ницше, всего лишь «толкование, а не текст»). Все философские теории, обосновывающие неизбежность «хрустального дворца», – «одна логистика»; возможно, и само хрустальное здание – только иллюзия. Моральная рефлексия играет особую роль в ниспровержении «истинного мира». Размышление над причиной, возможностью и нравственной оправданностью поступка уходит в дурную бесконечность, «резоны испаряются». «Подпольный человек» вопрошает: «Ну а как я, например, себя успокою? Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания?» [36]. Результат такого «недвусмысленного осознания явлений» – «...уничтожение веры в общие правила. “Нет ничего святого”» [37]. Единственной реальностью оказывается бесосновное и бесцельное становление: «мрачная кос-

ность» природы и «абсурд всей исторической действительности» [38]. Отсюда и негативная оценка философии, высшим предметом которой всегда было бытие. Вот суждение из черновых материалов к «Подростку»: «Философия... это нечто о законах бытия вещей, причем бытие должно быть непременно и во всяком случае выше ума человеческого единственно для того, чтобы всю жизнь человек искал определить его и не мог. Мало того, надо непременно, чтоб человек никогда ничего не сыскал в бытии: это приличнее, и в том задача. Это, так сказать, высшая игра в жмурки – ну вот и все» [39]. В этой оценке сосредоточен смысл деструкции метафизики в варианте Достоевского: метафизический, «истинный мир» недостижим для человеческого понимания. Поиски бытия, тождественного благу, не приводят ни к чему – высшая истина, дарующая смысл человеческой жизни, оказывается фикцией, всего лишь «высшей игрой в жмурки». Так и у Ницше: «...Характер бытия не “истинен”, а *ложен*... в конце концов нет более основания убеждать себя в бытии истинного мира...» [40]

Иллюзия «истинного мира», разумного и благого бытия полностью отвечает чаяниям «непосредственного человека». Это «концептуальный персонаж», аналогичный «доброму человеку» Ницше, антипод «усиленно сознающего» «подпольного человека». В противоположность последнему, вынужденному отказаться от «самоочевидностей разума» и жить без прежних нравственных опор, «непосредственный человек» «положительно определен», его жизненная роль и правила выработаны раз и навсегда. «Усиленное сознание», отвергающее небожественный и неморальный мир, устремлено к вечно недостижимому безусловному, а непосредственный человек им уже обладает. Сам эпитет «непосредственный» указывает на отличительную черту этого психологического типа – сознание, не обремененное рефлексией и моральными сомнениями. Безусловное «непосредственных людей и деятелей» – это «каменная стена», перед которой они «пасуют со всею искренностью». Достоевский дает ключевую характеристику психологии «непосредственного человека» и инспирированного ею мироистолкования: «Стена имеет для них [«непосредственных людей»] – что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое...» [41] Для них «каменная стена» – «слово на мир»: разумность и нравственный порядок внутренне присущи бытию; и потому «непосредственные люди» находят в «каменных стенах» твердое основание для своих поступков. Именно поэтому «стена» заключает в себе нечто «нравственно-разрешающее»: рассудок обосновывает мораль «непосредственного человека», помогает «сосчитать выгоды» и отождествить свою выгоду с добродетелью. Психологию «непосредственного человека», искренно пасующего перед «каменной стеной» (напомним, у Ницше: «хороший человек – идеальный раб»), «подпольный человек» обнаруживает в основании науки, этики разумного эгоизма, в теориях исторического прогресса. И здесь та же не знающая сомнений вера в разум, присущий бытию, наивное приписывание реальной истории всякого рода «желательностей». Мыслитель, убежденный, что доброе начало восторжествует в просвещенном человеке, в глазах героя «Записок» тот же «непосредственный человек». «О младенец! О чистое, невинное дитя!», – восклицает «подпольный человек». Речь идет о той же «гиперболической наивности», отличающей, согласно Ницше, «доброе человека», – способности «раздуть» собственные потребности до космических, метафизических размеров. Привычка полагать разум мерой действительности и человеческого существования заставляет мыслителей в угоду «логике» закрывать глаза на явное неразумие истории и предвидеть торжество разума и гуманности в историческом процессе. Она же побуждает науку исключить из «систем» и «классификаций» волю, иррациональный «каприз», случай и заменить их «логистикой». Здесь же причина того, что в философских теориях свойства «непосредственного человека» предстают как определения человека вообще, «сына природы». Однако «l'homme de la nature et de la verite» – вовсе не норма, а фикция, всего лишь проекция психологии «непосредственного человека». «Вы верите в l'homme de la raison, в l'homme de la nature et de la verite и не замечаете, что он – кукла, которая не существует» [42]. «Непосредственный человек» под видом «l'homme de la nature et de la verite» у Достоевского, как и у Ницше, предстает как тиран. Деспотизм видится «подпольному человеку» в философских теориях, стремящихся заключить человека в рамки разума и благонравия. В мире Достоевского есть, таким образом, свои «возвышенные», на деле занятые метафизическим обоснованием «нормальных интересов» «непосредственного человека».

Герои-нигилисты Достоевского, одержимые волей к истине, разрушают классическое единство истины, добра и красоты. Осознавшие, что «нет ничего святого», как будто следуя требованию Ницше, они экспериментально проверяют мысль о безграничной и опасной невинности («все позволено»). При этом открывают красоту зла, упоение от «мучительного сознания низости», от переступания «черты» – божественного и нравственного закона. Это своего рода эстетики, исповедующие «эстетизм как наслаждение запретным» (П. П. Гайденко), нашедшие наслаждение в обоих полюсах красоты. Практически ниспровергая мораль, они решают метафизиче-

скую проблему: «существование либо обманчиво, либо вечно» [43]. Крах, неизменно ожидающий этих героев на пути «своеволия», свидетельствует о том, что для Достоевского исключена ницшевская версия преодоления морали в «морали созидателя» (Ф. Ницше) и метафизики в эстетическом феноменализме, утверждающем «обманчивость» существования. У Достоевского, как и у Ницше, деструкция морали осуществляется «в контексте сверхморальной перспективы» [44], однако эти «перспективы» существенно различаются. Для Достоевского и его «усиленно сознающих» героев невозможен возврат к прежнему единству разума, морали и бытия, но они, движимые потребностью высшей мысли и высшей жизни, ищут путь нового «прорыва к трансцендентному». Возможность такого прорыва для Достоевского содержится в «чудесной и чудотворной красоте» идеала Христа, которая заключается в его «нравственной недостижимости». Однократное личностное воплощение «идеала красоты», имеющего, по существу, сверхморальную природу, и его рациональная недостижимость указывают на возможность трансцендентной реальности и открывают человеку путь «соприкосновения мирам иным» [45]. Однако сопоставление предложенных Достоевским и Ницше альтернативных проектов преодоления метафизики как морального мироистолкования – тема специального исследования.

Примечания

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 501.
2. Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки / отв. ред. В. Н. Иванов. М.: ИФ РАН, 2007. С. 7.
3. См.: Кузубова Т. С. Метафизические миры Достоевского и Ницше. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2001. Гл. 1.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 63–64.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 238.
6. Там же. С. 256.
7. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. С. 202.
8. Там же.
9. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 571.
10. Он же. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 40.
11. Он же. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 576.
12. Он же. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 200.
13. Там же. С. 35.
14. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 107.
15. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 212.
16. Там же. С. 34.
17. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 223.
18. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 105.
19. Делёз Ж. Ницше и философия. С. 196.
20. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 572.
21. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Академ. проект, 2011. С. 506, 514.
22. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. С. 228.
23. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 91.
24. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 341.
25. Он же. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 195.
26. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академ. проект, 2008. С. 611.
27. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 197.
28. Шестов Л. На весах Иова: Странствования по душам // Шестов Л. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 91.
29. Он же. Киргегард и экзистенциальная философия: Глас вопиющего в пустыне. М.: Прогресс – Гнозис, 1992. С. 15.
30. Ницше Ф. Из наследия (осень 1887 г. – март 1888 г.) // Иностран. лит. 1990. № 4. С. 187.
31. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 5. С. 105.
32. Там же. С. 78.
33. Там же. С. 112.
34. Luft, E., Stenberg, D. G. Dostoevskii's specific influence on Nietzsche's preface to "Daybreak" // J. of the history of ideas. Philadelphia, 1991. Vol. 52. № 3. P. 448.
35. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 118.
36. Там же. С. 108.
37. Там же. Т. 16. С. 330.
38. Там же. Т. 30. Ч. 1. С. 63.
39. Там же. Т. 16. С. 286.
40. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 35.
41. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 103–104.
42. Там же. Т. 20. С. 203.

43. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 81.
44. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. Вып. 1 / под ред. А. А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2000. С. 14.
45. См.: Кузубова Т. С. Метафизические миры Достоевского и Ницше. С. 138–144.

Notes

1. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Meaning and purpose of history]. Moscow. 1994. P. 501.
2. Horuzhij S. S. Krizis klassicheskoj evropejskoj jetiki v antropologicheskoj perspektive [The Crisis of classical European ethics in anthropological perspective] // Jetika nauki – Ethics science. Moscow. 2007. P. 7.
3. See.: Kuzubova T. S. Metafizicheskie miry Dostoevskogo i Nicshe [The Metaphysical worlds of Dostoevsky and Nietzsche]. Ekaterinburg. 2001. Chapter 1.
4. Hajdegger M. [Heidegger, M.]. Evropejskij nihilizm [European nihilism] // Vremja i bytie – The Time and being. Moscow. 1993. P. 63–64.
5. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. Moscow. 2005. P. 238.
6. Ibid. P. 256.
7. Deljoz Zh. [Deleuze, G.]. Nicshe i filosofija [Nietzsche and philosophy]. Moscow. 2003. P. 202.
8. Ibid.
9. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Sochinenija: v 2 t. [Works: In 2 vols.]. Moscow. 1990. Vol. 2. P. 571.
10. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 40.
11. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Sochinenija: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. P. 576.
12. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 200.
13. Ibid. P. 35.
14. Hajdegger M. [Heidegger, M.]. Evropejskij nihilizm [European nihilism]. P. 107.
15. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 212.
16. Ibid. P. 34.
17. Jaspers K. Nicshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovanija [Nietzsche. An introduction to the understanding of his philosophizing.]. SPb. 2004. P. 223.
18. Hajdegger M. [Heidegger, M.]. Evropejskij nihilizm [European nihilism]. P. 105.
19. Deljoz Zh. [Deleuze, G.]. Nicshe i filosofija [Nietzsche and philosophy]. P. 196.
20. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Sochinenija: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. P. 572.
21. Adorno T. Negativnaja dialektika [Negative dialectics]. Moscow. 2011. P. 506, 514.
22. Jaspers K. Nicshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovanija [Nietzsche. An introduction to the understanding of his philosophizing]. P. 228.
23. Hajdegger M. [Heidegger, M.]. Evropejskij nihilizm [European nihilism]. P. 91.
24. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Sochinenija: v 2 t. [Works: in 2 vols.] Vol. 2. P. 341.
25. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 195.
26. Rikjor P. [Ricoeur, P.]. Konflikt interpretacij. Oчерки o germenевtike [The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow. 2008. P. 611.
27. Nicshe F. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 197.
28. Shestov L. Na vesah Iova: Stranstvovanija po dusham [On the scales of Job: Wandering souls] // Soch.: V 2 t. – Shestov L. Works: In 2 vols. Moscow. 1993. Vol. 2. P. 91.
29. Shestov L. Kirgegard i jekzistencial'naja filosofija: Glas vopijushhego v pustyne [Kirkegard and existential philosophy: a Voice crying in desert]. Moscow. 1992. P. 15.
30. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Iz nasledija (osen' 1887 g. – mart 1888 g.) [From heritage (autumn 1887 – March 1888)] // Inostr. lit. 1990. № 4. – Foreign lit. 1990. No. 4. P. 187.
31. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. [Complete works: In 30 vols]. Leningrad. 1972–1990. Vol. 5. P. 105.
32. Ibid. P. 78.
33. Ibid. P. 112.
34. Luft, E., Stenberg, D.G. Dostoevskii's specific influence on Nietzsche's preface to "Daybreak" // J. of the history of ideas. Philadelphia, 1991. Vol. 52, N 3. P. 448.
35. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. [Complete works: In 30 vols]. P. 118.
36. Ibid. P. 108.
37. Ibid. Vol. 16. P. 330.
38. Ibid. Vol. 30. Part 1. P. 63.
39. Ibid. Vol. 16. P. 286.
40. Nicshe F. [Nietzsche, F.]. Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej [The Will to power. The experience of revaluation of all values]. P. 35.
41. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. [Complete works: In 30 vols] Vol. 5. P. 103–104.

42. Ibid. Vol. 20. P. 203.

43. Kamju A. [Kamus, A.]. Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskustvo [The Revolting man. Philosophy. Policy. Art]. Moscow. 1990. P. 81.

44. Gusejnov A. A. Jetika i moral' v sovremennom mire [Ethics and morality in the modern world] // Jeticheskaja mysl'. Vyp. 1 – Ethical thought. Vol. 1. Moscow. 2000. P. 14.

45. See.: Kuzubova T. S. Metafizicheskie miry Dostoevskogo i Nicshe [The Metaphysical worlds of Dostoevsky and Nietzsche]. P. 138–144.

УДК 122

И. В. Малимонов, И. Г. Синьковская, Л. Г. Король, Д. В. Рахинский

Современные семейные ценности в контексте макросоциальных изменений

Рассматриваются главные тенденции изменения ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе. Анализируются факторы, обуславливающие трансформацию ценностных ориентаций семьи. Объясняется неминуемость данных трансформаций как неотъемлемой части естественных изменений в современном обществе. Раскрывается важность формирования семейных ценностных ориентаций для формирования новой социальной структуры всего российского общества. Показано, что в новых условиях существования и развития общества происходит активный процесс повышением роли личности в социальной структуре. Отмечено снижение актуальности процесса преемственности между поколениями в формировании современных семейно-брачных отношений. Рассматриваются особенности социализации подрастающего поколения с доминирующей ориентацией на сверстников. Отмечается наличие противоречий в формировании семейных ценностей, связанных с необходимостью совмещения традиционных нравственных принципов и новой рыночной моралью.

The main tendencies of change of valuable orientations of a family in modern Russian society. The factors causing transformation of valuable orientations of a family are analyzed. The inevitability of these transformations, as integral part of natural changes in modern society. Importance of formation of family valuable orientations for formation of new social structure of all Russian society reveals. It is shown that in new living conditions and developments of society there is an active process by increase of a role of the personality in social structure. Decrease in relevance of process of continuity between generations in formation of the modern family and marriage relations is noted. Features of socialization of younger generation with the dominating orientation to contemporaries are considered. Existence of contradictions in formation of the family values connected with need of combination of the traditional moral principles and new market morals is noted.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, трансформация семьи, социализация, семейная политика.

Keywords: family, family values, transformation of a family, socialization, family policy.

Семья – это отдельная система, с неким специфическим набором ценностей, в котором сочетаются как индивидуальные, так и коллективные начала. Именно в семье происходит сложнейший процесс сохранения и формирования духовных ценностей, норм, правил и образцов поведения, которые семья передаёт новым поколениям.

В семье формируется определённый морально-психологический климат, определяющий специфику социализации её членов, особенно подрастающего поколения. В процессе социализации формируется основа отношений ребёнка к ценностям (как материальным, так и духовным), определяющая его последующий процесс адаптации в социальной среде. Поэтому наличие и соблюдение семейных ценностей и традиций являются значимыми моментами, способствующими формированию здорового и благоприятного морально-психологического климата в семье. В дальнейшем эти процессы отражаются на формировании и модификации структуры ценностей различных поколений и становятся основой формирования новой социальной структуры всего российского общества.

Но в этих процессах содержится и потенциальная угроза развитию всего общества, поскольку происходящие социальные изменения могут быть как созидательными, так и разрушительными для всех общественных институтов. Возможность негативных последствий трансформации системы ценностей в масштабах семьи отмечал ещё в начале XX столетия П. А. Сорокин: «Позволю обратить ваше внимание и ещё на один факт: на семью. Вы знаете, что она разлагается. Но должны знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество... Оздоровление

семьи, улучшение ее организации в том направлении, чтобы она, как первый скульптор, лепящий Socius'a из биологической особи... создавала индивидуальность, чуждую и эгоистического шакализма, и невежества слепой стадности» [1]. Несмотря на то что данные выводы были сделаны П. А. Сорокиным почти столетие назад, их актуальность сохраняется и даже возрастает по отношению к современной семье.

Говоря о современной семье, мы можем констатировать, что в ней произошли важнейшие изменения в ценностных ориентациях, что отражается в работах многих отечественных исследователей. Так, по мнению И. Г. Кузиной и А. В. Винокуровой, «новый социальный порядок, обусловленный процессами, происходящими в современных постиндустриальных обществах, отличается от прежних общественных форм, в первую очередь, повышением роли личности в социальной структуре [2]. Подобная оценка содержится и в работе И. В. Малимонова: «...самые главные трансформационные процессы семейно-брачных отношений заключаются в образовании новых ценностных ориентаций, основанных на стремлении к максимализации личной свободы, и приоритете материального потребления» [3]. И сегодня члены семьи, как правило, уже неспособны пожертвовать личными интересами в угоду общественным. Здесь возникает проблема, причем глобальная и пугающая, которая заключается в формировании и закреплении в российском обществе совершенно новых, зачастую социально неодобряемых общих моральных ценностей. Кроме того, современная социальная действительность характеризуется высокой степенью непредсказуемости во всех общественных институтах. Данную ситуацию прекрасно характеризуют слова З. Баумана: «Людям предлагается (скорее, даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [4]. Такая позиция, в которой свобода индивидуального выбора ставится выше всего остального, хорошо отмечена в работах Ф. Фукуяма: «В современном обществе степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли» [5]. Одна из причин такого поведения – появление эффекта моральной миниатюризации: «В то время как люди продолжают участвовать в групповой жизни, авторитет самих групп и связанный с ним радиус доверия уменьшились. Таким образом, общих ценностей, которые бы разделялись членами общества, стало меньше, а соперничества среди групп – больше» [6].

Попытаемся проанализировать факторы и механизм трансформации ценностей российской семьи при переходе от индустриального общества к постиндустриальному. Изучая семью в контексте макросоциальных изменений при смене индустриального способа производства на постиндустриальный, примем за основу тезис, что ведущими факторами глубоких и качественных изменений ценностных ориентаций семьи является трансформация социально-экономических отношений и изменение общественных морально-этических норм и правил.

Рассмотрим влияние вышеуказанных факторов применительно к процессу смены традиционного типа семьи на современный. Так, описывая традиционную семью, А. В. Ковалёва указывает: «Основой традиционной семьи является преемственность между поколениями, которая отражает себя в выборе профессии, ведении домашней хозяйственной деятельности, культурных и традиционных установках, в образе жизни в целом. Характерны родственная солидарность и взаимные обязательства. Межпоколенные связи, в системе прародители – родители – дети, были одинаково сильны. В соответствии с тесными семейными связями ребенок в качестве образцов поведения получает от прародителей и родителей полную ролевую модель своего поведения» [7]. В современной же семье преемственность поколений серьезно нарушается, становясь устаревшим понятием. Ведь ускорение социально-экономического развития современного общества снижает значимость опыта предыдущих поколений. Это порождает следующее противоречие: отсутствие связей между поколениями – это, с одной стороны – трагедия, с другой – жесткая объективная необходимость существования современной семьи. И сегодня мы видим, что процесс социализации подрастающих поколений характеризуется ориентацией не столько на родителей, сколько на сверстников, близких по возрасту, социальному и профессиональному опыту. Таким образом, в процессе личностного и профессионального развития влияние родителей становится всё менее и менее значимым с одновременным ростом воздействия мнений других социальных групп, и прежде всего сверстников. Это приводит к растущему значению несемейных групп и увеличению количества межпоколенных конфликтов. Подобные тенденции обуславливают такое негативное явление в семейно-брачных отношениях, как перекладывание на государство ответственности за благосостояние, жизнь и здоровье членов семьи, как правило, это происходит из-за отсутствия возможностей или желания обеспечить им достойное существование (дом малютки, детские дома, дома престарелых).

Кроме того, в ходе трансформации российского общества, начавшейся в начале 1990-х гг., появляется и все ещё остаётся актуальной проблема, связанная со сменой ценностей прежнего, социалистического, общества на ценности нового, ориентированного прежде всего на рыночные отношения. И если система ценностей прежнего общества уже «размывается», то ценности новой эпохи ещё не сформировались. Это, по мнению М. В. Карнауховой, проявляется в том, что «в современном российском обществе все больше обостряется противоречие между специфическими рыночными ценностями (неприкосновенность частной собственности, максимализации прибыли, культ свободного рынка, выживание сильнейших) и демократическими ценностями (равенство, свобода, социальная ответственность, всеобщее благосостояние)» [8]. Это усугубляет конфликт традиционных и современных ценностей, неизбежно проявляясь на уровне семьи, затрудняя её адаптацию в новых социально-экономических условиях. Схожей точки зрения придерживается и С. В. Дармодехин, отмечая, что «многие семьи в течение всего периода реформ так и не сумели сформировать “защитные” стратегии и механизмы» [9]. Созвучное мнение выражено также и в работах И. Ф. Дементьевой: «Поколение родителей, фундаментальные ценности которых сложились в эпоху социалистических общественных отношений, испытывает глубокие противоречия, связанные с необходимостью совмещения старых нравственных принципов и новой рыночной морали» [10].

В совокупности все данные противоречия порождают кризисное состояние современной семьи, при этом материальные аспекты являются далеко не первостепенными. И мы можем констатировать негативные тенденции в формировании новых семейных ценностей, для минимизации которых необходимо безусловное сохранение традиционной основы национальной русской культуры в воспитании подрастающих поколений в масштабах всего общества. Но хочет ли сама семья подобного воздействия?

Примечания

1. Сорокин П. А. Из речи на собрании в Петербургском университете 22 февраля 1922 г. // Дальняя дорога. М.: Изд-во «Терра», 1992.
2. Кузина И. Г., Винокурова А. В. Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе // Вестник инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2009. № 1. С. 150–156.
3. Малимонов И. В. Изменения института семьи в современном обществе // Научный альманах. 2015. № 7(9). С. 1235–1238.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Изд-во «Логос», 2005.
5. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
6. Там же.
7. Ковалёва А. В. Негативные факторы трансформации традиционной семьи в современную // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2015. Т. 6. № 1. С. 265–272.
8. Карнаухова М. В. Основные тенденции диверсификации мировой системы оценивания качества усвоения знаний в образовании на рубеже XX–XXI столетий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ульяновск, 2006.
9. Дармодехин С. В. Проблемы развития системы воспитания детей в Российской Федерации // Педагогика. 2001. № 1. С. 10–17.
10. Дементьева И. Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2004. № 6–7. С. 150–160.

Notes

1. Sorokin P. A. Iz rechi na sobranii v Peterburgskom universitete 22 fevralya 1922 g. [From the speech at meeting at the Petersburg university on February 22, 1922]. Submultiple road. Moscow, 1992.
2. Kuzina I. G., Vinokurova A. V. Sotsial'nye i lichnostnye faktory transformatsii tsennostnykh orientatsiy sem'i v sovremennom rossiyskom obshchestve [Social and personal factors of transformation of valuable orientations of a family in modern Russian society]. Bulletin of the Far Eastern State Technical University. 2009, № 1, pp. 150–156.
3. Malimonov I. V. Izmeneniya instituta sem'i v sovremennom obshchestve [Changes of institute of a family in modern society]. Scientific almanac. 2015, № 7(9), pp. 1235–1238.
4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]. Moscow, 2005.
5. Fukuyama F. Velikiy razryv [Great gap]. Moscow, 2004.
6. Ibid.
7. Kovaleva A. V. Negativnye faktory transformatsii traditsionnoy sem'i v sovremennuyu [Negative factors of transformation of a traditional family in the modern]. Electronic scientific publication "Scientific notes TOGA. 2015, № 1, pp. 265–272.
8. Karnaukhova M. V. Osnovnye tendentsii diversifikatsii mirovoy sistemy otsenivaniya kachestva usvoeniya znaniy v obrazovanii na rubezhe XX–XXI stoletiy [The main tendencies of diversification of world system of estimation of quality of assimilation of knowledge in education at a turn of the XX–XXI centuries. Cand. diss.]. Ul'yanovsk, 2006.

9. Darmodekhin S. V. Problemy razvitiya sistemy vospitaniya detey v Rossiyskoy Federatsii [Problems of development of an educational system of children in the Russian Federation]. Pedagogy. 2001, № 1, pp. 10–17.

10. Dement'eva I. F. Transformatsiya tsennostnykh orientatsiy v sovremennoy rossiyskoy sem'e [Transformation of valuable orientations in a modern Russian family]. Bulletin of peoples' friendship university of Russia. 2004, № 6–7. pp. 150–160.

УДК 111.1

В. А. Рыбальченко

Философские аспекты эволюции физической формы материи

В статье рассмотрена проблема перехода от абстрактно-всеобщей диалектики к конкретно-всеобщей теории развития. Анализируется проблема космологической сингулярности, рождения мира из «Ничего» и роль темной материи. Выявлено, что эволюционный потенциал развития Вселенной отражен в законах: законе Эйнштейна о связи массы и энергии, в законе физического вакуума, а также в эволюционирующем гравитационном поле.

The issue of conversion out of the general abstract dialectics to the general concrete theory of development has been considered. The issue of cosmologic singularity, the birth of the world from the "Nothingness" and the role of the dark matter has been analyzed. Evolutionary potential of the Universe development is based on these principles: the Einstein law of the connection between the mass and the energy, the physical vacuum law, the evolving gravitation field.

Ключевые слова: развитие, физическая форма материи, космология, сингулярность, вакуум, темная материя.

Keywords: development, physical form of matter, cosmology, singularity, vacuum, the dark matter.

Уровень изучения природы и общества в современном мире требует от философии перехода от абстрактно-всеобщей диалектики, доказавшей, что развитие во всем мире осуществляется по одним и тем же диалектическим законам, к конкретно-всеобщей теории развития. Такая теория должна включать в себя не только знание абстрактно-всеобщих законов, но и знания об *особенном*, о конкретных этапах всего мирового процесса.

В свою очередь частные науки, предметом которых является особенное, не могут во всей полноте решить собственные проблемы, не прибегая к помощи философской теории. Таким образом, философия – это наука не только о всеобщем, но и в существенной мере об особенном. Теория, которая включила в себя особенное, называется в философии конкретно-всеобщей.

Более сорока лет конкретно-всеобщий подход разрабатывается кафедрой философии Пермского государственного национального исследовательского университета. Современная версия научной философии была разработана Пермской философской школой под руководством В. В. Орлова [1].

Как отмечает В. В. Орлов, «центральной идеей конкретно-всеобщей теории развития выступает понятие *единого закономерного мирового процесса* развития, или бесконечной закономерной последовательности основных форм материи, выступающих в качестве основных ступеней развития материи» [2]. Данная теория основывается не на абстрактных понятиях материи, развития всеобщего, а, включая в себя абстрактно-всеобщую теорию, рассматривает конкретные этапы мирового процесса, основные формы материи, из которых в настоящее время известны четыре: физическая, химическая, биологическая и социальная.

В конкретно-всеобщей теории сохраняются все ранее введенные понятия абстрактной диалектики, такие как развитие, связь, противоречия и другие. Эти понятия применяются к объяснению реального мирового процесса и приходят в систему на основе стержневой идеи *единого закономерного мирового процесса*.

Нередко проблема развития в частных науках сводится к поиску специальных законов, которые могли бы непосредственно управлять различными формами материи (физической, химической, биологической, социальной). Но такие законы ни в физике, ни в химии или любой другой науке не найдены. На данном этапе развития науки существуют альтернативные точки зрения.

В частности, по мнению А. Н. Коблова [3], развитие физической реальности идет от низшего к высшему с необходимостью, философские законы развития физики еще не открыты, но, возможно, появятся.

Иной подход предложен Т. С. Васильевой [4]. С ее точки зрения, все законы частных наук выступают на скрытом уровне в качестве законов развития. В законах физики, химии и биологии содержится скрытый уровень, представляющий собой *эволюционное содержание* этих законов.

«...Если законы диалектики являются непосредственно законами развития, определяющими смену ступеней развития, то законы частных областей, возможно, не являются непосредственно продвигающими законами, однако они имеют скрытое эволюционное содержание» [5]. Далее, Т. С. Васильева отмечает: «Эволюционное содержание периодического закона может быть обнаружено только при учете включенности этой периодической зависимости в общий процесс химической эволюции элементов и их соединений. Вопрос об эволюционном содержании периодического закона, таким образом, оказывается необходимо связанным с вопросом об отношении его к химическим элементам как к особенным. Детерминирует ли периодический закон химические элементы как особенные или является безразличным к ним?»

Вопрос о детерминации законами не только общего, но и особенного относится к числу мало разработанных проблем философии и естествознания. Существует мнение, что закон выражает всеобщее для той или иной области действительности. Это означает, что закон детерминирует лишь общее, повторяющееся в вещах. Однако если закон отражает только общие черты предметов, а развитие «по определению» заключается в порождении *многообразия особенного*, понятие закона оказывается чуждым идее развития, поскольку оно фиксирует только повторение одних и тех же *общих черт*, а не *возникновение нового*. Значит понятий лишь на уровне своего непосредственного, абстрактно-всеобщего содержания закон оказывается несовместимым с идеей развития. Как справедливо замечает В. В. Орлов, понятие закона включает в себя идею развития лишь в том случае, если в него вводится особенное, или, иначе, если закон трактуется как единство всеобщего и особенного» [6].

Проблема развития физической формы материи до сих пор является слабо разработанной. В связи с этим данная проблема актуальна и требует философского осмысления.

Идея развития появляется в физических концепциях с появлением общей теории относительности и впоследствии созданной на ее основе релятивистской космологии. Одним из интересных и сложных вопросов философии и физики является вопрос о *законах*, определяющих развитие физической формы материи.

Эволюционной теорией в современной физике является *космология*, а основным противоречием, определяющим развитие, – противоречие между *притяжением* и *отталкиванием*. На наш взгляд, в физике в определенной степени продвигающими, обладающими эволюционным содержанием, является закон Эйнштейна о связи массы и энергии.

В современной физике актуально философское обсуждение проблемы сингулярного состояния в связи с эволюцией физической формы материи и Вселенной в целом. Космологическая сингулярность присутствует в ряде классических моделей Вселенной, и при этом плотность материи и скорость являются бесконечными.

Вопрос о том, как образовалась Вселенная, актуален не только для физики, но и для философии. «Формально-математически сингулярность соответствует акту творения Мира, при этом предполагается, что в один и тот же момент времени возникает и пространство-время и материя в нем. Причем есть важная особенность, космологические решения уравнений Эйнштейна отсутствуют до момента времени, предшествующего сингулярности» [7]. Что было до сингулярного состояния, и из чего на самом деле возникла Вселенная? Окончательного решения данного вопроса ни в физике, ни в философии нет, но есть некоторые подходы.

Одной из распространенных гипотез является идея о том, что наш мир рождается из «ничего». Этот процесс анализирует академик Я. Б. Зельдович: «Рождение мира из ничего – это значит рождение вселенной без затраты энергии. Начальная флуктуация вакуума имеет энергию, равную нулю. Квантовое рождение вселенной – это рождение вселенной из квантовых флуктуаций вакуума. Вся энергия вакуума позднее переходит в энергию частиц на инфляционной космологии. За счет увеличения объема объем вселенной стал больше, а плотность вакуума осталась такой же. Когда вакуум распадается, энергия самого вакуума переходит в энергию частиц, она связана с массой. В итоге рождается множество частиц с разной массой» [8]. Мы видим здесь *продвигающую* роль законов для космического вакуума: $P = -\epsilon$, где P – давление вакуума, ϵ – плотность энергии; с другой стороны – закона связи массы и энергии ($E=mc^2$).

С точки зрения Я. Б. Зельдовича, в начальном состоянии не было ничего, кроме вакуумных колебаний всех физических полей, включая гравитационное. По современным представлениям, классическое пространство-время Вселенной появляется после этапа квантового рождения Вселенной. Понятия пространства и времени являются классическими, в начальном же состоянии не было реальных частиц, реального метрического пространства и времени (проблема пространственно-временной пены также нуждается в философском обосновании).

Возможность изложенного процесса не противоречит основным физическим законам. Замкнутый мир сохраняет основные «квантово-топологические» числа. Его полная масса равна нулю, а следовательно, спонтанное рождение этого мира не противоречит закону сохранения энергии. Происходит это потому, что масса вещества внутри такого мира полностью «уравновешивается» отрицательной гравитационной энергией связи этой массы. Полный электрический заряд такого мира из-за его топологических свойств тоже равен нулю.

Рождение мира из «ничего» позволяет достаточно просто решить вопрос о начальном состоянии Вселенной в духе общих квантовых представлений о природе материи. Кроме того, на этой стадии из вакуумных флуктуаций негравитационных полей рождаются флуктуации плотности вещества, которые значительно позже, в близкую к нам эпоху, приводят к образованию скоплений галактик, нашей Галактики, звезд и в конечном итоге планет и самой жизни.

Чтобы лучше понять данную идею, необходимо принять во внимание следующее положение. В космосе есть черные дыры. Черная дыра – это замкнутая область в пространстве, гравитационное поле которого способно удержать любые частицы. Черная дыра это не тело и не излучение, это сгусток гравитации, и никакая информация, переносимая сигналом, не может дойти до внешнего наблюдателя из горизонта черной дыры.

Если мы вновь вернемся в период Большого взрыва, то столкнемся с противоречивой проблемой – как можно попасть во время Большого взрыва, если времени в этот момент не существовало?! Данную проблему еще предстоит решить и физикам, и философам.

В современной Вселенной остается еще ряд неясных проблем, которые требуют философского подхода. К их числу относится темная материя. На данный момент частицы темной материи являются гипотетическими, но уже проводятся астрофизические исследования по их обнаружению, а также их пытаются выявить на Большом адронном коллайдере (БАК).

Согласно современной космологии, в ранней Вселенной, в которой кривизна пространства-времени была велика, интенсивно шли процессы рождения пар частица-античастица из вакуума гравитационным полем расширяющейся Вселенной. Но не все рожденные из вакуума частицы с массой порядка Великого объединения распадаются на кварки и электроны. Ряд этих частиц доживает до наших дней и образует частицы темной материи [9].

Темная материя скрыта от прямых астрономических наблюдений в оптическом и радиодиапазонах. Можно сказать иначе, темная материя – это такие частицы, которые не излучают фотонов, слабо взаимодействуют с видимой материей.

Плотность числа частиц темной материи оказывается очень малой. Плотность же энергии этих частиц из-за их большой массы оказывается значительной и оказывает заметное гравитационное воздействие, наблюдаемое как эффект скрытой массы. Можно представить себе распределение темной материи как наличие облаков очень разряженного тумана сверхтяжелых частиц в пространстве Вселенной. Наблюдения космического аппарата WMAP указывают на то, что уже в начале эры рекомбинации темная материя была распределена неоднородно. Эти данные показывают роль темной материи во Вселенной. Отсутствие взаимодействия темной материи с излучением привело к тому, что во Вселенной уже до эры рекомбинации возникли области сгущивания темной материи. Именно в эти области устремилась видимая материя в эру рекомбинации, когда давление света упало, и частицы видимой материи тоже начали сгущиваться. Без наличия первоначальных неоднородностей темного вещества к нашему времени не могли бы образоваться галактики, так как процесс сгущивания видимого вещества должен был бы занимать намного больше времени. Сила гравитации темной материи является продвигающим законом во Вселенной. Следовательно, темная материя способствует *конвергентному развитию* материи во Вселенной. Но видимая материя обладает большим богатством содержания в рамках конвергентного процесса, чем «тяготеющая» темная материя. Поэтому на магистральной линии развития физической материи стоит именно развитие видимой (барионной) материи [10].

Таким образом, эволюционирующее пространство-время создает условия для возникновения и развития материи, порождает антигравитирующий вакуум. «Вакуум – это материальная среда, которая является носителем многочисленных количественных характеристик» [11].

Из сказанного ранее ясно, что эволюционный потенциал развития Вселенной отражен в законе связи массы и энергии, выраженном формулой $E=mc^2$, в законе физического вакуума: $P = -\epsilon$, а также в эволюционирующем гравитационном поле, но эволюционное содержание этих законов проявляет себя только при учете включенности этой зависимости в общий процесс эволюции Вселенной.

В следующей работе будет рассмотрена эволюционная роль фазовых переходов вакуума эволюции Вселенной.

Примечания

1. См., например: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Он же. Основы философии. Общая философия. Пермь: Изд-во «Пермь», 2006. Вып. 1, 2; Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Коблов А. Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск, 1987; Васильева Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск, 1984; Барз О. А. Живое в едином мировом процессе. Пермь, 1993; Он же. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь, 2006; Утробин И. С. Сложность, развитие, научно-технический прогресс. Иркутск, 1991; Береснева Н. И. Язык и реальность. Пермь, 2004; Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2005.

2. Орлов В. В. Основы философии: в 2 ч. Ч. 1. Общая философия: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Пермь, 2006. Вып 2. С. 109.

3. Коблов А. Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск, 1987.

4. Васильева Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. С. 104.

5. Там же. С. 109.

6. Там же.

7. Латыпов Н. Н., Бейлин В. А., Верешков Г. М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: В поисках физических и философских концепций XXI века. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 89.

8. Зельдович Я. Б. Рождение Вселенной из «ничего» // Вселенная, астрономия, философия. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 39.

9. Гриб А. А. Основные представления современной космологии. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008.

10. Панов В. Ф., Рыбальченко В. А. Проблема развития физической формы материи и современная физика // Актуальные проблемы российской философии: межвуз. сб. науч. тр. (по материалам Всерос. науч. конф., Пермь, 29–30 сентября 2011 г.): в 2 т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. Т. 1. С. 28–34.

11. Латыпов Н. Н., Бейлин В. А., Верешков Г. М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: В поисках физических и философских концепций XXI века. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 123.

Notes

1. See, example: Orlov V. V. *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, human]. Perm. 1974; Also him. *Osnovy filosofii. Obshchaya filosofiya* [Fundamentals of philosophy. The General philosophy]. Perm. Publishing house «Perm». 2006. Is. 1, 2; Okonskaya N.B. *Dialektika social'nogo i biologicheskogo v istoricheskom processe* [Dialectic of social and biological in the historical process]. Perm. 1975; Koblov A. N. *Dialektiko-materialisticheskaya koncepciya razvitiya i sovremennaya fizika* [Dialectic-materialistic concept of development and modern physics]. Irkutsk. 1987; Vasilieva T. S. *Himicheskaya forma materii i zakonomernyj mirovoj process* [Chemical form of matter and the natural world process]. Krasnoyarsk. 1984; Barg O. A. *ZHivoe v edinom mirovom processe* [Living beings in a single world process]. Perm. 1993. Also him. *Filosofskie problemy himii: konkretno-vseobshchij podhod* [Philosophical problems of chemistry: specifically, the universal approach]. Perm. 2006; I. S. *Utrobina Slozhnost', razvitie, nauchno-tekhnicheskij progress* [The complexity, development, scientific and technological progress]. Irkutsk. 1991; Beresneva N. I. *Yazyk i real'nost'* [Language and reality]. Perm. 2004; Musayelyan L. A. *Nauchnaya teoriya istoricheskogo processa: stanovlenie i sushchnost'* [Scientific theory of historical process: the formation and essence]. Perm. 2005.

2. Orlov V. V. *Osnovy filosofii: v 2 ch. CH. 1. Obshchaya filosofiya: ucheb. posobie. 4-e izd., pererab. i dop.* [Basics of philosophy: in 2 pt. Pt. 1. General philosophy: textbook. 4nd publ., rev.] Perm. 2006. Is. 2. P. 109.

3. Koblov A. N. *Dialektiko-materialisticheskaya koncepciya razvitiya i sovremennaya fizika* [Dialectic-materialistic concept of utsk. 1987.

4. Vasilieva T. S. *Himicheskaya forma materii i zakonomernyj mirovoj process* [Chemical form of matter and the natural world process]. Krasnoyarsk. Publishing house of Krasnoyarsk University. 1984. P. 104.

5. Ibid. P. 109.

6. Ibid.

7. Latypov N. N., V. A. Beilin, G. M. Vereshkov *Vakuuum, ehlementarnye chasticy i Vselennaya: V poiskah fizicheskikh i filosofskih koncepcij XXI veka* [Vacuum, elementary particles and the universe: the search for physical and philosophical concepts of the XXI century]. M. MGU Publ. 2001. P. 89.

8. Zeldovich Y. B. *Rozhdenie Vselennoj iz «nichego»* [Birth of the Universe from "nothing"] // *Vselennaya, astronomiya, filosofiya – The universe, astronomy, philosophy*. M. MGU Publ., 1988. P.39.

9. Grib A. A. *Osnovnye predstavleniya sovremennoj kosmologii* [Basic ideas of modern cosmology]. M. FIZMATLIT. 2008.

10. Panov V. F., Rybalchenko V. A. *Problema razvitiya fizicheskoy formy materii i sovremennaya fizika* [Problem of development of physical forms of matter and modern physics] // *Aktual'nye problemy rossijskoj filosofii: mezhvuz. sb. nauch. tr. (po materialam Vseros. nauch. konf., Perm', 29–30 sentyabrya 2011 g.): v 2 t.- Actual problems of Russian philosophy: interuniversity collection of scientific works (on materials of All-Russia scientific conf. Perm, 29–30 September 2011): in 2 vol. / Perm State Nat. Research Univ. Perm, 2011. Vol. 1. Pp. 28–34.*

11. Latypov N. N., V. A. Beilin, G. M. Vereshkov *Vakuuum, ehlementarnye chasticy i Vselennaya: V poiskah fizicheskikh i filosofskih koncepcij XXI veka* [Vacuum, elementary particles and the universe: the search for physical and philosophical concepts of the XXI century]. M. MGU Publ. 2001. P. 123.

О субъекте наслаждения: фетишизация и проблема Другого

Статья посвящена анализу нового социального героя – субъекта наслаждения. Методологией исследования является интеграция двух крупнейших школ XX в. – психоанализа и философии постмодерна. Обозначены гносеологические и онтологические основания феномена наслаждения, его отличия от удовольствия. Сделан вывод о том, что наслаждение объективируется, перемещается из сферы внутреннего, субъективного на поверхность, становясь определенным законом общественного бытия. Наслаждение становится неизбежным, внешним, объективированным по отношению к самому субъекту. Возникает проблема Другого, который хранит наслаждение и наслаждается за субъекта. Сам субъект превращается лишь в объект и фетиш машины желания. Фетишизация наслаждения приводит к отчуждению человека. В этой стратегии наслаждения функционирует механистическое, круговое повторение определенных процедур, доставляющих наслаждение. Такой субъект, скорее, воображает наслаждение, чем реально его получает.

The paper focuses on the analysis of new social hero such as the subject of enjoyment. Methodology the research is an integration of the two largest schools of the XX-th century – psychoanalysis and philosophy of the Postmodern. Epistemological and ontological grounds of the enjoyment phenomenon and its differences from pleasure were designated. Concluded that enjoyment get objectified, it is removed from the sphere of the inner, subjective to the surface, it becomes an explicit law of social being. Enjoyment becomes inevitable, outer, objectified in relation to the subject itself. The problem of the Other, who preserves enjoyment and enjoying instead of the subject, arises. The subject becomes the object and the fetish of the desiring machines. Fetishization of enjoyment leads to the human alienation. The enjoyment strategy implies mechanistic, circular repetition of certain procedures providing enjoyment. This subject imagines enjoyment rather than actually derives it.

Ключевые слова: субъект наслаждения, наслаждение, удовольствие, фетишизм, проблема Другого.

Keywords: the subject of enjoyment, enjoyment, pleasure, fetishism, the problem of the Other.

Феномен наслаждения становится предметом социально-философских исследований культуры постмодерна. Утверждение бессознательного в социальной теории, практика феминизма, сексуальная революция 1960-х, активное внедрение удовольствия в экономические, политические и социальные структуры – все это повлияло на зарождение особого героя исторического процесса – субъекта наслаждения, основной стратегией жизни которого становится получение удовольствия и наслаждения посредством потребления вещей, знаний и идей.

Теоретиками постмодерна наслаждение утверждается в качестве гносеологической установки самопознания. Наслаждение – это изведывание границ собственной субъективности. Для Р. Барта момент самопознания является гарантом удовлетворения и «местом, где наступает беспмятство, где происходит сдвиг, разрыв, дефляция, охватывающий субъекта в самый разгар наслаждения» [1]. В этом коренится свойство постмодерна – созидать разрушая. При этом Р. Барт отделяет удовольствие как чувство комфорта, возможное только в восприятии консервативных, привычных форм социального, от наслаждения, совершающегося через разрыв, деструкцию культурных форм. Наслаждение здесь связывается с психофизиологическим чувством дискомфорта и ощущением потерянности. Р. Барт фиксирует и другое различие между удовольствием и наслаждением. Удовольствие может быть высказано, а наслаждение – нет. Удовольствие можно вербализовать, тогда как наслаждение исключает всякую возможность языковой артикуляции. Любое наслаждение самим актом высказывания «подвергает всякую букву – все, что доступно высказыванию, – абсолютному уничтожению» [2].

Структурное разделение наслаждения и удовольствия можно проследить и у Ж. Бодрийяра в дихотомии соблазн-желание. «Соблазн представляет господство над символической вселенной» [3], тогда как власть и желание – господствуют в реальности. Соблазн и наслаждение как путь достижения этого соблазна принадлежат к миру символическому, ритуальному, образному; желание и способ его удовлетворения – к миру природному, инстинктивному, функциональному и логическому. Наслаждение в данном случае выполняет методологическую функцию метареальности, метаскобки, которая является самой формой существования желания, соблазна (здесь разделение соблазна и желания не имеет сущностного значения), заключает в себе весь набор удовольствий. Реальность же всегда наполняется содержанием, т. е. редуцирует метареальность до определенной структуры, формы выражения и принимает форму конкретного желания.

Психоаналитическая теория рассматривает наслаждение как онтологическую категорию возможности самого бытия субъекта. Как пишет Ж. Лакан, «я – это чистой воды объект» [4]. Субъект оказывается в данном случае некоторой пустотой, «дырой» в социальном бытии, а объект – это некоторый смысл, потенциальное «все», которое заполняет эту пустоту. Полнота бытия субъекта – и есть путь его наслаждения. Тогда как любая травма, т. е. потеря объекта, оказывается сценой потери наслаждения и удовлетворения. Таким образом, основной функцией наслаждения оказывается актуализация/удержание/реализация субъекта. Как пишет С. Жижек, «наслаждение, таким образом, является “местом” субъекта... его Da-Sein...» [5].

Разделение удовольствия и наслаждения в психоанализе приобретает принципиальный характер. Удовольствие натуралистично и есть не что иное, как психофизиологическая разрядка тела, организма, напротив, для желания радикально требуется социальная ситуация, смысл. Даже половой акт, который, казалось бы, может быть рассмотрен как простое удовлетворение сексуальной потребности, становится таковым только благодаря фантазии. Как пишет С. Жижек, «любое сексуальное удовольствие, которое мы получаем от прикосновения к другому человеческому существу, является чем-то неявно, но неизбежно травмирующим и может продолжаться, только если другой входит в эту сферу его фантазий» [6]. Наслаждение не может сводиться к чистому удовлетворению потребности посредством объекта. Оно способно возникнуть только благодаря неартикулируемой, бессознательной языковой ткани, благодаря большому Другому. Таким образом, наслаждение может пониматься только как наслаждение Другого, только как ситуация, принимающая субъективное измерение и, тем самым, позволяющая наслаждаться мне.

Если наслаждение субъекта может быть воспринято только через Другого, то возникает логичный вопрос о том, не является ли этот Другой подлинным субъектом? Если бы это было так, то наслаждение никогда бы не переживалось как личное удовлетворение, как чувственность, как субъективность. Но наслаждение, так или иначе, всегда лично, всегда приобретает форму определенной фантазии и причуды.

Кроме того, наслаждение – это способ идентификации субъекта, даже если оно и носит пассивную форму, как, например, в феномене интерпассивности. В случае закадрового смеха, который может быть приведен в качестве примера интерпассивности, наслаждение направлено от «воображаемого зрителя» к реальному человеку, субъекту, смотрящему передачу, кинофильм или телешоу. Субъект, хоть и является лишь наблюдателем, идентифицирует свои эмоции с «воображаемым зрителем». Таким образом, интерпассивность выступает механизмом конструирования самого субъекта. Как пишет С. Жижек, «интерпассивность следует рассматривать как изначальную форму защиты субъекта от наслаждения: я отдаю наслаждение Другому, который пассивно испытывает его (смеется, страдает, наслаждается...)» [7]. Другой, в данном случае, – не субъект, это место субъекта. Наслаждение оказывается парадоксальным: удовольствие причиняется неудовольствием. Наслаждаясь за меня, т. е. забирая мое наслаждение (а это и есть неудовольствие), Другой, в итоге, доставляет наслаждение мне. Таким образом, получается, что субъект достигает наслаждения достаточно примитивно. Для удовлетворения ему необходимо только включить желание в структуру своих переживаний. И не важно, кто является носителем этого желания: он сам или кто-то другой.

Кроме того, апелляция к Другому, который хранит наслаждение, может означать и то, что сам поиск наслаждения осуществляется субъектом не в контексте устоявшихся культурных форм и языковых пространств, а на границе между этими пространствами, в зоне патологических социальных провалов. Субъект, в данном случае, уже не управляет желанием, не контролирует его, рационализация наслаждения невозможна. Субъект перестает быть пользователем, становится органом наслаждения, считывающим элементы [8]. Модерные конструкции регламентации удовольствия рушатся, а господствовавшие в общественном сознании в эпоху модерна императивы веры, долга и разума заменяются императивом бессознательных чувственных желаний. Феномен наслаждения потому и становится предметом социально-философских исследований, что возникает проблема самоконтроля субъекта. В эпоху модерна чувственность, сексуальность и удовольствие были такими же центральными феноменами социальной жизни человека, как и разум, политика, идеология, хотя и были скрыты. В постмодерне проблема подавления удовольствий и сексуальности больше не стоит, поскольку по мере развития общества потребление удовольствия становится предметом потребления [9]. Наслаждение объективируется, перемещается из сферы внутреннего, субъективного на поверхность, становясь определенным законом общественного бытия. Наслаждение становится неизбежным, внешним, объективированным по отношению к самому субъекту. Как пишет Ж. Бодрийяр, «наслаждение приняло облик насущной потребности и фундаментального права» [10]. В мире, где все есть сплошное удовольствие, человек не имеет права страдать.

Стратегия наслаждения – это потребительская стратегия, включающая рыночную, коммуникационную, творческую индустрии. Как пишет С. Жижек, «в современном обществе “потребле-

ния” нас, субъектов, больше не воспринимают в связи с какой-либо идеологической идентичностью, а воспринимают как субъектов удовольствия» [11]. Человек как реальный исторический субъект теряет свою экзистенциальную и социальную ответственность за производство своей самости и индивидуальности, он становится лишь потребителем готовых вещей, идей, стратегий, механизмов. Там и тогда, где и когда капитализм обнаруживает свою всеобщность, всеохватность и деспотичность, возникают машины желания, которые создают наши тела, организмы и желания [12]. В обществе «потребления» буквально каждый человек подвержен влиянию этой машины, задача которой – создать такое желание, удовлетворение которого не уменьшило бы желание, а, наоборот, его усилило. Таким образом, машины желания становятся «зонами сверхэксплуатации» человека, его использования и отчуждения. Их цель – получение избыточного наслаждения, неисчислимых удовольствий, порождающих новые желания, которые мощнее и сильнее предыдущих. Их цель – вечное колесо сансары, бесконечное производство и потребление. В этой стратегии функционирует механистическое, круговое повторение определенных процедур, доставляющих наслаждение. Неудивительно, что такая чувственность отчуждена от человека, который, скорее, воображает наслаждение, чем реально его получает.

Важным социальным феноменом в связи с этим стал фетишизм, который как нельзя лучше отражает стратегию жизни субъекта наслаждения. Сексуальный фетишизм – это материально-символическое использование стратегии наслаждения в общественных отношениях, т. е. использование вещей и людей в качестве объектов наслаждения. Сексуальность воспринимается как естественное средство, а наслаждение – как естественная цель продуцирования процессов производства и потребления. Можно сказать, что все товары просто вынуждены имитировать объекты желания, чтобы их заметили. Одежда в этой логике – способ актуализации желания, косметика – подчеркивание сексуальной телесной значимости, еда – средство удовлетворения и стимуляции и т. д. Все буквально пронизано желанием и сексуальностью. Р. Барт подчёркивает это утверждением, что «сексуальность существует повсюду, кроме самого секса» [13].

Машины желания нас постоянно включают в процесс производства, распределения, обмена и потребления желаний и удовольствий. Удивительно, отсюда, то, что, потребляя тело другого, мы еще иногда и получаем бонус в виде его души, личности. Часто сама эта личность необходима нам именно как прибавочная символическая стоимость, повышающая желание.

Даже любовь как самый интимный и личностный акт бытия человека очень часто оказывается отчужденной. Любовь приобретает универсализированную форму, вроде определенного «штампа» или клише. Любить человека – значит выполнить определенный набор последовательных социальных действий: продолжительное время встречаться, вступить в брачные отношения, родить и вырастить ребенка, дожидаться внуков и умереть в один день. А ведь любовь нельзя универсализировать, нельзя взять и просто перечислить ее сущностные признаки, нужно прожить ее, прочувствовать, любить – значит не одну и не две вещи, а сто тысяч разных вещей. Речь идет о так называемой жижекской точке “*choix force*”, «где сообщество говорит субъекту: у тебя есть свобода выбора, но лишь при условии, что ты совершишь правильный выбор» [14]. Сексуальные шаблоны в большинстве случаев впитываются человеком, интериоризируются в субъекте сознательно и бессознательно, создавая архетип восприятия другого человека, создавая фантазию, которую человек и любит. Выбирая другого человека, объект своей привязанности, любви, человек как будто бы выбирает «всех мужчин» и «всех женщин», подходящих под его фантазию. Жижек подчеркивает парадоксальность этого акта: «...он совершается по свободному выбору, но по такому выбору, который никогда не происходит в настоящем, он всегда уже совершен. В определенный момент я могу лишь констатировать, что я уже совершил выбор» [15].

Половой акт, в данном случае, как самый напряженный момент в надежде на соединение и обретение истинной сущности, оказывается только большим подтверждением отчуждения. Это связано все с тем же феноменом фетишизации наслаждения: «Даже в момент наиболее тесного телесного контакта друг с другом любовники никогда не бывают одни, им необходим хотя бы минимум иллюзорного нарратива в качестве символической основы – поэтому они никогда не могут просто “отпустить себя” и погрузиться в “это”» [16].

Отсюда и фетишизация межличностных отношений, отношений между мужчиной и женщиной. Как пишет С. Жижек, мужской вариант желания – «я желаю это, потому что ты желаешь это получить, и желаю в той мере, насколько ты этого желаешь» [17]. Важную роль играет степень желанности этого объекта другими мужчинами. Женский вариант желания, продолжает С. Жижек, – «я желаю посредством Другого», в том смысле, что «пусть Другой делает это (владеет и наслаждается объектом, и так далее) за меня» [18]. Желание мужчины, объект его интереса – женщина, которая желанна остальными мужчинами. Женщина же желает не самого мужчину, а то, что Лакан бы назвал «*objet (petit) a*» (объект маленького «а»): новые туфли, платье, т. е. все то, что могло бы вы-

звать желание у мужчины. Женщина хочет не самого мужчину, она хочет, чтоб он ее желал.

В итоге мы получаем нарциссического субъекта, опасющегося реального чувственного, эмоционального, физического контакта с другим человеком. Такой субъект, скорее, воображает наслаждение, чем реально его получает. Такому субъекту другой человек и не нужен, ведь вообразить наслаждение он способен в полной мере и сам. Фетишизация наслаждения приводит к тому, что исключаются экзистенциальные переживания своего бытия, такие как любовь, дружба, сопереживание, страдание и сострадание, а само наслаждение превращается в тягостное мучение человека. Субъект перестает быть сознательным актором своего бытия, становится органом Другого, инструментом машины желания, осуществляющим выбор объекта наслаждения и наслаждающимся за него.

Примечания

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 465.
2. Там же. С. 478.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. С. 36.
4. Лакан Ж. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Изд-во «Гнозис»: Изд-во «Логос». 1999. С. 275.
5. Жижек С. Чума фантазий / пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманит. центр, 2014. С. 103.
6. Там же. С. 127–128.
7. Там же. С. 207.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. М.: «Добросвет»: «Изд-во КДУ», 2011. С. 136.
9. Фромм Э. Кризис Психоанализа / пер. с англ. Е. А. Цыпина. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 32.
10. Бодрийяр Ж. Соблазн... С. 50.
11. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журн, 1999. С. 20.
12. Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: У-Фактория, 2007. С. 45.
13. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 134.
14. Жижек С. Возвышенный объект идеологии... С. 167.
15. Там же. С. 168.
16. Жижек С. Чума фантазий... С. 127.
17. Там же. С. 211.
18. Там же. С. 212.

Notes

1. Barthes R. Udobolstvие ot teksta [The pleasure of the text] // Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics. – Moscow: Progress, Univer, 1994 – P. 465.
2. Ibid. P. 478.
3. Baudrillard J. Soblazn [Seduction] – Moscow: "Ad Marginem" Publishing House, 2000. – P. 36.
4. Lacan J. 'Ya' v teorii Freida i v tehnikе psihoanaliza [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis] / Translation from French by Chernoglazova – Moscow: "Gnosis" Publishing House, "Logos" Publishing House, 1999. – P. 275.
5. Zizek S. Chuma fantazii [The plague of fantasies] / Translation from English – Kharkov: Publishing House of the Center for the Humanities, 2014. – P. 103.
6. Ibid. Pp. 127–128.
7. Ibid. P. 207.
8. Baudrillard J. Simvolicheskii obmen i smert [Symbolic Exchange and Death] – 4th edition – Moscow: "Dobrosvet", "Publishing House of KDU", 2011. – P. 136.
9. Fromm E. Krizis psihoanaliza [The Crisis of Psychoanalysis] / Translation from English by E.A. Tsypin – St. Petersburg: Academic Project, 2000 – P. 32.
10. Baudrillard J. Soblazn [Seduction] – Moscow: "Ad Marginem" Publishing House, 2000. – P. 50.
11. Zizek S. Vozvyshennyi obekt ideologii [The Sublime Object of Ideology] – Moscow: Art Magazine, 1999. – P. 20.
12. Deleuze G. Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya. [Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia] / Deleuze G., Guattari F. – Moscow: U-Factoria, 2007. – P. 45.
13. Barthes R. Sistema mody. Stati po semiotike kultury [The Fashion System]// Translation from French by Zenkina – Moscow: Sabashnikovy Publishing House, 2000. – P. 134.
14. Zizek S. Vozvyshennyi obekt ideologii [The Sublime Object of Ideology] – Moscow: Art Magazine, 1999. – P. 167.
15. Ibid. P. 168.
16. Zizek S. Chuma fantazii [The plague of fantasies] / Translation from English – Kharkov: Publishing House of the Center for the Humanities, 2014. – P. 127.
17. Ibid. P. 211.
18. Ibid. P. 212.

Взлеты и падения церковной школы на Урале в эпоху Великих реформ

В статье рассматриваются малоизвестные исторические страницы, связанные с особой ролью церкви в небывалом подъёме начального образования в России в «эпоху Великих реформ». На основании новых источников автор пытается реконструировать уральские аспекты развития церковных школ.

The article discusses a little-known historical events connected with the special role of the Church in an unprecedented rise in primary education in Russia in the “age of Great reforms”. On the basis of new sources the author tries to reconstruct the Ural aspects of the development of Church schools.

Ключевые слова: церковные школы, приходское духовенство, Святейший Синод, Главное Присутствие по делам православного духовенства, Министерство народного просвещения, церковно-приходские попечительства.

Keywords: Church schools, parish clergy, Holy Synod, the Main Presence on the Affairs of the Orthodox clergy, the Ministry of national education, parochial custody.

Казалось бы, значительная роль и место церкви в становлении и развитии традиций российской школы не должно вызывать никаких сомнений. Однако ожесточенная дискуссия о роли и месте церкви в истории образования, начавшаяся во второй половине XIX в., продолжается до сих пор. В полемике авторы доходят до самых крайних позиций. Так, есть точка зрения, что школьное дело существовало на Руси ещё со времён князей Владимира и Ярослава, то есть изначально было светским. Эту позицию сформулировал А. Г. Пругавин: «...училища с принадлежавшими к ним лицами <...> не составляли предмета церковного управления, образуя собою чисто светские, вполне народные, мирские установления, не имевшие права на привилегии ханские или на льготы княжеские и существовавшие и действующие по силе собственной внутренней жизни» [1]. И, конечно, есть противоположная позиция, наиболее убедительно сформулированная знаменитым церковным историком и богословом П. В. Знаменским: «Начало образования на Руси было положено одновременно с введением христианства <...> Первое грамотное поколение русских христиан образовалось еще при Владимире. <...> Дело Владимира поддержал Ярослав, еще более распространивший грамотность в России и умноживший число школ. Строя церкви по городам и селениям, он велел священникам везде обучать народ. <...> Оттого и самые средоточия образования – школы и библиотеки – были при церквях и монастырях» [2].

В 60-х гг. прошлого века в Институте истории Академии наук СССР во время дискуссии, связанной с «культурной революцией», совершенно серьёзно разбирали вопрос, является ли религия как антинаучное мировоззрение частью духовной культуры народа [3].

В отечественной литературе сложилась традиция не просто игнорировать роль и значение просветительской деятельности православной церкви, но и рассматривать ее как врага просвещения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно лишь прочитать названия глав книг известного исследователя-атеиста Е. Ф. Грекулова: «Духовное и политическое развращение народа в начальной школе»; «Гонения на просвещение и науку»; «Церковь против просвещения и науки»; «Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы» и т. д. [4]. В своей монографии «Православная церковь – враг просвещения» он с первых же строк обозначил главный тезис своей работы: «Церковь в союзе с самодержавием выступала в роли неистового гонителя просвещения народных масс, в роли рассадника невежества и самой темной идеологической реакции» [5].

Такая критическая установка в нашей историографии на роль и место церковных школ в системе образования привела и приводит, в свою очередь, не только к неполной, но и к искаженной картине существующей исторической реальности. Однако признание достоинств и заслуг церковных школ уже стали нередки. В одном из учебных пособий по истории педагогики и образования практически не раскрываются именно сюжеты, связанные с церковными школами, но при этом отмечается: «Можно по-разному оценивать значение деятельности этих школ. Современники, особенно демократически настроенная часть русской интеллигенции, ориентированная на воспроизведение западных образцов, критиковали деятельность этих школ, усматривая в них главным образом средство распространения религиозных предрассудков. Но именно эти школы были наиболее доступными формами получения начального образования для крестьянских детей, именно церковно-приходские школы, учителя которых жили одной жизнью с крестьянами, знали их нужды и заботы, пользовались наибольшим доверием родителей» [6].

В настоящее время все больше исследователей обращаются к опыту дореволюционной российской школы и считают, что необходимо возродить традиции православной концепции обучения и образования [7].

Известный российский педагог XIX в. П. Ф. Каптерев выделил три главных периода в развитии русской педагогики: церковный, государственный и общественный [8]. «Церковный период» начинается с крещения Руси и завершается петровскими преобразованиями, «государственный период» – XVIII – первая половина XIX в. и «общественный» охватывает вторую половину XIX – начало XX в. Тем не менее институт церковных школ при приходах практически в разных вариациях существовал и в «государственный» и в «общественный» период. Становление «общественного периода» начинается в эпоху «Великих реформ», и именно этот двадцатилетний этап является самым малоизученным в истории церковных школ.

Духовенство традиционно занималось обучением своих прихожан при церквях. Однако в конце XVIII в. у приходского духовенства стали требовать «свидетельства» и закрывать эти стихийно существующие школы. В 1803 г. в указе императора Александра I «О введении наук в России» духовенство призвали усилить заботу о просвещении народа, но это указ не возродил церковные школы.

В 1833 г. министром народного просвещения становится С. С. Уваров. Лозунгом министерской деятельности С. С. Уваров сделал ставшую знаменитую формулу «Православие, Самодержавие, Народность», перефразировав старинный военный призыв «За Веру, Царя и Отечество!». Впервые это прозвучало в его докладе императору Николаю I от 19 ноября 1833 г.: «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» [9]. Несомненно, именно он становится инициатором указа императора Николая I об открытии народных школ при церквях и монастырях, вышедшего в 1836 г. [10] В определении Св. Синода «О первоначальном обучении поселянских детей», утвержденном 3 сентября 1836 г. [11], содержалось категорическое утверждение что «дело первоначального обучения поселянских детей относится к неперемнным обязанностям приходского духовенства» [12]. При этом обучение со стороны причта (священника, дьякона и псаломщика) производится безвозмездно: «Принимает же священник всякого без договора, не требуя возмездия» [13]. Программа занятий состояла из обучения чтению, а также церковной и гражданской печати, письму и «началам арифметики». Учащиеся должны были заучить на память молитву Господню, символ веры и десять заповедей [14]. Учебными книгами, которыми располагало духовенство, были азбука, часослов и псалтырь [15]. Несмотря на категоричность определения Св. Синода, церковных школ было не так много. В 1839 г. появилось 2000 церковных школ с 19 000 учащихся, в 1841 г. – 2700 школ с 25 000 учащимися, а в 1851 г. – 4713 школ с 93 350 учащимися [16]. Это были школы для крестьянских детей. Помимо духовного ведомства училища для крестьянских детей содержали Министерство народного просвещения, Министерство государственных имуществ и Удельное ведомство.

Согласно указу Св. Синода от 3 декабря 1855 г., в 1857 г. из многих епархий были высланы ведомости о числе школ и количестве обучавшихся в них [17]. По этим ведомостям, самое большое количество церковных школ для крестьян было в Архангельской (102 школы, где учились 594 мальчика и 59 девочек), Курской (30 школ), Новгородской (15 школ), Тамбовской (9 школ) и Курской (8 школ) губерниях, а в остальных не более одной-двух школ [18]. В Ярославской, Московской, Симбирской, Самарской, Минской губерниях церковно-приходских школ совсем не существовало [19].

Накануне отмены крепостного права в обществе и публицистике шли оживленные споры на тему «полезна или вредна грамотность крестьянам?». Улучшится или ухудшится их экономическое положение от увеличения числа грамотных людей, и не будет ли грамотность способствовать понижению народной нравственности [20]? В разгар этих дискуссий киевский митрополит Исидор (Никольский) 31 августа 1859 г. распорядился открыть во всех приходах своей митрополии в домах священников школы, «чтобы в школах сих учили чтению и письму и преподавали

Закон Божий применительно к понятию сельских детей» [21]. Св. Синод, одобрив действия митрополита Исидора (Никольского), заявил, что «имея в виду не только практическую, но и нравственно-политическую необходимость принять деятельное участие в устройстве сельских школ, главное духовное управление будет всеми зависящими от него средствами содействовать успеху столь важного государственного дела» [22].

В Киевской губернии до 1859 г. было открыто 15 церковных школ [23]. Уже к концу 1859 г. насчитывалась 151 церковная школа, где учились 2933 мальчика и 692 девочки [24]. В 1860 г. количество церковных школ выросло до 885, а количество учеников – с 3625 до 16 530 [25]. По примеру Киевской губернии начался бурный рост церковных школ во всех губерниях Российской империи, в том числе и на Урале. Так, если в начале 1860 г. в Пермской епархии (до 1885 г. границы Пермской епархии соответствовали границам Пермской губернии, впоследствии в губернии образовалась вторая епархия – Екатеринбургская) насчитывалось 54 церковных школы с 875 учащимися, то уже к концу года количество церковных школ увеличилось до 81 [26]. В Вятской епархии в начале 1861 г. церковных школ стало 171, в которых училось 2285 учащихся [27]. Всего в России в 1860 г. количество церковных школ было 7907 с 133 660 учащимися [28].

Определением от 9 июня – 3 июля 1861 г. Св. Синод активизировал создание церковных школ в приходах. В этом определении предписывалось всем архиереям подавать в Св. Синод ежемесячные сведения «об успехе народного образования» [29]. При этом Александр II повелел обер-прокурору Св. Синода лично доставлять ему эти ежемесячные отчеты. В связи с этим обер-прокурор Св. Синода граф А. П. Толстой писал: «Высочайшее внимание Государя к великому делу народного образования, выразившееся в повелении доставлять ему ежемесячные сведения о церковно-приходских школах, имело громадное значение, послужив могущественным поощрением для деятельности духовенства, по большей части, бескорыстной и сопряженной с материальными и другими затруднениями. Прямым последствием такого внимания было повсеместное учреждение приходских школ и удовлетворительное, по возможности, состояние их, судя по тем средствам, какими располагала духовенства» [30]. В результате с 1 октября 1861 г. рост церковных школ в епархиях стал настоящим сюрпризом для всех. Количество церковных школ и учащихся в них с 1 октября 1861 г. по 1 апреля 1862 г. увеличилось почти в два раза, а если сравнить с началом 1860 г., то рост церковных школ и учащихся достигал 2,7 раза.

Таблица 1

**Ежемесячный рост церковных школ и учащихся
в Российской империи за период с 1 октября 1861 г. по 1 апреля 1862 г. [31]**

Месяц/Год	Кол-во церковных школ	Кол-во учеников		
		Муж. пол	Жен. пол	Всего
01.10. 1861 г.	11 092	156 972	33 494	190 466
01.11. 1861 г.	12 432	178 833	35 710	214 543
01.12. 1861 г.	16 463	235 608	44 827	280 435
01.01. 1862 г.	17 372	262 479	48 805	311 284
01.02. 1862 г.	19 467	286 966	50 538	337 504
01.03. 1862 г.	20 600	306 868	52 097	358 965
01.04. 1862 г.	21 328	317 121	53 577	370 698

На Урале лидером по количеству церковных школ была Вятская епархия. Количество церковных школ с 1 октября 1861 г. по 1 апреля 1862 г. увеличилось в 3,4 раза, а количество учащихся за этот же период – в 3,3 раза. В Пермской епархии церковные школы увеличились с 85 до 150 школ с 3313 учащимися [32].

Таблица 2

**Ежемесячный рост церковных школ и учащихся в Вятской епархии
за период с 1 октября 1861 г. по 1 апреля 1862 г. [33]**

Месяц/Год	Кол-во церковных школ	Кол-во учеников		
		Муж. пол	Жен. пол	Всего
01.10. 1861 г.	171	1570	715	2285
01.11. 1861 г.	365	2838	1223	4061
01.12. 1861 г.	510	4424	170	4594
1862 г.	564	5336	1731	7067
01.02. 1862 г.	603	5822	1988	7810
01.03. 1862 г.	503	5652	1494	7146
01.04. 1862 г.	578	5766	1806	7572

В 1864 г. количество церковных школ и учащихся в них достигло своего пика, в марте 1865 г. функционировало 22 305 церковных школ с 427 165 учащимися [34]. На начало 1865 г. Духовному ведомству подчинялось 61% всех начальных школ в России, в которых училось 43% всех учащихся, тогда как Министерству народного просвещения принадлежало 4% всех начальных школ, в которых училось 6% учащихся.

Таблица 3

Начальное образование в России в 1865 г. [35]

Ведомственная принадлежность нач. школ	Кол-во школ	%	Кол. уч-ся	%
По духовному ведомству (церковные школы)	21 420	61%	413 524	43%
По Министерству народного просвещения	1186	4%	59 134	6%
По Министерству государственных имуществ	8123	23%	368 374	39%
По Удельному ведомству	2091	6%	39 536	4%
По Военному министерству	1822	5%	47 753	5%
Частные учебные заведения	523	1%	26 280	3%
Итого:	35 165	100%	954 601	100%

Появление десятка тысяч церковных школ за короткий период с 1859 по 1864 г. стало неожиданностью для российского общества. Инициатором этого школьно-церковного бума являлось приходское духовенство и, казалось бы, за их безвозмездный труд в деле образования следует благодарность со стороны общественности. Однако церковные школы стали предметом критики. Так данную ситуацию характеризует церковный историк П. В. Знаменский: «Самоотверженная просветительная деятельность духовенства не нашла, однако, сочувствия в странной русской “интеллигенции” 1860-х годов. Печать заподозрила самое существование этих десятков тысяч неожиданно возникших школ и затолковала и о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узости самой программы этого обучения (т. е. православно-религиозной) и пр.» [36]

В 1861–1862 гг. в Министерстве народного просвещения поднялся вопрос о подчинении всех народных школ министерскому ведомству. На этом настаивал министр народного просвещения А. В. Головин. По его мнению, школа должна была быть единой, а духовенство могло преподавать только Закон Божий, поскольку не имело должной педагогической квалификации. Он добивался устранения духовенства от основного преподавания в начальной школе [37]. Однако по этому поводу Св. Синод выразил свой протест. В результате 18 января 1862 г. вышло «особое повеление», в котором указывалось: «Учрежденные ныне и впредь учреждаемые духовенством народные училища оставить в заведывании духовенства, с тем чтобы Министерство народного просвещения оказывало содействие преуспеянию их по мере возможности» [38].

17 января 1863 г. начал свою работу новый комитет по подготовке церковной реформы – Присутствие по делам православного духовенства. Присутствие состояло из 12 человек, в том числе двух митрополитов, трёх архиепископов и двух протоиереев. Председателем Присутствия стал инициатор нового бума церковных школ, бывший киевский митрополит Исидор (Никольский), который в 1860 г. занял петербургскую кафедру [39]. Буквально через полтора месяца – 4 марта 1863 г. – Присутствие по делам православного духовенства разослало анкеты по всем епархиям, состоящие из четырех вопросов, касающиеся насущных проблем, связанных с развитием церковных школ. Так, один из вопросов был сформулирован следующим образом: «В чем признается неудовлетворительным нынешнее участие духовенства в сих школах, и что нужно для того, чтобы изменить к лучшему это участие?» [40] Во всех полученных в Присутствии по делам православного духовенства представлениях преосвященных, духовных консисторий и епархиальных комитетов почти единодушно высказывалась мысль, чтобы духовенство было освобождено от неуместного вмешательства светских ведомств в дела церковно-приходских и других школ, и чтобы первоначальное обучение народа и надзор за его обучением были предоставлены духовенству [41]. Однако обработка и обобщение отзывов с мест заняли практически два года, и только в 1866 г. была издана книга «Начальные народные училища и участие в них православного духовенства», составленная из отзывов епархиальных преосвященных, присланных в Присутствие по делам православного духовенства [42]. На основании этого были выработаны рекомендации Главного Присутствия и в дальнейшем последовали определенные шаги обер-прокурора Св. Синода. Однако ситуация после 1864 г. была уже другой.

«Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. утвердило новую систему руководства начальным образованием, окончательно ликвидировав старую систему управле-

ния. Народная школа изымалась из введения директоров гимназий и штатных смотрителей уездных училищ и передавалась в ведение уездных и губернских училищных советов [43].

Народные училища, в том числе и воскресные школы, по «Положению» 1864 г. могли открываться различными правительственными ведомствами, а также обществами и частными лицами. Они решали вопрос о платности и бесплатности обучения, о программах и устройстве этих училищ, а также могли изменяться в зависимости от местных условий. В губернские и уездные училищные советы, кроме представителей различных правительственных ведомств (Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и др.), а также духовенства были допущены представители органов местного самоуправления – земств и городских дум (последнее только в уездных советах). Председатель уездного училищного совета избирался самим советом. В губернском училищном совете председательствовал архиерей. Училищные советы принимали решения об организации и закрытии народных училищ, занимались назначением и увольнением учителей и т. п. [44]

В «Положении» говорилось, что начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространения первоначальных полезных знаний. В статье §16 «Положения» предусматривалось, что преподавать в начальных училищах могли лица, которые получали на звание учителя особое разрешение уездного училищного совета, «по представлении» удостоверения в доброй нравственности и благонадежности от лиц, совету известных. К лицам духовного звания это требования не предъявлялись, духовенство могло преподавать любые предметы [45].

Таким образом, Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. предоставило небывалый в России простор местному самоуправлению и частной инициативе в деле народного образования. И в то же время началось неуклонное сокращение церковных школ. Ещё в марте 1865 г. количество церковных школ достигало 21 420 церковных школ с 412 524 учащимися [46], а к концу года – уже 20 533 с 401 345 учащимися, то есть количество школ сократилось на 887, а количество учащихся – на 11 179. В 1866 г. церковных школ осталось 19 436 с количеством учащихся 383 180, то есть по сравнению с 1865 г. произошло сокращение соответственно на 1097 и на 18 165 [47]. Однако в 1867 г., несмотря на сокращение церковно-приходских школ на 2247, число учащихся во всех епархиях не только не уменьшилось, но даже увеличилось, сравнительно с 1866 г., на 7925 человек [48]. В 1870 г. осталось 14 400 церковных школ и 332 345 учащихся, в 1871 г. – 10 381 школы и 253 413 учащихся [49], а в 1872 г., как видно из обер-прокурорского отчета за этот год, школ, находившихся в ведении духовенства, оставалось только 9059 [50]. И это несмотря на усилия, которые предпринимались для того, чтобы стимулировать развитие церковных школ.

Главное Присутствие по делам православного духовенства своим постановлением от 27 февраля 1866 г. определило министрам внутренних дел, народного просвещения и государственного имущества оказывать духовенству «содействия в его законных требованиях по делам о народных школах» [51]. Главное Присутствие признало «полезным» предоставить право духовенством на получение ордена св. Анны 3-й степени «за заслуги по обучению детей» [52]. В этом проекте орден предоставлялся «за учреждение и содержание в исправном виде на свой счет в продолжение 10 лет церковно-приходской школы, в которой бы постоянно обучалось не менее 20 учеников», а также «за особенно усердное исполнение обязанностей по обучению в народных школах в течение 25 лет» [53]. Государственный Совет постановил «предоставить право на награду орденом св. Анны 3-й степени лицам духовного звания за учреждение училища на 20 человек и содержание его в течении семи лет и за особо усердное исполнение в течение 25 лет обязанностей по обучению в народных школах» [54].

2 августа 1864 г. вышло «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» [55]. Церковно-приходские попечительства создавались с разрешения епархиального архиерея из лиц, «отличающихся благочестием и преданностью вере православной», для заботы «о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении», об «устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода» [56].

Создание попечительств должно было бы стать важным подспорьем в развитии церковных школ, но этого не случилось. Во-первых, церковно-приходских попечительств было недостаточно. В годы правления Александра II (1855–1881 гг.) выросло как количество приходов, так и количество церквей. В 1855 г. в России количество приходов составляло 29 672 (общее количество церквей – 36 697), а в 1881 г. приходов стало 32 562 (общее количество церквей увеличилось до 42 283) [57]. Однако рост церковно-приходских попечительств был явно недостаточен. В 1868 г. попечительств было лишь 5327, а в 1882 г. – только 12 074 [58], что составляло 37% всех приходов. Во-вторых, большая часть собранных денег шла на украшение и поддержание церквей. В

1868 г. попечительствами было пожертвовано 506 511 руб., из них на церковные школы и благотворительную деятельность истратили 90 243 руб., или 18% от всех пожертвований, в 1873 г. пожертвовано 1 165 842 руб., на церковные школы и благотворительность было выделено 125 329 руб., или 11%, а в 1882 г. церковно-приходские попечительства собрали 2 131 505 руб., а на церковные школы истратили 217 208 руб., или только 10% [59]. В Пермской епархии в 1881 г. было всего 47 церковно-приходских попечительств, а церквей – 737 [60], что составляло 6% всех приходов. При этом попечительства собрали пожертвований за 1881 г. всего 3657 руб. 85 коп., в том числе на содержание церковно-приходских школ – только 503 руб. 96 коп., или 14% от всей суммы [61].

Для развития церковных школ во всех духовных семинариях с 1866/1867 уч. г. начались теоретические и практические занятия по педагогике и дидактике [62]. Кроме того, Главное Присутствие по делам православного духовенства 2 февраля 1866 г. приняло решение об учреждении при духовных семинариях воскресных школ, «дабы ученики семинарии, готовящиеся быть преподавателями народных школ, могли знакомиться на самой практике с порядком и приемами народного преподавания и приобретать необходимый для успешного ведения дела навык» [63]. В результате Св. Синод сделал распоряжение «о заведении воскресных школ при семинариях» [64]. В 1867 г. в 33 губерниях при местных православных семинариях были учреждены воскресные школы [65].

В Пермской духовной семинарии «воскресно-праздничная» школа начинала свою работу обычно с октября и была открыта как для «грамотных», так и для «малограмотных» детей. Занятия проходили по письму и грамоте, Закону Божию, счету и арифметике, а также пению [66]. Обучение грамоте в школе происходило по звуковому методу барона Н. А. Корфа, упражнения в чтении по учебной книге К. Д. Ушинского «Родное слово», а «обучение письму производилось по Мессеру» [67]. Первоначальное обучение счету велось по методу А. В. Грубе с использованием «арифметического ящика» [68]. Преподавание Закона Божия ограничивалось «по преимуществу объяснением наиболее употребительных молитв, рассказами из священной истории и частью катехизисом» [69]. Учениками школы были мальчики в возрасте от 7 до 14 лет, их численность колебалась от 20 до 40 человек. Учителями у них были ученики пятого и шестого классов Пермской духовной семинарии. Практически на одного ученика приходился один учитель, так как семинаристов было около 40 человек [70].

Однако несмотря на предпринятые усилия, количество церковных школ сокращалось. Одной из причин закрытия школ стало учреждение в 1869 г. инспекции начальных народных училищ [71]. На новых начальников народных училищ было возложено наблюдение за личным составом школ, за их внутренним и внешним благоустройством, а также заботы об открытии новых и об улучшении уже существовавших училищ. Инспектора должны были оценивать достоинства и недостатки учителей и судить об их способностях к обучению детей в народных школах [72]. Духовенство оказалось не готовым к такой регламентации и контролю. Другой причиной, поколебавшей позиции церковной школы, стало новое Положение о начальных народных училищах от 25 мая 1874 г., заключавшее в себе значительные отличия от действовавшего до того времени Положения 14 июля 1864 г. [73] Хотя в первой статье Положения от 25 мая 1874 г. говорилось, что характер народной школы является «религиозно-нравственным», но при этом епархиальные преосвященные перестали председательствовать в губернских училищных советах и вместо них председателями назначались предводители дворянства, а в уездных училищных советах – уездные предводители дворянства. Духовному же ведомству предоставлялось право иметь только по одному члену в губернских и уездных училищных советах [74]. По Положению от 25 мая 1874 г. преподавание Закона Божия, преимущественно (но не исключительно), было оставлено за духовенством, лица духовного звания могли обучать в начальных народных училищах и всем прочим предметам, но не иначе как с дозволения инспектора народных училищ, и по истечении годичного испытания, на основании которого инспектор мог бы убедиться в их способностях к педагогической деятельности [75].

Но подлинным могильщиком церковных школ стали земства. На территории Российской империи земские учреждения были созданы на основе «Положения о земских губернских и уездных учреждениях», изданного 1 января 1864 г. Первое в истории России земство начало свою работу в Самаре 28 февраля 1865 г. [76] К 1870 г. земства уже были введены в 30 губерниях из 33 предусмотренных Положением 1864 г. На Урале из четырех губерний (Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской) земства были организованы в трех: в 1867 г. – в Вятской, в 1870 г. – в Пермской и в 1875 г. – в Уфимской.

Правительство передало земству только хозяйственные дела, касающиеся «польз и нужд» данной губернии или уезда. Отделив хозяйственную область от общей администрации, оно раз-

дробило местное управление между различными казенными и земскими учреждениями. Земству не предоставлялись финансовые средства. Основой земского бюджета было обложение недвижимых имуществ: земель, домов, фабрично-заводских предприятий и торговых заведений. Это были очень скудные средства. Расходы земства делились на «обязательные» и «необязательные». К первым относились дорожная, квартирная и подводная повинность, падавшие, главным образом на крестьянское население, а также содержание гражданских управлений, тюрем, мировых судов и др. Расходы на здравоохранение и народное образование считались «необязательными». Тем не менее 5 марта 1866 г. обер-прокурор Св. Синода Д. Толстой обратился с предложением к председателям земских управ, прося их оказать возможную помощь церковно-приходским школам [77].

В Вятской губернии в 1868 г. губернская управа вместо помощи церковным школам предложила губернскому земскому собранию позаботиться об учреждении учительской семинарии для подготовки «сельских народных учителей» [78]. Несмотря на то что проект управы вызвал горячие прения и некоторые из гласных твердо заявили, что местная духовная семинария «вполне способная приготовить земству хороших сельских учителей», тем не менее большинство земцев проголосовало за сбор денег для учреждения учительской семинарии [79].

В докладе Уржумской управы по народному образованию Уржумского уездного земского собрания 10-й очередной сессии было отмечено: «При открытии земских учреждений учителями в сельских школах были священники и дьячки» [80]. В 1869 г. по составу преподавателей в народных училищах в большинстве уездов обучением детей занимались священники, дьяконы и псаломщики, а также значительная часть преподавателей состояла из «неслужащего духовенства». Однако уже через три года преобладающее место среди учителей духовные лица занимали только в двух уездах губернии [81]. Буквально за десятилетие в Вятской епархии произошло сокращение церковных школ в пять раз. К началу 80-х гг. XIX в. в Вятской епархии существовало только 100 начальных церковных школ [82]. При этом, по сравнению с другими епархиями, это было достаточно большое количество школ: дело в том, что в 1881 г. их осталось только 4064 с 105 317 учащимися обоего пола [83]. Среди церковных школ 1036, или 25%, находились в Киевской губернии и ещё 733, или 18%, – в Подольской губернии [84]. Таким образом, в Вятской епархии оказалось более 2% всех церковных школ в России. В большинстве же епархий в это время находилось менее десятка церковных школ, а в Симбирской губернии – вообще ни одной [85].

Из 100 церковных школ в Вятской епархии 8 содержалось за счет приходского духовенства, которое жертвовало ежегодно 250 рублей. Преподаватели из духовенства и законоучителя работали в школах бесплатно. Законоучителя Вятской епархии финансировали на школы от 50 до 70 руб. Духовенство снимало квартиры для других учителей и покупало на свои деньги учебные пособия [86]. Но большинство церковных школ были добровольно переданы земству. В отчете Яранского уездного училищного совета Вятской губернии было отмечено, как это происходило: «Когда церковно-приходская школа, открытая и поддерживавшаяся в большинстве случаев одним священником, с течением времени достигала хороших результатов и приучала народ смотреть на неё, как на необходимость в жизни народа, тот же священник располагал своих прихожан дать квартиру, отопление с освещением и прислугу для постоянного училища, и это училище открывалось уже земством. Духовенство не только не протестовало против такого перехода, но и само заботилось о нем...» [87]

В 1878 г. вятский епископ Аполлос (Беляев) обратился к своему приходскому духовенству с призывом «заботиться не только о поддержании существовавших церковно-приходских школ, но и об открытии новых училищ, нисколько не стесняясь существованием в приходе земской или другой народной школы, которая ни в каком случае не делает излишней школу церковно-приходскую, так как одно земское или министерское училище не всегда может вместить всех детей, нуждающихся в обучении» [88].

Те же процессы происходили и в Пермской епархии. Ко времени открытия земских учреждений в Пермской губернии в 1870 г., было более 200 начальных школ, где обучалось детей обоего пола 9238 человек [89]. Церковные школы составляли около 70% от общего количества школ. На первом же очередном губернском земском собрании губернский гласный протоиерей Григорий Остроумов обратился с заявлением, в котором просил «достопочтенных представителей губернского земства сочувственно отнестись к нуждам духовенства» [90]. Сочувственное отношение пермского земства заключалось в том, что церковные школы были взяты под контроль земств. Уже через год, в 1871 г., осталось только 17 церковных школ и появилось 182 земских, а в 1874 г. земских школ было уже 364, а церковных – 12 [91]. Так, например, в 1871 г. в селе Юрич Соликамского уезда на средства местного населения и духовенства впервые в жизни этого села

открылась церковная школа. Для этой школы построили специальный одноэтажный дом. Вскоре эту школу земство взяло под свою опеку [92]. В первый же год своего существования в 1870 г. земства губернии ассигновали на народное образование 488 тыс. руб., а через десять лет в 1880 г. эта сумма достигла 532 тыс. руб. в год [93].

К 1884 г. количество земских школ в Пермской губернии достигло 569, в то время как церковных осталось только семь. При двух женских монастырях и двух женских монашеских общинах четыре школы, а также три церковные школы (две мужских и одна женское) при приходских церквях (108 мальчиков и 41 девочка) [94].

В годы правления Александра II возникла ещё одна уральская губерния – Уфимская, выделенная из состава Оренбургской в 1865 г. При этом земские органы самоуправления появились в Уфимской губернии лишь через 10 лет – в 1875 г. В «доземский период» в Уфимской губернии было открыто всего 69 школ, в которых учились 5266 учеников. Больше половины из этих школ являлись церковными. Положение изменилось после 1875 г. Член Мензеленского уездного училищного совета Уфимской губернии так описал переход церковных школ в земские: «Когда церковно-приходские школы были подчинены ведению инспекторов Министерства народного просвещения и когда последние при ревизии находили эти школы неудовлетворяющими педагогическим требованиям ни по внешней обстановке, ни по преподаванию, то духовенство само старалось всеми мерами сдать свои школы в ведение земства» [95].

Активное участие уральское духовенство принимало в открытии школ грамоты, или, как их первоначально называли, «школ элементарной грамотности», открываемых крестьянскими обществами. В них чаще всего преподавали низшие члены причта (дьяконы и псаломщики), реже священники или грамотные крестьяне. Так как уральский приход состоял из нескольких десятков деревень, то такие школы были чрезвычайно мобильны. Учитель, обучив разновозрастных детей в одной деревне, через два-три года переходил в другую и вновь начинал свои занятия [96].

В 1879 г. Комитет министров серьезно обсуждал вопрос о совершенном устранении земств от народного образования и передаче духовенству всех народных школ. Но на такую радикальную меру однако не решились, и комитет ограничился единогласным признанием, что «духовенству следует предоставить преобладающее влияние в народной школе» [97]. 26 января 1882 г. при Св. Синоде была образована подкомиссия по вопросу о предоставлении духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами. На основании выработанного комиссией «Положения о церковно-приходских школах», Св. Синод составил «Правила о церковно-приходских школах», которые были утверждены Александром III 13 июня 1884 г. С этого момента начинается новый период в развитии церковных школ.

Таким образом, следует признать не просто значительную, а решающую роль церкви в качественном скачке, который последовал в развитии начального образования в России в эпоху Великих реформ, что позволило приступить впоследствии к реализации всеобщего обучения. Так, в 1894 г. на 25-м очередном собрании Пермского губернского земства на обсуждение выносятся вопросы о всеобщем образовании. Земские деятели пришли к выводу, что решение этого вопроса является общегосударственным делом, но несмотря на это по инициативе директора народных училищ Алексея Пахомовича Раменского губернное земство создает первую в стране особую комиссию по введению в Пермской губернии всеобщего обучения. Первенствующая роль и огромное значение земства в образовательном пространстве Российской империи начинается именно с массового поглощения церковных школ образца 60–70 гг. XIX в.

Примечания

1. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. Изд. 2-е, доп. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 418.

2. Знаменский П. В. История Русской Церкви: учеб. руководство. (Материалы по истории церкви. Кн. 10). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 46–49.

3. Батюг И. Г. Преодоление религиозных пережитков в сознании людей // Культурная революция в СССР (1917–1965 гг.) / Академия наук СССР. Институт истории. Научный совет по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М.: Наука, 1967. С. 236.

4. Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения. М.: Изд-во АН СССР, 1962; *Он же*. Православная инквизиция в России. М.: Изд-во АН СССР, 1964; *Он же*. Церковь, самодержавие, народ: 2-я половина XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1969.

5. *Он же*. Указ. соч. С. 4.

6. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учеб. пособие для пед. учеб. завед. / под ред. А. И. Пискунова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ТЦ «Сфера», 2001. С. 192.

7. Шичалин Ю. А. Пути российского образования и православия: сб. ст. М., 1999.

8. *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. 2-е изд., испр. и доп. Петроград: Кн. склад «Земля», 1915. С. 7–21.
9. *Уваров С. С.* О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река Времени (Книга истории и культуры). Кн. 1. М.: «Река Времени»: «Эллис Лак», 1995. С. 70–72.
10. *Тальберг Н. Д.* История Русской Церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. С. 835.
11. *Благовидов Ф.* Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1891. С. 11–12.
12. *Он же.* Указ. соч. С. 12.
13. Там же.
14. Там же. С. 12–13.
15. Там же. С. 13.
16. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 18.
17. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 6.
18. Там же. С. 7.
19. Там же. С. 7–8.
20. Там же. С. 6.
21. Там же. С. 9.
22. Там же. С. 11.
23. Там же. С. 14–15.
24. Там же. С. 15.
25. Там же. С. 16.
26. *Овсиевский В.* Краткий исторический обзор жизни и деятельности церковных школ Пермской епархии с 1884 по 1909 год / Извлечено из «Епарх. Вед.» за 1910 г. Пермь: Типо-Лит. Губ. Правления, 1910. С. 2.
27. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 20–21.
28. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода...
29. *Он же.* Указ. соч. С. 18–19.
30. Там же. С. 19.
31. Там же. С. 20–22.
32. *Овсиевский В.* Краткий исторический обзор жизни и деятельности церковных школ Пермской епархии с 1884 по 1909 год / Извлечено из «Епарх. Вед.» за 1910 г. Пермь: Типо-Лит. Губ. Правления, 1910. С. 2.
33. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 20–21.
34. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов) // Материалы по истории церкви. Кн. 26. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. О-во любителей церковной истории, 1999. С. 444.
35. Прибавления к Церковным ведомостям. 1910. 6 ноября. № 45. С. 1901–1903.
36. *Знаменский П. В.* История Русской Церкви: учеб. руководство // Материалы по истории церкви. Кн. 10. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 429.
37. *Римский С. В.* Указ. соч. С. 440.
38. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: Издание Мин-ва нар. просвещ., 1902. С. 445.
39. *Римский С. В.* Указ. соч. С. 254.
40. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 65.
41. Там же. С. 65–66.
42. Там же. С. 69.
43. Там же. С. 81.
44. Там же.
45. Там же. С. 81–82.
46. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 18.
47. *Римский С. В.* Указ. соч. С. 444.
48. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 109.
49. *Римский С. В.* Указ. соч. С. 444.
50. *Благовидов Ф.* Указ. соч. С. 141.
51. Там же. С. 103.
52. Там же. С. 104.
53. Там же.
54. Там же. С. 106.
55. См.: *Панков А.* О судьбе церковно-приходских попечительств в связи с восстановлением православных приходов на новых началах // Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. № 11. 18 марта. С. 562.
56. *Панкрат Т. В.* Приходские попечительства Москвы: возникновение и особенности организации (1864–1917) // Российская история. 2010. № 2. С. 112.
57. *Преображенский И. В.* Что говорят цифры о состоянии Церкви в царствование Императоров: Николая I, Александра II, Александра III и в настоящее царствование по 1903 год: статистическая справка для

соображений по вопросу о церковной реформе // Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. № 51–52. 23 дек. С. 3165–3169.

58. Римский С. В. Указ. соч. С. 361–362.
59. Римский С. В. Указ. соч. С. 361–362.
60. Пермский епархиальный Адрес-календарь на 1882 год. Составленный и изданный с дозволения Пермского епархиального начальства Н. Д. Топорковым. Пермь: Тип. Губ. Земской управы, 1882. С. 7, 169.
61. Пермский епархиальный Адрес-календарь на 1882 год... С. 7.
62. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 116, 350.
63. Там же. С. 349.
64. Там же. С. 349–350.
65. Там же. С. 355.
66. Пермские епархиальные ведомости. 1872. № 40. 4 окт. Отд. оф. С. 505.
67. Пермские епархиальные ведомости. 1872. № 52. 27 дек. Отд. неоф. С. 531.
68. Там же. С. 531.
69. Там же. С. 531–532.
70. Там же. С. 530.
71. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 135.
72. Там же. С. 137.
73. Там же. С. 170.
74. Там же. С. 170.
75. Там же. С. 171.
76. Ларичев А. А. Самарское земство – первое земство России (по документам Государственного архива Самарской области) // Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь: «Пушка», 2006. С. 234–236.
77. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 69.
78. Там же. С. 88.
79. Там же. С. 88–89.
80. Там же. С. 244.
81. Там же. С. 255–256.
82. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка: Буквица, 2007. С. 230.
83. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 18.
84. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 214.
85. Там же. С. 214.
86. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007)... С. 230.
87. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 160.
88. Там же. С. 178.
89. Собянин В. Образование в Пермском крае // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии за 1917 год. Пермь: Издание Секретаря Перм. Губ. Стат. Комитета Н. А. Иванова, 1917. Хроника событий и общественной жизни гор. Перми и Пермской губернии с 28 февраля по 14 декабря 1916 года. С. 9.
90. Пермские епархиальные ведомости. 1872. № 52. 27 дека. Отд. неоф. С. 533.
91. Слудская И. А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX вв. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1998. С. 160.
92. Она же. Указ. соч. С. 40.
93. Собянин В. Образование в Пермском крае... С. 9.
94. Пермские епархиальные ведомости. 1885. 29 мая. Отд. оф. № 22. С. 234–235.
95. Благовидов Ф. Указ. соч. С. 159.
96. Овсиевский В. Краткий исторический обзор жизни и деятельности церковных школ Пермской епархии с 1884 по 1909 год / Извлечено из «Епарх. Вед.» за 1910 г. Пермь: Типо-Лит. Губ. Правления, 1910. С. 2.
97. Чарнолуцкий В. И. Земство и народное образование. Очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования. Формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области. Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. С. 132–133.

Notes

1. Prugavin A. S. Zaproxy naroda i obyazannosti intelligencii v oblasti prosveshcheniya i vospitaniya [Queries of the people and the responsibilities of intellectuals in education and training]. Ed. 2nd, add. SPb. Typ. of I. N. Skorokhodov. 1895. P. 418.

2. Znamenskiy P. V. Istoriya Russkoj Cerkvi: ucheb. rukovodstvo. (Materialy po istorii cerkvi. Kn. 10) [History of the Russian Church: tutorial. (Materials on the history of the Church. Book 10)]. M. Krutitsk patriarchal homestead. 1996. Pp. 46–49.

3. Batyug I. G. Preodolenie religioznyh perezhitkov v soznanii lyudej [Overcoming of religious remnants in the minds of men] // Kul'turnaya revolyuciya v SSSR (1917–1965 gg.)- Cultural revolution in the USSR (1917–1965 gg.) / Academy of Sciences of the USSR. The Institute of history. The scientific Council on the history of socialist and Communist construction in the USSR. M. Nauka. 1967. P. 236.

4. Grekulov E. F. Pravoslavnaya cerkov' – vrag prosveshcheniya [Orthodox Church is the enemy of enlightenment]. M. Publ. of AS USSR. 1962. Also him. Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii [Orthodox inquisition in Russia]. M. Publ. of AS USSR. 1964. Also him. Cerkov', samoderzhavie, narod: 2-ya polovina XIX – nachalo XX v. [The Church, autocracy, people: 2nd half of XIX – early XX century]. M. Publ. of AS USSR. 1969.
5. Also him. Op. cit. P. 4.
6. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do konca XX v.: ucheb. posobie dlya ped. ucheb. zaved – History of pedagogy and education. From the origin of education in primitive society to the end of the XX century: tutorial for the ped. educational institutions / ed. by A. I. Piskunov. 2nd publ., rev. and add. M. Shopping center Sfera. 2001. P. 192.
7. Shichalin Y. A. Puti rossijskogo obrazovaniya i pravoslaviya: sb. st. [Russian education and Orthodoxy: coll. of articles] M. 1999.
8. Kapterev P. F. Istoriya russkoj pedagogiki. 2-e izd., ispr. i dop. [History of Russian pedagogy]. 2nd publ., rev., corr. and add. Petrograd. Book warehouse "Zemlya". 1915. Pp. 7–21.
9. Uvarov S. S. O nekotoryh obshchih nachalah, mogushchih sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya [On some general principles that can guide the management of the Ministry of national education] // Reka Vremen (Kniga istorii i kul'tury) – The River of Time (Book of history and culture). Book 1. M. The River Of Time: «Ellis Lak». 1995. Pp. 70–72.
10. Talberg N. D. Istoriya Russkoj Cerkvi [History of the Russian Church]. M. Publishing house of Sretensky monastery. 1997. P. 835.
11. Blagovidov F. Deyatel'nost' russkogo duhovenstva v otnoshenii k narodnomu obrazovaniyu v carstvovanie imperatora Aleksandra II. [Activity of the Russian clergy in relation to public education during the reign of Emperor Alexander II]. Kazan. Typ. of Imperial University. 1891. Pp. 11–12.
12. Also him. Op. cit. P. 12.
13. Ibid.
14. Ibid. Pp. 12–13.
15. Ibid. P. 13.
16. Vsepoddanejsij otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody – The all-subjective report of the chief Procurator of St. Synod on Department of Orthodox confession for 1908–1909 years. SPb. 1911. P. 18.
17. Blagovidov F. Op. cit. P. 6.
18. Ibid. P. 7.
19. Ibid. Pp. 7–8.
20. Ibid. P. 6.
21. Ibid. P. 9.
22. Ibid. P. 11.
23. Ibid. Pp. 14–15.
24. Ibid. P. 15.
25. Ibid. P. 16.
26. Ovsiewski V. Kratkij istoricheskij obzor zhizni i deyatel'nosti cerkovnyh shkol Permskoj eparhii s 1884 po 1909 god [Brief historical overview of the life and activity of Church schools of the Perm diocese from 1884 to 1909] / Extracted from "The Eparch. gazette" for 1910. Perm. Tipo-Lit. Provincial Board. 1910. P. 2.
27. Blagovidov F. Op. cit. Pp. 20–21.
28. Vsepoddanejsij otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody -The all-subjective report of the chief Procurator of St. Synod...
29. Also him. Op. cit. Pp. 18–19.
30. Ibid. P. 19.
31. Ibid. Pp. 20–22.
32. Ovsievskiy V. Kratkij istoricheskij obzor zhizni i deyatel'nosti cerkovnyh shkol Permskoj eparhii s 1884 po 1909 god [Brief historical overview of the life and activity of Church schools of the Perm diocese from 1884 to 1909] / Extracted from "The Eparch. gazette" for 1910. Perm. Tipo-Lit. Provincial Board. 1910. P. 2.
33. Blagovidov F. Op. cit. Pp. 20–21.
34. Rimskiy S. V. Rossijskaya cerkov' v ehposu velikih reform (Cerkovnye reformy v Rossii 1860–1870-h godov) [Russian Church in the era of the great reforms (the reform of the Church in Russia, 1860–1870-ies)] // Materialy po istorii cerkvi. Kn. 26. M.: Krutickoe Patriarshee Podvor'e. O-vo lyubitelej cerkovnoj istorii, 1999 – Materials on the history of the Church. Book 26. M. Krutitsk Patriarch Homestead. Society of the lovers of Church history. 1999. P. 444.
35. Additions to the Church gazette. 1910, 6 Nov. No. 45, pp. 1901–1903.
36. Znamenskiy P. V. Istoriya Russkoj Cerkvi: ucheb. rukovodstvo [History of the Russian Church: tutorial] // Materialy po istorii cerkvi – Materials on the history of the Church. Book 10. M. Krutitsk Patriarch homestead. 1996. P. 429.
37. Rimskiy S. V. Op. cit. P. 440.
38. Rozhdestvenskiy S. V. Istoriicheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of education 1802–1902]. SPb. The publication of the Ministry of Public Education. 1902. P. 445.
39. Rimskiy S. V. Op. cit. P. 254.

40. Blagovidov F. Op. cit. P. 65.
41. Ibid. Pp. 65–66.
42. Ibid. P. 69.
43. Ibid. P. 81.
44. Ibid.
45. Ibid. Pp. 81–82.
46. Vsepoddanejšij otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody – The all-subjective report of the chief Procurator of St. Synod on Department of Orthodox confession for 1908–1909 years. SPb. 1911. P. 18.
47. Rimskiy S. V. Op. cit. P. 444.
48. Blagovidov F. Op. cit. P. 109.
49. Rimskiy S. V. Op. cit. P. 444.
50. Blagovidov F. Op. cit. P. 141.
51. Ibid. P. 103.
52. Ibid. P. 104.
53. Ibid.
54. Ibid. P. 106.
55. See: Papkov A. O sud'be cerkovno-prihodskih popechitel'stv v svyazi s vosstanovleniem pravoslavnykh prihodov na novyh nachalah [On the fate of the parish wards in connection with the restoration of the Orthodox parishes on a new basis] // Pribavleniya k Cerkovnym vedomostyam. 1906. № 11. 18 marta – Additions to the Church gazette. 1906. No. 11, March 18, p. 562.
56. Pankrat T. V. Prihodskie popechitel'stva Moskvy: vzniknovenie i osobennosti organizacii (1864–1917) [Parish patronage of Moscow: the occurrence and characteristics of the organization (1864–1917)] // Rossijskaya istoriya – Russian history. 2010, No. 2, p. 112.
57. Preobrazhenskij I. V. CHto govoryat cifry o sostoyanii Cerkvi v carstvovanie Imperatorov: Nikolaya I, Aleksandra II, Aleksandra III i v nastoyashchee carstvovanie po 1903 god: statisticheskaya spravka dlya soobrazhenij po voprosu o cerkovnoj reforme [What do the numbers say about the state of the Church in the reign of the Emperors: Nicholas I, Alexander II, Alexander III and in the present reign for 1903: a statistical profile for considerations on the question of Church reform] // Pribavleniya k Cerkovnym vedomostyam – Additions to the Church gazette. 1906, No. 51–52, 23 Dec. Pp. 3165–3169.
58. Rimskiy S. V. Op. cit. Pp. 361–362.
59. Rimskiy S. V. Op. cit. Pp. 361–362.
60. Permskij eparhial'nyj Adres-kalendar' na 1882 god. Sostavlennyj i izdannyj s dozvoleniya Permskogo eparhial'nogo nachal'stva N. D. Toporkovym – The Perm diocesan Address-calendar for 1882. Compiled and published with the permission of the Perm diocesan authorities by N.D. Toporkov. Perm. Typ. Prov. District Council. 1882. Pp. 7, 169.
61. Permskij eparhial'nyj Adres-kalendar' na 1882 god... The Perm diocesan Address-calendar for 1882... P. 7.
62. Blagovidov F. Op. cit. Pp. 116, 350.
63. Ibid. P. 349.
64. Ibid. Pp. 349–350.
65. Ibid. P. 355.
66. Permskie eparhial'nye vedomosti – Perm diocesan Gazette. 1872, No. 40, Oct 4, p. 505.
67. Permskie eparhial'nye vedomosti – Perm diocesan Gazette. 1872, No. 52, Dec 27, p. 531.
68. Ibid. P. 531.
69. Ibid. Pp. 531–532.
70. Ibid. P. 530.
71. Blagovidov F. Op. cit. P. 135.
72. Ibid. P. 137.
73. Ibid. P. 170.
74. Ibid. P. 170.
75. Ibid. P. 171.
76. Larichev A. A. Samarskoe zemstvo – pervoe zemstvo Rossii (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti) [Samara district Council – the first Council of Russia (according to documents of the State Archive of the Samara region)] // Administrativno-territorial'nye reformy v Rossii. K 225-letiyu uchrezhdeniya Permskogo namestnichestva: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf.- Administrative-territorial reform in Russia. To the 225th anniversary of the establishment of Perm vicegerency: materials of Interregion. scientific-pract. conf. Perm. "Cannon". 2006. Pp. 234–236.
77. Blagovidov F. Op. cit. P. 69.
78. Ibid. P. 88.
79. Ibid. Pp. 88–89.
80. Ibid. P. 244.
81. Ibid. P. 255–256.
82. Ocherki istorii Vyatskoj eparhii (1657–2007): 350 let Vyatskoj eparhii – Essays on the history of the Vyatka diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka diocese, under the general editorship of Metropolitan of Vyatka and Sloboda Chrysanthus. Vyatka. Bukvitsa. 2007. P. 230.

83. Vsepoddanejšij otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody – The all-subjective report of the chief Procurator of St. Synod on Department of Orthodox confession for 1908–1909 years. SPb. 1911. P. 18.
84. Blagovidov F. Op. cit. P. 214.
85. Ibid. P. 214.
86. Oчерки istorii Vyatskoj eparhii (1657–2007)...- Essays on the history of the Vyatka diocese (1657–2007)... P. 230.
87. Blagovidov F. Op. cit. P.160.
88. Ibid. P. 178.
89. Sobyenin V. Obrazovanie v Permskom krae [Education in the Perm region] // Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Permskoj gubernii za 1917 god.- Address-calendar and the help book of the Perm province in 1917. Perm. Perm Publishing Secretary of Prov. Stat. Committee N. A. Ivanova. 1917. Hronika sobytij i obshchestvennoj zhizni gor. Permi i Permskoj gubernii s 28 fevralya po 14 dekabrya 1916 goda [Chronicle of events and social life of Perm and the Perm province from 28 February to 14 December 1916]. P. 9.
90. Perm diocesan Gazette. 1872, No. 52, 27 Dec., p. 533.
91. Sludskaya I. A. [Public education in the Perm region in the late XIX – early XX centuries]. Perm. Publishing house POIPKRO. 1998. P. 160.
92. Also hers. Op. cit. P. 40.
93. Sobyenin V. [Education in Perm region]... P. 9.
94. Permskie eparhial'nye vedomosti – Perm diocesan Gazette. 1885, May 29, No. 22, pp. 234–235.
95. Blagovidov F. Op. cit. P. 159.
96. Ovsiewski V. Kratkij istoricheskij obzor zhizni i deyatel'nosti cerkovnyh shkol Permskoj eparhii s 1884 po 1909 god [Brief historical overview of the life and activity of Church schools of the Perm diocese from 1884 to 1909] / Extracted from "The Eparch. Gazette." for 1910. Perm Tipo-Lit. Prov. Board. 1910. P. 2.
97. Charnolusky V. I. Zemstvo i narodnoe obrazovanie. Oчерки iz proshlogo i nastoyashchego zemskoj deyatel'nosti v razlichnyh otraslyah obshchestvennogo obrazovaniya. Formy, tipy, rezul'taty i oчерednye zadachi zemskogo hozyajstva i zemskih uchrezhdenij v ehtoj oblasti [Zemstvo and public education. Essays from past and present land activities in various sectors of public education. Forms, types, results and immediate tasks of the provincial economy and provincial agencies in this field]. Part 1. SPb. Typ. of M. A. Aleksandrova. 1910. Pp. 132–133.

УДК 94(470.319).081/.083-283.1

В. Е. Кошелев

Архиереи Орловско-Севской епархии в пореформенную эпоху: социальный статус и социальные роли

Статья посвящена актуальной проблеме региональной истории Русской православной церкви. Основной источник исследования: материалы официальной церковной периодики, представленной в Орловской губернии газетой «Орловские епархиальные ведомости». В статье на основе использования просопографического метода исследования составлен обобщенный социальный портрет архиерея Орловско-Севской епархии пореформенной эпохи XIX в. На основании данных губернской статистики проанализирован персональный состав епархиальной консистории и сделана оценка её роли в управлении епархией. Дана общая характеристика обязанностей епархиального архиерея Синодальной эпохи как главы епархии. Общая характеристика прилагается к конкретным событиям церковной жизни Орловской губернии второй половины XIX столетия. Выделены основные направления деятельности орловских архиереев, дана характеристика той социальной роли, которую правящий епископ играл в провинциальном обществе. Определены специфика Орловской губернии в контексте взаимоотношений Церкви и общества в России второй половины XIX в.

Article is devoted to an actual problem of regional history of Russian Orthodox Church. Main source of research: materials of the official church periodical press presented in the Oryol province by the Orlovskiye Eparkhialnye Vedomosti newspaper. In article on the basis of use of a prosopografichesky method of research the generalized social portrait of the bishop of the Oryol and Sevsky diocese of a post-reform era of the XIX century is made. On the basis of data of provincial statistics the members of a diocesan consistory are analysed and the assessment of its role in management of the diocese is made. The general characteristic of duties of the diocesan bishop of the Synod era as heads of the diocese is given. The general characteristic is applied to concrete events of church life of the Oryol province of the second half of the XIX century. The main activities of the Oryol bishops are allocated, the characteristic of that social role which the ruling bishop played in provincial society is given. Specifics of the Oryol province in the context of relationship of Church and society in Russia of the second half of the XIX century are defined.

Ключевые слова: Русская православная церковь; пореформенная эпоха; Орловско-Севская епархия; губернский архиерей; социальный статус; социальная роль; церковная жизнь.

Keywords: Russian Orthodox Church; post-reform era; Oryol and Sevsky diocese; provincial bishop; social status; social role; church life.

Социальный статус духовенства определялся, в первую очередь, его принадлежностью к соответствующему сословию. Образовательный ценз открывал дорогу к священству только для выпускников семинарий. Несмотря на то что Устав о духовных училищах от 14 мая 1867 г. разрешал получение духовного образования лицами всех сословий, на практике порядка 92% учащихся были сыновьями священно- и церковнослужителей [1].

Орловское духовенство не составляло исключения. Наиболее показательны в этом отношении местные архиереи. Первым предстоятелем Орловской епархии был еп. Аполлос (Байбаков). Всего с 1788 г. до 5 августа 1917 г., когда Временное правительство учредило Министерство исповеданий и упразднило институт обер-прокуратуры, демонтировав тем самым синодальную систему управления Церковью, во главе епархии сменился 21 архиерей. Епископ Серафим (Остроумов), вступивший в управление епархией 27 мая 1917 г., встретил на этом посту начало нового, Патриаршего, периода в истории Русской православной церкви.

Практически все два десятка орловских архиереев суть сыновья сельских батюшек или дьячков [2]. Только владыка Серафим (Чичагов) не был связан с духовной средой. Его отец Михаил Никифорович Чичагов – потомственный дворянин, полковник артиллерии. Первый архиерей пореформенной эпохи, рукоположенный на Орловскую кафедру 12 июля 1858 г. (умер в Орле 22 августа 1867 г.), Поликарп (Радкевич) был сыном священника ц. Покрова Богородицы в Русских Фольварках, предместье г. Каменец-Подольский [3]. Сменивший владыку Поликарпа, епископ Макарий (Миролюбов) был родом из Рязанской губернии. Его отец Кирилл Прокопьевич Подлесенский был священником церкви в с. Ухолово Рязжского уезда [4]. После перевода Макария на Архангельскую кафедру 25 декабря 1875 г. в Орёл был назначен Ювеналий (Карюков), сын священника с Крюковского посада Кременчугского уезда Полтавской губернии [5]. 31 декабря 1882 г. владыка умер, а на вдовствующую кафедру был 13 февраля 1883 г. рукоположен наместник Александро-Невской лавры архим. Симеон (Линьков). Его отец Георгий Александрович Линьков был причетником московской церкви Св. Симеона Столпника на Поварской улице [6]. 3 июня 1889 г. владыка Симеон был переведён в Минск, а на его место был переведён викарный преосвященный Московской епархии Мисаил (Крылов), сын сельского пономаря из с. Чуровского Череповецкого уезда Новгородской губернии [7]. 10 августа 1896 г. он был переведён в Могилев. Отец нового епископа – Митрофана (Невского) – священник Орловско-Севской епархии [8]. Владыка Митрофан пробыл в Орле с 10 августа 1896 г. по 2 января 1899 г., после чего отбыл в Смоленск, а из Смоленска на орловскую кафедру был переведён еп. Никанор (Каменский), сын дьякона из с. Солодовниково Астраханской губернии [9]. Священническим сыном был преемник владыки Никанора епископ Орловский и Севский Ириней (Орда) [10].

Обобщенный социальный портрет орловского архиерея синодальной эпохи представляется в следующем виде. Это человек лет около пятидесяти, выходец из семьи сельского батюшки, уроженец одной из великорусских или реже малорусских губерний (чаще всего с Левобережья). Он окончил ближайшую к родному селу семинарию и одну из духовных академий (чаще всего Киевскую), постриг принял на рубеже тридцатилетия. До назначения на Орловскую кафедру будущий архиерей прошел целый ряд ступеней церковной карьеры. До пострижения был преподавателем или инспектором в духовных или светских школах разного уровня или просто настоятельством в какой-нибудь сельской церкви. После пострижения бывал игуменом, настоятелем монастыря, ректором духовной семинарии. Последняя должность обычно влекла за собой возведение в сан архимандрита. Прежде чем стать епископом, будущий орловский архиерей обычно бывал в викариях. Для большинства наших архиереев назначение на Орловскую кафедру было первым опытом архиерейского служения, значительно реже они оказывались в Орле в результате перевода из другой епархии. Побыв в Орле лет шесть, наш архиерей либо переводился в другую епархию, либо (что значительно реже) удалялся на покой или почивал в Бозе.

Дольше всех орловским архиереем пробыл Досифей (Ильин) – 18 лет. Самым кратковременным – около пяти месяцев – было архиерейство Макария (Гневушева). Это если не считать Иннокентия (Сельнокринова). 1 марта 1840 г. был издан указ о переводе его с Волынской кафедры в Орел, а 25 апреля владыка скончался, будучи в Козельске, так и не доехав до места своего нового назначения. В целом в XVIII – первой половине XIX в. орловские и севские архиереи задерживались в своей должности в среднем вдвое дольше, чем в пореформенную эпоху.

Епархиальный архиерей рассматривался как «настоятель и главный учитель веры в своей епархии». Он рукополагал в сан священнослужителей (иереев и диаконов) в своей епархии, ставил на должности церковнослужителей (причетников), взыскивал их за разные упущения и проступки – вплоть до увольнения с должности (лишение сана было прерогативой Синода, осуждение за преступление – светского уголовного суда).

Так, 7 декабря 1864 г. епархиальным начальством было предписано лишать дневного жалования дьяконов и причетников, без уважительной причины не явившихся «к одному богослужению дневному или к одной мирской требе». Если дьякон в воскресный или праздничный день, опять же, по неуважительной причине не был допущен до литургисания и, вместо этого, выполнял обязанности причетника, то ему за его труды полагалось дневное жалование причетника [11].

Судя по имеющимся источникам, орловские архиереи взысканиями не злоупотребляли, чаще прибегали к поощрениям. В качестве последних могли выступать благословения, объявления признательности, денежные премии [12]. В 1864 г. «за усердное старание» в обучении крестьянских детей было объявлено архиерейское благословение дьякону с. Сычева Мценского уезда Иоанну Звягинцеву [13]. В 1864 г. законоучителю орловского приюта для сирот духовного звания о. Андрею Осипову было выдано 40 руб. в награду за труды по обучению воспитанниц [14].

При хиротонии (возведении в сан) архиерей давал клятвенное обещание соблюдать церковные предания, святые каноны, охранять церковный мир, управлять паствой в духе евангельской кротости и оказывать послушание высшей церковной власти, никого не предавать анафеме и отлучать от церкви по личным побуждениям, с отпадшими поступать миролюбиво, кротко и благоразумно. От него требовалось держать монахов своей епархии «во всей строгости монашеских уставов», не строить церквей «без надобности» и не ставить церковнослужителей «сверх потребности», мертвых тел, без церковного освидетельствования, не выдавать за святые мощи; притворно беснующихся наказывать духовными мерами и предавать светской власти, не допускать «вымышленных чудес» от икон и источников, не вмешиваться в мирские дела.

В пределах своей епархии архиерей обладал административной, судебной и хозяйственной властью над вверенным ему духовенством. Он отвечал за состояние веры и нравственности, надзирал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил вверенными учреждениями и возглавлял духовный суд. В отношении Св. Синода он имел право выступать с законодательными и административными предложениями. Он представлял интересы Церкви перед местными органами государственной власти, с которыми у него могли возникать трения из-за вмешательства ее в дела его епархии.

Духовный регламент предписывал епископу не менее одного раза в год объезжать свою епархию и регулярно представлять в Синод как годовые отчеты о состоянии епархии, так и донесения об особо важных и неотложных делах.

На епархиального архиерея как на главного учителя веры возлагался надзор за всеми духовными школами в епархии, а также контроль за преподаванием Закона Божия в светских школах. Ему были подчинены и церковно-приходские школы. Вопросы об открытии новых приходов или закрытии старых; учреждение и закрытие монастырей, духовных школ епископы могли делать только с разрешения Синода, делая ему об этом соответствующие представления.

При епархиальном архиерее состояла консистория – епархиальное управление в составе духовных лиц и гражданских чиновников. Согласно Уставу духовных консисторий от 27 марта 1841 г., пересмотренному в 1883 г., консистории рассматривались как присутственные места, через которые архиереи управляли своей епархией и вершили в ней духовный суд. По Уставу Консистории состояли из пяти-семи членов, в зависимости от численности прихожан и духовенства в епархии. Кандидатов в члены Консистории подбирал епархиальный архиерей из числа архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и иереев, «заслуживающих преимущественное доверие по образованности, опытности, примерному поведению и правдолюбию». В состав Консистории по должности входил ректор Духовной академии или семинарии. Состав консистории утверждался Синодом [15].

Орловская духовная консистория в 1860-е гг. состояла из шести-семи человек, в 1870–80-е – из трех-четырех, в 90-е – четырех-семи; в начале XX в. – из трех-пяти человек. Основной чертой следует назвать стабильность её кадрового состава. В 1860 г. орловская духовная консистория состояла из ректора семинарии архим. Вениамина и протоиереев городских церквей, Петра Федоровича Полидорова (кафедральный Петропавловский собор), Николая Ивановича Переверзева (церковь Богоявления), Григория Афанасьевича Жданова (церковь Успения Богородицы), Николая Максимовича Тихомирова (церковь Смоленской Иконы Богоматери) и Матвея Автономовича Позднева (церковь Сретения Господня) [16]. В 1870 г. членами орловской духовной консистории были протоиерей кафедрального Петропавловского собора Авксентий Иванович Слюсарев, настоятель хра-

ма Сретения Господня Матвей Автономович Позднеев и ключарь кафедрального собора Василий Андреевич Птицын [17]. В 1880 г. епархией управляли уже известные П. Ф. Полидоров, вернувшийся на должность настоятеля кафедрального собора, М. А. Позднеев и два новых человека – Еразм Иванович Вознесенский, прот. Ц. Преображения Господня и прот. Илья Стефанович Попов, настоятель кладбищенского храма Иоанна Крестителя [18].

При всех локальных «флуктуациях» за 20 лет состав консистории обновился лишь наполовину. Четверть века членом консистории состоял М. А. Позднеев. П. Ф. Полидоров был членом консистории, по меньшей мере (не за все годы у нас есть данные), 18 лет с 1860 по 1868 г. и с 1880 по 1888 г. За 10 лет, с 1860 по 1870 г. через консисторию прошло всего 12 человек [19]. Ректор Орловской семинарии числился в членах консистории до 1869 г. и более в состав этого учреждения не включался.

25 марта 1869 г. были приняты новые штаты духовных консисторий, согласно которым в состав этого органа епархиального управления входили четыре человека. В то же время архиереям было предоставлено право включать в состав консистории внештатных членов [20]. С сокращением числа членов консистории её кадровый состав не стал более динамичным. В 1890 г. членами Орловской духовной консистории были П. Ф. Полидоров, Е. И. Вознесенский, И. С. Попов, т. е. те же персонажи, что и десять лет назад. Новым был только четвёртый член консистории священник церкви Покрова Богородицы Василий Яковлевич Васильев [21]. Полностью состав консистории обновился только к 1898 г., когда её покинул Е.И. Вознесенский [22]. В 1900 г. в состав консистории входили Михаил Васильевич Смирнов (настоятель кафедрального собора); Петр Федорович Рождественский (настоятель храма Сретения Господня); Василий Яковлевич Васильев (священник ц. Покрова Богородицы) и Афонский (свящ. Скорбяцевской церкви, что при богоугодных заведениях) [23]. Примерно за два десятилетия через консисторию прошло 11 человек [24]. За то же время сменилось пять губернских архиереев, при этом смена владыки никак не влияла на состав консистории. То есть управление епархией осуществлялось устойчивой группой местного духовенства, работал сложившийся бюрократический механизм, на функционирование которого мало влиял номинальный глава епархии.

Епархиальный архиерей в Орле олицетворял собой, прежде всего, внешнюю парадную сторону церковной жизни. Владыка в исследуемый период был такой же публичной персоной, как губернатор или градоначальник. Он бывал вице-президентом губернского комитета попечительного общества о тюрьмах, постоянным почётным членом губернского попечительства детских приютов [25]. Макарий (Миролюбов) был почётным членом губернского статистического комитета и почётным пожизненным членом Орловского местного управления Всероссийского Красного креста. При этом оба статуса были сохранены за ним и после перевода на другую кафедру [26].

Наиболее торжественные и знаменательные события в жизни губернского города знаменовались архиерейскими богослужениями. Так, 5 декабря 1865 г. владыка Поликарп отслужил литургию в домовый семинарской церкви по случаю открытия при семинарии благотворительного братства [27]. 9 декабря 1896 г. владыка Митрофан совершил литургию в церкви Орловского института благородных девиц. По окончании литургии был отслужен молебен Св. Анне. По окончании глава орловского духовенства обратился к воспитанницам с напутственным словом [28].

Общегородским торжеством бывало тезоименитство губернского архипастыря. В качестве примера можно привести 17 декабря 1890 г. (пророка Даниила и трёх отроков Анании, Азарии и Мисаила). В этот день владыка Мисаил отслужил архиерейскую литургию. На литургии и молебне в честь св. Мисаила присутствовало всё орловское духовенство. В доме владыки архиерейский хор дал концерт. Потом последовали поздравления, прежде всего со стороны духовенства и коллективов духовных учебных заведений. В то же время еп. Мисаила с тезоименитством поздравляли «достопочтеннейшие лица военного и светского звания» [29].

Многолюдно в архиерейском доме было и в Рождественские дни. На Рождество 1897 г. орловский владыка Митрофан в Петропавловском кафедральном соборе совершил литургию и молебен по случаю избавления России от французского нашествия. После «официальной части» «весь Орёл» собирался в архиерейском доме для рождественских поздравлений, в том числе директора гимназий; командиры полков, расквартированных в Орле [30]. Владыка Никанор в рождественские дни посещал учебные заведения города. Прежде всего, епархиальное женское училище и одну из церковно-приходских школ [31].

Постепенно в обычай вошло и празднование Нового года. 1 января 1901 г. в Орле было ознаменовано архиерейским богослужением. В кафедральном соборе присутствовал губернатор, представители генералитета, ведомств и сословий. Тысячи людей собрались на крестный ход в праздник Богоявления. По пути от кафедрального собора к Иордани у Банного моста через Левашеву гору шпалерами стояли войска [32].

Поскольку архиерей был ответственен за все духовные дела, осуществлявшиеся в его епархии, предметом забот орловских епископов были и основные направления отношений между духовенством и прихожанами. 5 сентября 1865 г. владыка Поликарп предписал консистории поручить благочинным организацию ежемесячных съездов духовенства своих благочиний для обсуждения, в частности, вопросов распространения грамотности; проблем обучения главным молитвам и догматам веры простого народа. «Народ наш, при всём своём усердии к вере и церкви, погрязает в невежестве и не умеет правильно прочесть, тем менее понять, никакой молитвы, а от этого сродны им суеверия и другие предрассудки». По всем селам предписывалось священникам или дьяконам между утренней и обедней разъяснять прихожанам в наиболее доходчивой форме текст «Апостола» и «Евангелия» [33].

8 декабря 1868 г. в преддверии выборов мировых судей особое слово в кафедральном соборе произнёс епископ Макарий. Владыка говорил о важности беспристрастного избрания, профессионализма будущих судей, разъяснял значение основных принципов судебной реформы. Главное же для судьи, по глубокому убеждению архипастыря, – это вера во Христа и праведная жизнь. «А кто не знает Бога или не верует в его божественный промысел и воздаяние, легко может уклоняться от законов на каждом шагу, легко может забывать обязательную силу их и виновность свою за нарушение их, ему не помогут в этом случае никакие правила и предписания судебные. Другие недостатки восполняются развитием ума человеческого, а недостаток религии не восполнится никакими преобразованиями и улучшениями» [34].

Большое внимание орловские епископы традиционно уделяли образованию. Естественно, в первую очередь, они пеклись о духовной школе. В то же время ряд учебных заведений, организованных Церковью, был доступен и представителям других сословий. Одним из таких заведений было епархиальное женское училище (подробнее о нём ниже). В 1886/87 уч. г. владыка Семион посетил училище вместе с управляющим канцелярией Св. Синода действительным статским советником В. К. Саблером. 20 ноября в канун престольного праздника епархиальный первосвященник отслужил всенощное бдение в училищной церкви. В июне присутствовал на экзаменах. Владыка Семион пожертвовал на нужды училища 315 руб. [35]

Во время объезда епархии владыка обязательно посещал церковно-приходские школы, «обращая особенное внимание на направление и характер обучения, на соответствие их общей задаче церковной школы, благословляя усердие духовенства к школьному делу и поощряя духовенство и прихожан к утверждению и распространению церковно-приходских школ» [36].

18 апреля 1898 г. Орёл посетил вел. кн. Сергей Александрович. В церемонии встречи августейшей особы активное участие приняло местное духовенство во главе с епископом Митрофаном. Владыка встретил великого князя на паперти кафедрального собора и произнёс краткую речь. В храме орловский первосвященник благословил Сергея Александровича иконой Спасителя и сказал назидательное слово. Позднее великий князь посетил домашние покои епископа, где имел с ним 15-минутную беседу [37].

29 апреля того же года в день Преполовления Пятидесятницы Преосвященнейший Митрофан совершил литургию в ц. Богоявления, после чего при многом стечении народа был совершен крестный ход к Оке и чин водоосвящения [38].

17 мая владыка принимал поздравления по случаю награждения его орденом Св. Владимира II степени. Законоучитель орловской двухклассной женской Богоявленской церковно-приходской школы прот. А. Павловский, вместе с двумя лучшими ученицами, преподнесли первосвященнику икону Спасителя и хлеб-соль [39].

Владыка Никанор придавал большое значение развитию церковной науки. Его стараниями в Орле был открыт Церковно-археологический комитет.

Анализ законодательства Российской империи показывает, что в её государственном управлении второй половины XIX – начала XX в. существовали две взаимопересекающиеся и тесно взаимосвязанные, но, в то же время, автономные сферы: светская и духовная. На региональном уровне государство было представлено губернаторами и чиновниками губернского управления, с одной стороны, губернским архиереем и его консисторией – с другой. Известно, что император Николай Александрович, отвечая на вопросы переписи населения 1897 г., в графе «Род занятий» написал – «хозяин земли Русской». Губернский архиерей был хозяином епархии, без благословения которого не могло быть организовано никакое мероприятие в сфере религиозной жизни. Специфика Орловско-Севской епархии состояла, пожалуй, в том, что на её просторах религиозная жизнь не требовала какого-либо существенного вмешательства со стороны губернского архиерея. За полтора столетия Синодальной эпохи процесс управления епархией был настолько отработан, что все дела решались в установленном бюрократическом порядке, посредством духовной консистории, состав которой не менялся десятилетиями. Вмешательства епископа здесь

особенно не требовалось. Его уделом была официально-парадная сторона епархиальной жизни. Архиерейские богослужения, участие в торжественных городских мероприятиях, приёмы официальных лиц, торжественные речи, почётные председательства. Главной задачей губернского архиерея было являть прихожанам высшую духовную власть во всей её красоте и мощи.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее – ПСЗ-2). Т. 42. № 44570; Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. М., 2003. С. 112.
2. Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и учёных. СПб., 1889. Т. 1. С. 699; Липаков Е. В. Архипастыри казанские. Казань, 2007. С. 197; Шереметевский В. В. Гавриил // Русский биографический словарь. Гааг-Гербель. М., 1914. С. 47; Пясецкий Г. М. История Орловской епархии. Орел, 1899. С. 903, 919, 938, 965; Раздорский А. И. Архиереи Курского края XVIII–XX вв. Курск, 2004. С. 321.
3. Пясецкий Г. М. Указ. соч. С. 965.
4. Святители земли Нижегородской. Н. Новгород, 2003. С. 59.
5. Пясецкий Г. М. Указ. соч. С. 1007.
6. Там же. С. 1013, 1014.
7. Там же. Указ. соч. С. 1022.
8. Там же. С. 1036.
9. Там же. С. 1051.
10. Памяти Преосвященного Иринаея, епископа Орловского и Севского // Орловские епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). 1904. № 16. Часть официальная (далее – Ч/о). С. 384.
11. ОЕВ. 1865. № 2. Ч/о. С. 23–24.
12. ОЕВ. 1865. № 4. Ч/о. С. 65.
13. ОЕВ. 1865. № 2. Ч/о. С. 26.
14. ОЕВ. 1865. № 3. Ч/о. С. 48.
15. ПСЗ-2. Т. 16. № 14409; Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 3. № 1495.
16. Адрес-календарь Орловской губернии (составлен по сведениям к 1 апреля 1860 г.) (далее АКОГ). Орел, 1860. С. 47.
17. АКОГ. 1870. Орел, 1870. С. 34.
18. АКОГ. 1880. Орел, 1880. С. 40.
19. АКОГ. 1860. С. 47; АКОГ. 1864. С. 45; АКОГ. 1868. С. 54; АКОГ. 1869. С. 35.
20. ПСЗ-2. Т. 44. Ч. 3. Штаты и табели к № 46899.
21. АКОГ. 1890. С. 35.
22. АКОГ. 1898. С. 46.
23. АКОГ. 1900. С. 46, 47.
24. АКОГ. 1880. С. 40; АКОГ. 1885. С. 53; АКОГ. 1888. С. 42; АКОГ. 1890. С. 35; АКОГ. 1892. С. 34, 35; АКОГ. 1893. С. 38, 39; АКОГ. 1894. С. 35, 36; АКОГ. 1895. С. 61, 62; АКОГ. 1896. С. 86; АКОГ. 1897. С. 63; АКОГ. 1898. С. 46; АКОГ. 1899. С. 45; АКОГ. 1900. С. 46, 47.
25. АКОГ. 1880. С. 9, 27; АКОГ. 1885. С. 6, 37.
26. АКОГ. 1880. С. 9, 29; АКОГ. 1885. С. 6.
27. ОЕВ. 1866. № 1. С. 9.
28. ОЕВ. 1897. № 1. С. 9.
29. ОЕВ. 1891. № 1. С. 49–50.
30. ОЕВ. 1898. № 1. С. 32.
31. ОЕВ. 1901. № 1–2. С. 34.
32. Там же. С. 34–36.
33. ОЕВ. 1865. № 19. С. 420–421.
34. ОЕВ. 1869. № 1. С. 19.
35. ОЕВ. 1888. № 1. С. 64–65.
36. ОЕВ. 1892. № 5. С. 136.
37. ОЕВ. 1898. № 17. С. 602–605.
38. ОЕВ. 1898. № 19. С. 667–668.
39. ОЕВ. 1898. № 23. С. 817–818.

Notes

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting (hereafter PSZ–2). Vol. 42. No. 44570 (in Russ.); Fedorov V. A. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period [Russian Orthodox Church and the state. The Synodal period]. M. 2003. P. 112.
2. Vengerov S. A. Kritiko-bibliograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchyonyh [Critique-bibliographical dictionary of Russian writers and scientists]. SPb. 1889. Vol. 1. P. 699; Lipakov E. V. Arhipastyri kazanskie [Archpastors of Kazan]. Kazan. 2007. P. 197; Sheremetevskiy V. V. Gavriil [Gabriel] // Russkij biograficheskij slovar'. Gaag-Gerbel'. - Russian biographical dictionary. Haag-Gerbel. M. 1914. P. 47; Pyasetskiy G. M. Istoriya Orlovskoj eparhii [The history of the Orel diocese]. Orel. 1899. Pp. 903, 919, 938, 965; A. I. Razdorskiy Arhierei Kurskogo kraja XVIII–XX vv [Bishops of Kursk region in the XVIII–XX centuries] Kursk. 2004. P. 321.

3. Pyasetskiy M. Op. cit. P. 965.
4. Svyatiteli zemli Nizhegorodskoj – Saints of Nizhny Novgorod land. N. Novgorod. 2003. P. 59.
5. Pyasetskiy M. Op. cit. P. 1007.
6. Ibid. Pp. 1013, 1014.
7. Ibid. Op. cit. P. 1022.
8. Ibid. P. 1036.
9. Ibid. P. 1051.
10. Pamyati Preosvyashchennogo Irineya, episkopa Orlovskogo i Sevskogo – To the memory of the Reverend Iriney, Bishop of Orel and Sevsck // Orlovskie eparhial'nye vedomosti (dalee – OEV) – Oryol diocesan Gazette (hereinafter – OEV). 1904, No. 16, official part (further – Ch/o). P. 384.
11. OEV. 1865. No. 2. Ch/O. Pp. 23–24.
12. OEV. 1865. No. 4. Ch/O. P. 65.
13. OEV. 1865. No. 2. Ch/O. P. 26.
14. OEV. 1865. No. 3. Ch/O. P. 48.
15. PSZ–2. Vol. 16. No. 14409; Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. third. Vol. 3. No. 1495. (in Russ.)
16. Adres-kalendar' Orlovskoj gubernii (sostavlen po svedeniyam k 1 aprelya 1860 g.) (dalee AKOG) – The address calendar of the Orel province (based on information as of April 1, 1860) (hereinafter ACOG). Orel. 1860. P. 47.
17. ACOG. 1870. Orel. 1870. P. 34.
18. ACOG. 1880. Orel. 1880. P. 40.
19. ACOG. 1860. P. 47; ACOG. 1864. P. 45; ACOG. 1868. P. 54; ACOG. 1869. S. 35.
20. PSZ–2. Vol. 44. Part 3. States and timesheets to No 46899. (in Russ.)
21. ACOG. 1890. P. 35.
22. ACOG. 1898. P. 46.
23. ACOG. 1900. Pp. 46, 47.
24. ACOG. 1880. P. 40; ACOG. 1885. P. 53; ACOG. 1888. P. 42; ACOG. 1890. P. 35; ACOG. 1892. Pp. 34, 35; ACOG. 1893. Pp. 38, 39; ACOG. 1894. Pp. 35, 36; ACOG. 1895. P. 61, 62; ACOG. 1896. P. 86; ACOG. 1897. P. 63; ACOG. 1898. P. 46; ACOG. 1899. P. 45; ACOG. 1900. P. 46, 47.
25. ACOG. 1880. P. 9, 27; ACOG. 1885. P. 6, 37.
26. ACOG. 1880. P. 9, 29; ACOG. 1885. P. 6.
27. OEV. 1866. No. 1. P. 9.
28. OEV. 1897. No. 1. P. 9.
29. OEV. 1891. No. 1. Pp. 49–50.
30. OEV. 1898. No. 1. P. 32.
31. OEV. 1901. No. 1–2. P. 34.
32. Ibid. Pp. 34–36.
33. OEV. 1865. No. 19. Pp. 420–421.
34. OEV. 1869. No. 1. P. 19.
35. OEV. 1888. No. 1. Pp. 64–65.
36. OEV. 1892. No. 5. P. 136.
37. OEV. 1898. No. 17. Pp. 602–605.
38. OEV. 1898. No. 19. Pp. 667–668.
39. OEV. 1898. No. 23. Pp. 817–818.

УДК 342.518

Н. Г. Савосина

Дореволюционное Забайкалье в таможенной политике России

Изучение роли и функций таможенных органов, их места в государственном устройстве всегда было актуальным, при этом сложные и подчас противоречивые управленческие процессы необходимо анализировать в контексте становления Российского государства. В настоящей работе освещаются особенности реализации направлений государственной таможенной политики на территории исторического Забайкалья. Уделяется внимание как общим признакам таможенного управления регионами российского государства, так и отдельным региональным особенностям, обусловленным расширением российских территорий и необходимостью организации таможенного надзора с учетом специфики территории и направлениями таможенной политики. Отмечено, что изучение деятельности таможенных органов в истории Российского государства имеет большое значение и позволяет восполнить существующие в науке пробелы.

Studying the role and functions of the Custom authorities their position in state structure has always been important but at the same time some complex and sometimes contradictory management processes should be analyzed in the context of the Russian state formation. The article presents the characteristics of activities of customs

authorities in the territory of historical Transbaikalia, from the point of view of the implementation of the main priorities of the customs policy in the border regions. Focuses on how the common grounds of the Customs Department of the Russian State, regions and individual regional characteristics arising from the expansion of the Russian territories and the need for organisation of customs supervision, taking into account the specificities of the territory and the areas of customs policy. It is noted that the study of the activity of customs authorities in the history of the Russian state, is of great value and allows you to fill the existing science gaps.

Ключевые слова: таможенные органы, государственная таможенная политика, приграничные регионы, таможня, Забайкалье.

Keywords: custom authority, the state customs policy, border regions, customs, Transbaikalia.

По отношению к восточным территориям российская таможенная политика руководствовалась идеями и целями, отличными от тех, которыми определялось ее отношение к территориям европейским. Интересы России на востоке были связаны с политическими планами государства в части усиления политического влияния и установления новых направлений для русского экспорта. Учитывая специфику Забайкальского региона, следует констатировать, что традиционные подходы в развитии таможенной политики не всегда могли применяться к этой территории.

Чем же обусловлены особенности таможенной политики на территории Забайкалья?

Таможенная политика России первоначально строилась исключительно на основе торговых отношений с Китаем. Выстраивая этот новый «Сибирский торговый путь», необходимо было решить ряд стратегических задач. Одна из них – это освоение малонаселенных территорий. Ключевую роль в новом маршруте играла территория Забайкалья. В силу своего географического положения Забайкалье является своего рода границей между собственно Сибирью и Дальним Востоком. Это и обусловило своеобразное отношение властей к региону.

Традиционно территория забайкальских земель рассматривались как часть Сибири. Административное деление сибирских территорий, входивших в состав Московского царства, существовало еще с конца XVI в. До 1851 г. забайкальский регион был представлен двумя восточными округами Иркутской губернии – Верхнеудинским и Нерчинским. Согласно Высочайшему Указу Правительствующему Сенату 11 июля 1851 г. Забайкалье, состоявшее из двух округов – Верхнеудинского и Нерчинского, было выделено из Иркутской губернии и преобразовано в самостоятельную область, с закреплением областного статуса за городом Чита. Забайкальская область «располагалась в Восточной Сибири, к юго-востоку от Байкала, граничила с запада и севера с Иркутской губернией, на востоке – с Амурской областью, часть восточной и южной границы – с Китаем. Общая площадь области исчислялась в 613 000 км [1].

В 1884 г. наступили преобразования в административно-территориальном устройстве Забайкалья. Забайкальская область, прежде принадлежавшая к Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству, вошла в состав Приамурского генерал-губернаторства, что кардинально отразилось на управленческих процессах. Но такая система просуществовала 10 лет, уже 17 марта 1906 г. Забайкальская область вновь вошла в состав Иркутского генерал-губернаторства и состояла там до 1917 г. Система управления Забайкальской областью имела ряд особенностей, прежде всего во главе Забайкальской области стоял военный губернатор, с должностью которого были соединены должности командующего войсками и наказного атамана. Первым военным губернатором Забайкальской области был назначен генерал-майор Запольский (1851–1855 гг.), в обязанности которого входили и пограничные дела, проводимые под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири (до 1887 г. военный губернатор Забайкальской области непосредственно подчинялся Главному управлению Восточной Сибири, но зависел и от Правительственного Сената и министерств). Казачьи станицы распределялись между тремя военными отдами, атаманы которых наблюдали за исправным отбыванием казаками воинской повинности; станичные управления были подчинены не атаманам, а (гражданским) окружным начальникам.

В своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики С. Ю. Витте писал, что устройство таможенной части на востоке – сложный и запутанный вопрос, который связан с договорными отношениями с Китаем и интересами внутренней торговли [2].

Ключевыми событиями, повлиявшими на развитие таможенного дела Забайкалья, были договоры с Китаем, введение 50-верстной полосы беспошлинной торговли, строительство КВЖД.

Торговая и таможенная политика в Забайкалье изначально была политически зависимой. Известно, что «Мировой торговый путь» был обусловлен видами на влияние в Китайском государстве. Чтобы не испугать таможенными санкциями китайских поставщиков на рынках, Российское государство установило свободную экономическую зону для вновь образованного Амурского генерал-губернаторства, которое простиралось от озера Байкал на Восток до Тихого океана,

включая в себя Забайкалье, Амурскую и Приморскую области. Все это способствовало провозглашению на востоке России «политики открытых дверей», этим и воспользовались сопредельные государства. Цель последних заключалась в увеличении экспорта товаров в Сибирский регион. Между тем беспшлинный ввоз импортных товаров не мог не вызвать недовольства, поскольку по существу эта мера нарушала интересы русской торговли. Для содействия торговли и промышленности неоднократно высказывалось мнение, предполагавшее, чтобы восток России подчинялся правилам общего таможенного тарифа.

Малонаселенность территории Забайкалья и отсутствие в Забайкалье зачатков обрабатывающей промышленности делали совершенно бессмысленной как в фискальном, так и экономическом отношении таможенную охрану границы огромного протяжения. Сами же труднопроходимые пространства Забайкалья служили преградой от проникновения с востока в Сибирь и далее в Европейскую Россию заграничных товаров.

Рассеянное внутри края малочисленное население ни в каких товарах иностранного привоза не нуждалось, а по сухопутной границе с Китаем предметом ввоза были исключительно китайские товары, главным образом шелк и чай. По правилам сухопутной торговли с Китаем 1862 г., подтвержденным Петербургским договором 1881 г., эту торговлю разрешено было производить беспшлинно на 50 верст в обе стороны от границы, а так как такая 50-верстная полоса ничем не ограждалась и не охранялась, то никем и не соблюдалась, и, следовательно, фактически все Забайкалье были царством свободной торговли. Таможенной границей по существу являлся Байкал, и таможенный надзор за немногими бухтами его совершенно удовлетворяя своему назначению, а Иркутская и Кяхтинская таможни служили теми воротами, через которые проходили товары из Китая в Россию.

Еще одна возникавшая проблема – это некупаемая охрана чинами пограничной стражи границы огромного протяжения (протяжение охраняемой границы Забайкалья – 280 верст), которая даже в малой степени не покрывается возможным доходом от таможен края. Оставив мысль о полной охране границы и удовлетворившись надзором за наиболее важными путями и наиболее населенными пунктами, надо предвидеть, что в обход этих путей и пунктов широкой волной двинется контрабанда, и для того чтобы не допустить ее в пределы Сибири, требуется усиление таможенного надзора на Байкале, с таможней в Иркутске. Но сохранение подобной второй линии таможенной границы поставит в тяжелое положение Забайкалье и затруднит их сношения с Западной Сибирью, ибо местные товары, прибывающие из-за Байкала, будут досматриваться Иркутской таможней, которая для беспшлинного пропуска их будет требовать доказательств их русского происхождения.

Ну и последнее обстоятельство – это открытие Сибирского железнодорожного пути. Каждый метр железнодорожного пути сблизил Дальний Восток с Сибирью и Европейской Россией, открывая путь иностранным товарам через восточную границу на наш внутренний рынок. Когда железнодорожная линия дошла до Иркутска, перешла за Байкал и дошла до Сретенска, то установившийся по ней и Амуру сплошной паромный путь до побережья Тихого океана совершенно открыл нашу восточную границу для всех иностранных товаров и грозил подорвать всю нашу охранительную таможенную систему. То есть в регионе возникла необходимость решения вопроса об усилении таможенной части.

В своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики С. Ю. Витте пишет: «...вопросы о постановке таможенной части на Дальнем Востоке и о дальнейшем направлении нашей торговой и таможенной политики представляются ныне настолько сложными и запутанными, затрагивают и договорные отношения с Китаем, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности...» [3]

Режим порто-франко неоднозначно трактуется исследователями. В нем просматриваются как положительные, так и отрицательные стороны влияющие на развитие государства в целом и территорий в частности. Порто-франко на территории России впервые был введен в г. Одесса, в 1826 г. под действие порто-франко попала Качатка.

Оформление порто-франко на территориях Приамурья и Забайкалья связывают с 60-ми гг. XIX в. Сущность порто-франко – беспшлинная торговля. Конечно, наличие такого режима не способствовало развитию таможенной системы, но «Приамурский порто-франко» не устанавливал полной свободы торга на определенные товары, такие как алкоголь, табак, чай и др. Для детализации таможенных процедур принимались соответствующие правила, регулирующие данную ситуацию. 3 июля 1867 г. был определен порядок ввоза на территорию Приамурья и Забайкалья спиртных напитков. Отмена порто-франко произошла в 1900 г., но в условиях русско-японской войны система была восстановлена. В собрании узаконений и распоряжений правительства 23 января 1909 г. № 11 ст. 50 содержится одобренный Государственным советом и

Государственной думой закон о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, об отмене ст. 939 Таможенного устава и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 г.

Названный закон отменял ст. 939, 937, 940 и примечание к ст. 942 Таможенного устава 1904 г. Статья 943 Таможенного устава теперь выглядела иначе: «Всякие русские и иностранные товары, вывозимые в Китай, пропускаются беспошлинно, причем товары, вывозимые в Китай, не подлежат никаким таможенным формальностям».

Стремление российских властей сделать из таможенной политики в Забайкалье средство для развития национального производства, которое при этом почти совершенно не считалось с местными особенностями, должно было потерпеть крах после тех потерь, которые были принесены в интересах расширения влияния России в Азии.

Результативность таможенной политики во многом зависела и от другого обстоятельства – организации управления таможенными органами региона. Как было сказано ранее, территория Восточной Сибири находилась под особым вниманием государственных властей, что, безусловно, отражалось на особенностях таможенного управления этой территорией.

На момент создания первых таможенных структур говорить о существовании четкой системы управления было сложно. Централизованная система таможенного управления регионами сложилась в XIX в., но даже при этом определенности не было. XIX в. для таможен Забайкалья был нестабилен. Существовавшая Кяхтинская таможня попадала под ведение Иркутской таможни, последняя же находилась в прямом подчинении отраслевых органов управления – департаментов. Но переподчинение таможенных структур Забайкалья все еще существовало, что было связано с таможенными округами. Территория Забайкалья не имела стабильного подчинения округу, как и большинство таможенных органов Российского государства.

На момент образования Забайкальской области в Российской империи существовала окружная система управления. На тот период времени Кяхтинская таможня утратила свои позиции, находилась в г. Иркутске. Иркутская таможня относилась к таможням, подконтрольным департаменту внешней торговли, а затем департаменту таможенных сборов. В 1862 г. 3 апреля было утверждено «Положение об устройстве таможенной части в Сибири», где местное таможенное управление было образовано из таможни в г. Иркутске и таможенных застав, находившихся в непосредственном ведении департамента. Генерал-губернатору Восточной Сибири были предоставлены общие права руководства края. Для предупреждения тайного провоза с китайской границы учреждена была таможенная линия, охрана которой впредь до образования особой таможенной стражи была возложена на отряд местного казачьего войска, который в отправлении таможенной службы был подчинен местному таможенному начальству. Автор констатирует, что таможенное управление в регионе осуществлялось по особой схеме. Таможенное регулирование осуществлялось в соответствии с таможенным тарифом по Азиатской торговле.

Позже Иркутская таможня стала частью Семипалатинского округа [4], после упразднения которого были учреждены две должности ревизоров в Сибири и семь участковых инспекторов в Азии.

Таким образом, существование таможенных органов Забайкалья было связано с периодами подконтрольности Сибирскому таможенному округу, созданному 21 сентября 1824 г. по Указу царя Александра I, Семипалатинскому таможенному округу, учрежденному в 1890 г., Приамурскому таможенному округу, созданному в 1909 г.

После образования Приамурского таможенного округа в 1909 г. территория Забайкалья попала в его состав, но просуществовал округ до 1912 г., как и вся окружная система. Вместо окружной системы управления была учреждена участковая. Учреждение инспекторств в 1912 г., сохранившихся вплоть до революционных событий, стало значительной вехой в управлении таможенными органами Забайкалья – территория Забайкалья попала в ведение Читинского таможенного участка с центром в г. Чите.

Не стоит забывать о том, что в 1899 г. при департаменте таможенных сборов были учреждены должности двух ревизоров для производства ревизий таможенных учреждений Сибири и Приамурья.

Таким образом, Забайкальский регион в общероссийскую систему таможенного управления вписывался специфично, что, прежде всего, было обусловлено подходами в реализации таможенной политики на этой территории. Непосредственное влияние на это оказывала совокупность факторов, прежде всего, экономический потенциал региона и геополитическая ситуация. При этом можно отметить, что именно региональные особенности позволяют дать необходимую оценку государственной стратегии в области таможенного дела дореволюционной России.

Примечания

1. История таможенного дела и таможенной политики: справ. пособие / сост. Н. А. Беляева. Владивосток: ВФ РТА, 2008.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 10–11. «Всепопданнейший доклад Министра финансов Витте по поездке на Дальний Восток».
3. Там же.
4. Список таможенных учреждений в географическом порядке с указанием их местоположения, прав, штатов и других сведений. СПб., 1897.

Notes

1. Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoj politiki: sprav. posobie – History of customs affairs and customs policy: ref. manual / comp. N. A. Belyaeva. Vladivostok. VF RTA. 2008.
2. The Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1622. Sh. 1. File 711. Sh. 10–11. «Vsepoddannejšij doklad Ministra finansov Vitte po poezdke na Dal'nij Vostok» – "Most humble report of the Minister of Finance Witte on the trip to the far East."
3. Ibid.
4. Spisok tamozhennyh uchrezhdenij v geograficheskom poryadke s ukazaniem ih mestopolozheniya, prav, shtatov i drugih svedenij – List of customs in geographical order, showing their location, rights, states and other information. SPb. 1897.

УДК 94(470.342) «1921/1923»+330.8

П. В. Поздеев

**Экономические совещания Вятской губернии в 1921–1923 гг.:
статус, деятельность, значение**

В статье рассматривается история возникновения, статус, деятельность и значение экономических совещаний в период 1921–1923 гг. Указаны причины и предпосылки создания вертикали экономических совещаний, их статус, функции, формы деятельности. Особое внимание уделено губернскому экономическому совещанию Вятской губернии. Проанализированы особенности этой системы и деятельности экономических совещаний на примере вятского губернского экономического совещания. Отмечается, что Вятское губернское экономическое совещание сыграло важную роль в преодолении кризиса в 1921 г., что было обусловлено его статусом как оперативного антикризисного штаба. Рассмотрены его взаимоотношения с совещаниями нижестоящего уровня: уездными совещаниями. Выяснено, что волостные и фабрично-заводские совещания развития не получили. Приведены причины ликвидации системы экономических совещаний и их значение. Причиной ликвидации стало отсутствие разграничения полномочий между губернским совещанием и Президиумом исполкома; а значение заключалось в преодолении кризисных явлений в 1921 г. и содействии в переходе экономики губернии к новой экономической политике.

In the article the history of creation, status, activity and value economic meetings in the period 1921–1923. Specify the reasons and background of the establishment of vertical economic meetings, their status, functions and forms of activity. Special attention is paid to the provincial economic meeting Vyatka province. The article analyses the peculiarities of this system and the economic activity of meetings on the example of Vyatka provincial economic meeting. It is noted that the Vyatka province economic meeting played an important role in overcoming the crisis in 1921, due to its status as operational headquarters crisis. Considered his relationship with meetings of lower level: County-level meetings. Stated that township and factory development meeting is not received. Reasons for the elimination of the system of economic meetings and their importance. The reason for the liquidation was the lack of separation of powers between the provincial and the meeting of the Presidium of the Executive Committee; and the value was in overcoming the crisis in 1921, and helping to move the economy of the province to the new economic policy.

Ключевые слова: экономические совещания, система экономических совещаний, Вятское губернское экономическое совещание, уездные экономические совещания, период 1921–1923 гг.

Keywords: economic meeting, the system of economic meetings Vyatskoe provincial economic meeting, the county economic meeting, the period of 1921–1923.

История совещательных, консультативных и координационных органов в советской системе государственного управления начинается, во многом, с создания, развития и упразднения в начале 1920-х гг. системы экономических совещаний (ЭКОСО). Целью данной работы является

рассмотрение причин и условий создания, развития и ликвидации системы экономических совещаний в Вятской губернии в начале 1920-х гг.

Прежде всего, следует отметить, что само наименование «экономические совещания» или «экономические советы» не является чем-то принципиально новым. Есть сведения, что при многих губернских и уездных земских управах в 1895–1901 гг. создавались экономические советы, в состав которых входили, кроме членов управ, гласные земств, агрономы, техники, иные специалисты по различным вопросам [1]. Эти органы выполняли, в основном, совещательные функции при принятии различных решений земскими органами в хозяйственной сфере.

Совершенно иное значение получило это понятие в советской системе государственного управления. Система экономических совещаний как органов руководства всем народным хозяйством РСФСР возникла в 1921 г. Решение о создании таких органов было принято еще в 1920 г. на VIII съезде Советов. Постановление съезда гласило: «В целях обеспечения управления хозяйственной деятельностью всего местного аппарата Советской власти и привлечения его к выполнению как местных, так и общегосударственных задач, Съезд постановляет: 1. Создать при Губернских исполнительных комитетах на правах их комиссий экономические совещания, на которые возложить согласование деятельности местных органов экономических народных комиссариатов (Высшего Совета Народного хозяйства, наркоматов земледелия, продовольствия, труда, финансов)» [2]. Вопрос о причинах попытки создания такой системы получал разную интерпретацию у многих авторов. По мнению В. Б. Макарова, «результатами принятого VIII съездом Советов 29 декабря 1920 г. постановления о Совете труда и обороны стало усиление его роли в высшем государственном управлении, оттеснение ВСНХ от роли общехозяйственного центра, сосредоточение полномочий в руководстве экономикой, активная нормотворческая деятельность». И далее: «Усиление роли СТО закреплялось созданием системы отдельных экономических совещаний (ЭКОСО)» [3]. Таким образом, возникновение системы ЭКОСО объясняется, главным образом, теми процессами, которые шли внутри самой системы государственного управления. В большей степени связано с действительностью того времени объяснение, предложенное В. И. Бакулиным. Он отмечает: «В связи с постепенным переходом от военизированных методов управления экономикой к методам более сложным, предполагавшим использование регулируемых рыночных отношений, на основании утвержденного 30 июня 1921 г. ВЦИКом положения, при губисполкомах Советов создавались губернские экономические совещания – ГубЭКОСО. Эти органы были призваны, с одной стороны, координировать деятельность всех экономических ведомств региона, а с другой – находить оптимальное соотношение между интересами региональными и общероссийскими» [4].

Причины создания системы ЭКОСО, их задачи, функции и формы деятельности довольно полно приведены в «Наказе СНК и СТО местным советским учреждениям». Там, в частности, говорилось: «Мы должны смелее и шире применить разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон, разную степень допущения капитала и частной торговли, не боясь известного насаждения капитализма, лишь бы немедленно поднять оборот, оживить этим и земледелие, и промышленность, подсчитать на результатах практического опыта, какими ресурсами страна обладает и каким путем вернее всего можно пойти к улучшению состояния рабочих и крестьян для дальнейшей более широкой и прочной работы хозяйственного строительства, для осуществления плана электрификации» [5]. Необходимо было всячески активизировать работу на местах, стимулировать местную инициативу. Для этого предполагалось более активное и тесное взаимодействие местных хозяйственных структур и предприятий, преодоление ведомственности и отрицательных сторон «главкизма». Эту роль и были призваны выполнить экономические совещания всех уровней.

Система губернских экономических совещаний (в дальнейшем – ГубЭКОСО) была построена по образцу существовавшего с 1918 г. Совета Труда и Обороны (СТО) при СНК РСФСР [6]. Состав и функции ГубЭКОСО были определены несколькими нормативными актами. Кроме упомянутого постановления Съезда Советов, это были Постановление ВЦИК РСФСР от 30 июня 1921 г. и Положение о ГубЭКОСО. Постановление ВЦИК предусматривало расширение сети экономических совещаний «до низов», то есть создание подчиненных ГубЭКОСО районных, уездных, фабрично-заводских, волостных и сельских ЭКОСО. Об этих нижестоящих ЭКОСО в «Наказе» говорилось, что «уездные и волостные экономсовещания должны быть образуемы на таких же основаниях, разумеется при допущении всяких видоизменений основного типа, вплоть до выделения специально назначенных лиц для выполнения всех или некоторых задач экономических совещаний при обязательном доведении до сведения соответствующих исполкомов» [7]. Состав экономических совещаний был определен таким образом: «...членами губернских, уездных и районных экономсовещаний являются председатели или заведующие отделов: совета народного хозяйства, земельного отдела, продовольственного отдела, отдела труда, рабоче-крестьянской инспекции,

коммунального отдела, профсовета или профбюро, и заведующие статбюро с правом совещательного голоса. Представители других ведомств входят в экономсовещание с правом решающего голоса по вопросам их ведения. (С правом совещательного голоса на заседания экономсовещаний могут приглашаться известные на местах своим опытом специалисты, экономисты и техники, а по вопросам кооперации обязательно представители кооперации)» [8]. Положение о ГубЭКОСО устанавливало, что оно является органом двойного подчинения – и соответствующему губисполкому, и СТО при СНК РСФСР, которые вправе отменять решения ГубЭКОСО [9].

Изначально предусматривалось, что своего аппарата у ГубЭКОСО, как и у прочих экономических совещаний, не будет. Рабочим аппаратом при ГубЭКОСО должны были быть губернские плановые комиссии по образцу Госплана при СТО РСФСР. Органом для составления отчетов ГубЭКОСО, по специальному разъяснению Председателя СНК и СТО РСФСР В. И. Ленина, должны были быть губернские статистические бюро [10]. Протоколы заседаний и все материалы деятельности ЭКОСО должны были направляться в СТО в срок трех дней. ЭКОСО должны были направлять объемные отчеты о своей деятельности в адрес Совета труда и обороны четыре раза в год.

Основные функции губернских экономических совещаний состояли в следующем: 1) согласование, регулирование и руководство деятельностью всех местных хозяйственных органов на территории губернии; 2) утверждение губернского хозяйственного плана и согласование его с общегосударственным планом и заданиями Центра, а также рассмотрение хозяйственных договоров с кооперативами, артелями и отдельными лицами и т. п.; 3) контроль над осуществлением всеми губернскими и другими хозяйственными органами производственных программ в пределах единого хозяйственного плана и принятие необходимых мер для проведения их в жизнь; 4) широкое развитие местной хозяйственной инициативы и самостоятельности в целях повышения производительных сил и максимальное использование местных естественных богатств; 5) наблюдение за правильным и целесообразным использованием в соответствии с общегосударственными планами всех материальных ресурсов губернии (сырья, топлива и прочего); 6) согласование заявок и регулирование использования рабочей силы, а также местного транспорта; 7) укрепление и упрощение аппаратов всех экономических органов и организация нижестоящих экономсовещаний. Постановления ГубЭКОСО должны были проводиться в жизнь через отделы губисполкома [11].

Вятское ГубЭКОСО официально было учреждено постановлением губисполкома от 19 января 1921 г. [12] Но первое организационное собрание членов этого органа, первоначально именованного Губхозсовещанием, состоялось 7 января 1921 г. Присутствовали председатель губернского исполнительного комитета И. Я. Вейцер, товарищ председателя губисполкома И. Попов, председатель губсовнархоза Масалков, заведующий губземотделом М. Попов, заведующий губфинотделом Храковский, губпродкомиссар Злобин, секретарь Лопатин. Проект положения о предполагаемом органе изложил Вейцер. Он указал на перегруженность Президиума губисполкома работой. Губпродкомиссар Злобин считал, что «создание особого органа при губисполкоме несколько не облегчит работу губисполкома, ибо положение о нем – не ясно, а функции неопределенны»; он предложил «выяснить юридическое право такого совещания». Масалков поддержал создание хозяйственного совещания. В результате проект был принят единогласно, с наименованием совещания «экономическим». Вместе с тем было решено «впредь до полной организации экономического совещания при губисполкоме и выявления им работоспособности от организации в уездах таких совещаний воздержаться». Уже на первом заседании была намечена повестка дня следующего заседания. Председателю губсовнархоза было поручено выделить из состава этого органа постоянного секретаря для работы в ГубЭКОСО [13]. В состав ГубЭКОСО вначале вошли: председатель губисполкома, он же по должности, председатель ГубЭКОСО; (с июля 1921 г. – А. П. Спундэ); губернский продкомиссар, заведующие отделами труда, земельным и председатель губпрофсовета. Вскоре состав ГубЭКОСО был расширен за счет введения представителей ГСНХ, ГубРКИ, губкоммунотдела, с правом решающего голоса; и заведующего губстатбюро – с совещательным голосом. У президиума губисполкома и ГубЭКОСО был один ответственный секретарь [14]. Заседания происходили весьма часто, особенно летом-осенью 1921 г. На заседаниях присутствовало разное количество лиц: иногда, кроме постоянных членов ГубЭКОСО, присутствовали приглашенные лица, которые делали доклады по каким-либо вопросам повестки дня; иногда (10 мая 1921 г.) присутствовало всего три человека [15]. Постепенно ГубЭКОСО упорядочило формы своей деятельности. Так, на заседании 18 июля 1921 г. было принято решение, о том, что «все вопросы, подлежащие обсуждению губэкономсовещания, должны быть заинтересованными ведомствами и лицами передаваться в письменной форме с приложением обоснованных цифровыми данными материалов» [16]. На заседании 27 июля 1921 г. было решено, чтобы все отделы губисполкома вносили доклады на обсуждение ГубЭКОСО лишь при их предварительном рассмотрении в коллегиях отделов [17].

Деятельность ГубЭКОСО вначале почти не отличалась по кругу решаемых вопросов от деятельности Президиума губисполкома, тем более что эти органы состояли из одних и те же лиц. Главной задачей была в то время борьба с голодом и его последствиями. Только к июню 1921 г. наметилось некоторое разграничение компетенции между президиумом исполкома и ГубЭКОСО. За январь-сентябрь 1921 г. ГубЭКОСО рассмотрело 36 вопросов, касающихся местной промышленности (11% от числа всех вопросов, рассмотренных в ГубЭКОСО в этот период) [18]. За это ГубЭКОСО подвергли критике на расширенном пленуме Вятского губкома РКП(б) в сентябре 1921 г., объявив его линию «неверной» [19].

Но едва ли можно согласиться с тем, что у ГубЭКОСО в то время была своя «линия». Этот орган вынужден был заниматься самыми острыми экономическими и социальными проблемами, имевшими, безусловно, и политическое значение. Голод и меры по борьбе с ним; распределение имеющихся ресурсов; установление объемов «продналога» и «трудгужповинности» для разных уездов губернии; оставление либо снятие предприятий с государственного снабжения – вот самые распространенные пункты в повестке дня заседаний ГубЭКОСО в 1921 г. Вопросы, рассматривавшиеся и решавшиеся на заседаниях ГубЭКОСО, были различны по своему масштабу и значению. Так, на заседании 19 сентября 1921 г. было рассмотрено предложение Нижегородского ГубЭКОСО от 5 сентября 1921 г. В нем содержался проект создания Нижегородского областного ЭКОСО при включении в него и Вятской губернии. Было принято решение: «Принимая во внимание отсутствие экономического тяготения Вятской губернии к Нижнему Новгороду и наличие такого тяготения к Москве, предложение Нижегородского губэкономсовещания отклонить». В августе 1921 г. ГубЭКОСО, получив задание Наркомпрода снабжать продовольствием рабочих и служащих железных дорог, выступило против этого, ссылаясь на дефицит продовольствия. Находящемуся в Москве председателю ГубЭКОСО Спундэ была послана просьба принять меры к отмене задания [20]. В то же время ГубЭКОСО часто решало и мелкие вопросы межведомственных отношений. К примеру, на заседании 17 августа 1921 г. рассматривался вопрос об отказе губпродкома от выдачи губсовнархозу 620 пудов шорно-седельной веревки. Решено было, что губпродком обязан это сделать, а губсовнархоз взамен предоставит такое же количество колючей проволоки, «годной для прессовки сена» [21]. Таким образом, в 1921 г. Вятское ГубЭКОСО выступало, преимущественно, как оперативный антикризисный орган управления, решающий вопросы, в основном связанные с перераспределением материальных ресурсов, налогов и повинностей, со снабжением различных групп населения, а также с решением вопросов урегулирования межведомственных разногласий. Существенный недостаток этого органа заключался в том, что на его решения могли жаловаться и в президиум губисполкома, и в СТО РСФСР.

В этот период ГубЭКОСО содействовало также формированию системы экономических совещаний на всей территории губернии и г. Вятки [22]. К концу года начали работу ЭКОСО во всех уездах губернии. По составу они ничем не отличались от президиумов уездных исполкомов. Их составы утверждались на заседаниях Вятского ГубЭКОСО, и они должны были отчитываться перед ним. Также на заседании 7 сентября 1921 г. ГубЭКОСО рассмотрело вопрос о создании Вятского городского ЭКОСО. Был утвержден состав этого органа, причем председатель городского ЭКОСО входил в состав ГубЭКОСО с правом совещательного голоса. Однако деятельность городского ЭКОСО дублировала деятельность городского исполнительного комитета и вскоре прекратилась [23]. Иногда уездные ЭКОСО вступали в конфликты с представителями губернских учреждений и даже приостанавливали исполнение решений ГубЭКОСО. На заседании ГубЭКОСО 12 июля 1922 г. всем уездным ЭКОСО было указано, что «ни отменять, ни приостанавливать проведение в жизнь постановлений ГубЭКОСО они не имеют права, и при наличии возражений не приостанавливая распоряжений, могут входить с мотивированными представлениями на предмет отмены их» [24].

Вятское ГубЭКОСО и уездные ЭКОСО, в соответствии с «Наказом» и другими актами, пытались создать систему волостных и фабрично-заводских экономических совещаний. На заседании 24 сентября 1921 г. ГубЭКОСО постановило, что «состав волостных экономических совещаний в фабрично-заводских волостях утвердить в числе членов, предусмотренных законом, под председательством директора завода. В крестьянских волостях уезда председателем волостного экономического совещания является председатель волысполкома» [25]. Но волостные ЭКОСО, ввиду их явной ненужности в условиях Вятской губернии, не создавались почти нигде, кроме некоторых уездов. Сохранились протоколы волостных ЭКОСО, учрежденных в некоторых волостях Малмыжского уезда [26]. Но серьезной деятельности эти органы вести не могли, так как дублировали собой волостные исполнительные комитеты, вскоре волостные ЭКОСО были официально упразднены решением IX съезда Советов РСФСР [27].

В первый же год своего существования вокруг Вятского ГубЭКОСО стали возникать вспомогательные органы, временные и постоянные. Так, уже на заседании 22 апреля 1921 г. было

решено «для окончательной обработки планов создать центральную плановую комиссию» [28]. На заседании 4 октября 1921 г., по телеграмме СТО РСФСР, ГубЭККОСО учредило Транспортное бюро из трех человек [29]. В декабре 1921 г. было решено создать губернскую плановую комиссию при ГубЭККОСО (Губплан) [30].

Рассмотрим деятельность ГубЭККОСО в сфере местной промышленности в 1921 г. Поскольку главной функцией ГубЭККОСО в то время было распределение продовольственных, топливных, сырьевых, финансовых запасов, а также рабочей силы, то оно «признало необходимым создание единого органа учета производства и органа снабжения, изъяв из ведения производственных отделов губсовнархоза учет и снабжение» [31]. Все отделы губисполкома, в том числе и ГСНХ, представляли в ГубЭККОСО свои заявки на различные потребные им ресурсы. На заседаниях ГубЭККОСО утверждались проекты производственных программ и планов, проекты договоров с кооперацией, а позднее с частными лицами. ГубЭККОСО требовало чтобы, «все вопросы, подлежащие обсуждению Губэкономсовещания, должны быть заинтересованными ведомствами передаваться в письменной форме, с приложением обоснованных цифровых данных». По вопросу о сдаче промышленных предприятий ГСНХ в аренду ГубЭККОСО постановило: «...предложить губсовнархозу при сдаче в аренду промышленных предприятий оказывать преимущества тем соискателям, которые ранее пользовались этими предприятиями» [32]. Был утвержден список предприятий ГСНХ, оставленных на государственном снабжении. Но часто ГубЭККОСО было загружено мелкими вопросами, которые, кроме того, оно не желало решать самостоятельно. Так, осенью 1921 г. губернский совет народного хозяйства (ГСНХ) просил разрешить фабрично-заводскому обозу при ГСНХ закупать фураж на вольном рынке. ГубЭККОСО постановило создать специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса [32]. Иногда в Вятское ГубЭККОСО пересылались для дачи заключения из Высшего совета народного хозяйства проекты договоров ГСНХ с частными лицами [33].

С началом функционирования Губплана деятельность ГубЭККОСО приобрела более правильный и систематический характер. Представители Губплана выступали в ГубЭККОСО с докладами, по поручению ГубЭККОСО готовили материалы и заключения по требованиям различных ведомств. В январе 1922 г. была создана Фондовая комиссия при ГубЭККОСО (утверждена 21 января 1922 г. в составе: председатель губпрофсовета, представители губпродкома, губфинотдела и ГСНХ) [34]. В апреле 1922 г. Фондовая комиссия была включена в состав Губплана. Существовавшее в конце 1921 – начале 1922 гг. Транспортное бюро при ГубЭККОСО «ничем себя не проявило» [35].

В период с октября 1921 по март 1922 г. Вятское ГубЭККОСО заседало 36 раз и вынесло 383 постановления; из них постановлений о промышленности – 13 (3%). Для сравнения: организационных постановлений было вынесено 20 (5%), по трудовым вопросам – 40 (10%), по транспорту – 41 (11%), по налогам и финансам – 29 (8%) и по снабжению – 86 (22%).

К апрелю 1922 г. добились некоторых успехов в работе и уездные ЭКОСО. В зависимости от успешности их действий отчет ГубЭККОСО разделил их на три группы: 1) хорошие результаты – Нолинское, Яранское, Малмыжское; 2) посредственные результаты – Котельничское, Орловское, Слободское; 3) плохие результаты – Вятское (уездное), Советское, Уржумское, Омутнинское [36]. Вместе с тем система экономических совещаний, их статус, полномочия и деятельность не могли не вызывать вопросов. А. Кактынь, один из авторов того времени, писавший о хозяйственных проблемах, отмечал: «Вообще надо признать, что система экономсовещаний в их вертикальном развитии находится лишь в зачатке, и мы пребываем в отношении дальнейшего ее развития в состоянии какой-то нерешительности: развивать ли дальше эту систему или свернуть ее вплоть до СТО и перейти к системе министерств?» И далее, автор пишет об ЭКОСО, что они, подобно СТО, «превращены в органы для разрешения вермишельных вопросов и покрытия коллегиальными решениями ответственности отдельных наркомов или их уполномоченных» [37]. И на губернском уровне понимали, что очень трудно рационально организовать работу ЭКОСО. В кратком отчете о деятельности ГубЭККОСО за время с 1 января по 1 октября 1922 г. указывается, что «даже и теперь имеют место случаи, когда вопросы хозяйственно-экономические рассматриваются в президиуме губисполкома»; что же касается деятельности уездных ЭКОСО и взаимоотношений с ними, то в отчете говорится: «Характеристика работы уездных экономических совещаний разнообразна. В большинстве случаев точного разграничения в работах с исполкомами нет, и часто вопросы, не относящиеся к компетенции экономсовещания, рассматриваются последним, и наоборот. Мерами к руководству работами уездных экономических совещаний со стороны ГубЭККОСО являются письменное инструктирование, личные вызовы и посещения и имевшая место высылка в уезды специальной контрольно-инспекторской комиссии» [38].

В 1922 г. Вятское ГубЭККОСО сохраняет распределительные функции. В то же время все большее место в его деятельности занимает обсуждение и принятие нормативно-правовых ак-

тов, связанных с переходом к новым экономическим реалиям. Так, 15 марта 1922 г. утверждено положение о Комбинате предприятий губсовнархоза, с редакционными поправками. На заседании 27 мая 1922 г. утверждено с поправками предложенное губсовнархозом положение «О торгово-промышленном паевом товариществе при губсовнархозе». На заседании 16 августа 1922 г. утверждено положение о губернской плановой комиссии. Тогда же утверждено положение о порядке сдачи муниципализированных домов в аренду. 23 сентября 1922 г. ГубЭКосо утвердило положение о денежном обложении взамен отбывания трудгужнала. На заседании 10 октября 1922 г. утверждено положение о товарной бирже. Было принято совместное постановление Президиума губисполкома и ГубЭКосо о денационализации мельниц [39]. Часто рассматривались вопросы установления платы за коммунальные услуги и ресурсы. Но и здесь компетенция Президиума губисполкома и ГубЭКосо не была четко разграничена. Встречаются Положения, утвержденные Президиумом, но с изменениями и дополнениями, сделанными ГубЭКосо.

В 1922 г. вопросы промышленного развития стали занимать более значительное место в деятельности ГубЭКосо. Так, с 1 января по 1 октября 1922 г. из 483 вопросов, решенных ГубЭКосо, 34 касались промышленности [40], а с октября 1922 г. по март 1923 г. из 315 вопросов 30 касались промышленности [41]. ГубЭКосо занималось переводом предприятий на хозрасчет, трестированием, утверждением уставов, а также реорганизацией структуры ГСНХ. Немалое место в деятельности ГубЭКосо стали занимать бюджетно-финансовые вопросы.

В 1923 г. рассматривался вопрос о числе комиссий, существующих при ГубЭКосо. Вероятно, это было связано с попыткой оптимизировать деятельность ГубЭКосо. На заседании 3 января 1923 г. были ликвидированы все комиссии, кроме губернской плановой комиссии, комиссии по учету и реализации государственных фондов, комиссии по урегулированию хлебных заготовок, комиссии по оценке имущества губкомунотдела, биржевого комитета, котировальной комиссии при биржевом комитете, комиссии по подготовке Всероссийской сельскохозяйственной выставки, губернской арбитражной комиссии, представительства ГубЭКосо в комиссии по распределению государственного выигрышного займа [42].

В то же время разграничить полностью работу ГубЭКосо и президиума губисполкома так никогда и не удалось. В отчете ГубЭКосо за период с 1 октября 1922 по 1 апреля 1923 гг. сказано: «Хотя, конечно, ГубЭКосо занято было исключительно хозяйственной жизнью губернии, тем не менее разграничения работы Президиума губисполкома и ГубЭКосо не было, а в последнее время даже наоборот, многие экономические вопросы, проработанные Губпланом, разрешаются непосредственно в Президиуме ГИКа и по существу работа ГубЭКосо как такового сводится на нет» [43]. Работа уездных ЭКОСО к весне 1923 г. почти прекратилась. После того как в 1923 г. председатель Губплана стал заместителем председателя губисполкома, стало ясно, что дальнейшее существование ЭКОСО лишено смысла. Последнее заседание Вятского ГубЭКосо состоялось в июне 1923 г. [44] Окончательно экономические совещания были ликвидированы решением пленума Вятского губисполкома в ноябре 1923 г. [45] и Декретом ВЦИК от 3 апреля 1924 г. [46]

Так окончилась деятельность экономических совещаний. Они, особенно Вятское ГубЭКосо, имели существенное значение как координационные органы антикризисного характера в период голода и перехода к новой экономической политике в 1921 г. В это время они, действительно, смогли оперативно решать часть возникающих вопросов, освобождая от такой деятельности Президиум губисполкома. Эти органы, созданные при переходе от «военного коммунизма» к нэпу, были структурами, где уравнивались интересы разных ведомств и территорий нашего региона. Некоторое значение они имели для поддержания интересов региона перед центральными органами. Выполнив свою антикризисную и распределительную функции, экономические совещания потеряли смысл своего существования, став излишней инстанцией в аппарате органов управления. Не оправдались расчеты на создание какой-то особой «вертикали» экономических совещаний: от СТО до волостных и фабрично-заводских ЭКОСО. Осуществлять текущее управление и перспективное планирование они не могли, ибо не имели своего аппарата. Рост значения губернского совета народного хозяйства, трестов и синдикатов отнял у экономических совещаний функции текущего управления, рост значения губернской плановой комиссии – функции планирования, а остальные – взял на себя Президиум губернского исполнительного комитета. Хотя следует признать, что замысел создания совещательных и координационных органов в экономической сфере был в какой-то мере оправданным и имевшим потенциал дальнейшего развития.

Примечания

1. Поздеев П. В. Этапы становления совещательных, консультативных и координационных органов в России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 40.
2. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917–1932). М., 1957. С. 98.

3. Макаров В. Б. Советское государственное управление первого десятилетия: эволюция системы. Н. Новгород, 2002. С. 121–122.
4. Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру. Кн. 2: 1921 год. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 59. Следует отметить, что решение ВЦИК «О местных экономических совещаниях, их отчетности и руководстве наказом СНК и СТО» не было побудительным толчком для создания ГубЭККОСО. По крайней мере Вятское ГубЭККОСО регулярно собиралось на заседания и решало вопросы уже с января 1921 г. (См. ГАКО. Ф.Р-890. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8.). Это решение, скорее, закрепило статус, способы формирования и основные полномочия ЭКОСО; а также стало причиной создания уездных и волостных совещаний.
5. СУ РСФСР. 1921. № 44. Ст. 223.
6. Бродович С. СТО и ЭКОСО РСФСР // Власть Советов. 1924. № 5. С. 35.
7. СУ РСФСР. 1921. № 44. Ст. 223.
8. Там же.
9. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917–1932). М., 1957. С. 118–119, 125–126.
10. Ленин В. И. Письмо главным редакторам центральных газет // ПСС: в 70 т. Т. 53. М., 1975. С. 51.
11. СУ РСФСР. 1921. № 44. Ст. 223.
12. Отчет Вятского Губисполкома VII съезду Советов. Вятка, 1921. С. 11.
13. ГАКО. Ф.Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
14. Отчет о деятельности Вятского Губисполкома (октябрь 1921 – октябрь 1922). Вятка, 1922. С. 7.
15. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
16. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
17. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.
18. Отчет о деятельности Вятского Губисполкома (январь 1921 – октябрь 1921). Вятка, 1921. С. 2.
19. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.
20. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 99об. Прилагается и большой доклад с обоснованием отказа от этого предложения. (Л. 100–101об).
21. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 69.
22. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 89; Д. 16. Л. 1.
23. Поздеев П. В. Местное управление и коммунальное хозяйство города Вятки в 1921–1927 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1. С. 43.
24. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 30. Л. 122.
25. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 110об.
26. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 25. Л. 69, 200.
27. Отчет СНК и СТО Вятского ГубЭККОСО (1 октября 1921 – 1 апреля 1922). Вятка, 1922. С. 44.
28. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
29. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 117–117об.
30. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 162. Отчет СНК и СТО Вятского ГубЭККОСО (1 октября 1921– 1 апреля 1922). Вятка, 1922. С. 44.
31. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
32. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 31, 77, 46.
33. РГАЭ. Ф. 4329. Оп. 1. Д. 4349. Л. 6.
34. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 32. Л. 16.
35. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
36. Отчет СНК и СТО Вятского ГубЭККОСО (1 октября 1921– 1 апреля 1922). Вятка, 1922. С. 44–45.
37. Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 53–54.
38. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1. Л. 57–58.
39. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 32. Л. 43, 95об, 162. 194, 224, 250.
40. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
41. Отчет Вятского ГубЭККОСО (октябрь 1922 – март 1923). Вятка, 1923. С. 74.
42. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
43. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.
44. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 72. Л. 100. Последний протокол заседания вятского ГубЭККОСО датирован 14 июля 1923 г. В более позднее время наименование «Вятское ГубЭККОСО» встречается только во входящих документах.
45. Вятская правда. 1923. № 275. 30 ноября. С. 4.
46. СУ РСФСР. 1924. № 52. Ст. 495.

Notes

1. Pozdeev P. V. Ehtapy stanovleniya soveshchatel'nyh, konsul'tativnyh i koordinacionnyh organov v Rossii [Stages of formation of deliberative, advisory and coordinating bodies in Russia] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2014, No. 8, p. 40.
2. Sovety narodnogo hozyajstva i planovye organy v centre i na mestah (1917–1932) – Councils of national economy and planning authorities in the centre and in the field (1917–1932). М. 1957. Р. 98.
3. Makarov V. B. Sovetskoe gosudarstvennoe upravlenie pervogo desyatiletija: ehvoljuciya sistemy [Soviet administration of the state's first decade: the evolution of the system]. N. Novgorod. 2002. Рр. 121–122.

4. Bakulin V. I. Trudnyj perekhod ot vojny k miru. Kn. 2: 1921 god [Difficult transition from war to peace]. Book 2: 1921. Kirov: publishing house of VyatSHU. 2009. P. 59. It should be noted that the decision of the Central Executive Committee «On local economic meetings, reporting and management of the mandate of the SNK and STO» was not a motivating push to create a province economic meeting. At least Vyatka province economic meeting was regularly held meetings and resolved issues since January of 1921 (See. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 1. Sh. 1-8.). This solution has rather fixed status, methods of formation and major powers of EKOSO; and also became the reason for the creation of County and township meetings.
5. SU RSFSR. 1921, No. 44, art. 223.
6. Brodovich S. STO i EHKOSO RSFSR [STO and EKOSO of the RSFSR] // Vlast' Sovetov.- The Soviet Power. 1924, No. 5, p. 35.
7. SU RSFSR. 1921, No. 44, art. 223.
8. Ibid.
9. Sovety narodnogo hozyajstva i planovye organy v centre i na mestah (1917-1932)- Councils of national economy and planning authorities in the centre and in the field (1917-1932). M. 1957. Pp. 118-119, 125-126.
10. Lenin V. I. Pis'mo glavnym redaktoram central'nyh gazet [Letter to the chief editors of national newspapers] // Full collection of works: in 70 vol. Vol. 53. M. 1975. P. 51.
11. SU RSFSR. 1921, No. 44, art. 223.
12. Otchet Vyatskogo Gubispolkoma VP s"ezdu Sovetov – Report of Vyatka Executive Committee to the VII Congress of Soviets. Vyatka. 1921. P.11.
13. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 1.
14. Otchet o deyatel'nosti Vyatskogo Gubispolkoma (oktyabr' 1921 – oktyabr' 1922)- A report on the activities of Vyatskaya gubernia Executive Committee (October 1921 – October 1922). Vyatka. 1922. P. 7.
15. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 9.
16. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. L. 28.
17. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. L. 47.
18. Otchet o deyatel'nosti Vyatskogo Gubispolkoma (yanvar' 1921 – oktyabr' 1921)- A report on the activities of Vyatskaya gubernia Executive Committee (January 1921 – October 1921). Vyatka. 1921. P. 2.
19. GASPE TO. F. 1. Sh. 2. File 13. Sh. 3.
20. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 99 turn. Also attached a large report with justification of refusal of this proposal. (Sh. 100-101 turn).
21. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 69.
22. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 89; File 16. Sh. 1.
23. Pozdeev P. V. Mestnoe upravlenie i kommunal'noe hozyajstvo goroda Vyatki v 1921-1927 gg. [Local governance and communal services of the city Vyatka in 1921-1927] / / Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2008, No. 1, p. 43.
24. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 30. Sh. 122.
25. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 110 turn.
26. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 25. Sh. 69, 200.
27. Otchet SNK i STO Vyatskogo GubEHKOSO (1 oktyabrya 1921 – 1 aprelya 1922)- Report of the SNK and STO of Vyatka province economic meeting (1 October 1921 – 1 April 1922). Vyatka. 1922. P. 44.
28. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 6
29. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 117-117 turn.
30. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 162. Otchet SNK i STO Vyatskogo GubEHKOSO (1 oktyabrya 1921- 1 aprelya 1922)- Report of the SNK and STO of Vyatka province economic meeting (1 October 1921- 1 April 1922). Vyatka. 1922. P. 44.
31. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 3.
32. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 3. Sh. 31, 77, 46.
33. RGAE. F. 4329. Sh. 1. File 4349. Sh. 6.
34. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 32. Sh. 16.
35. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 7. Sh. 19.
36. Otchet SNK i STO Vyatskogo GubEHKOSO (1 oktyabrya 1921- 1 aprelya 1922)- Report of the SNK and STO Vyatka province economic meeting (1 October 1921- 1 April 1922). Vyatka, 1922. Pp. 44-45.
37. Kaktyn' A. Ocherki po organizacii narodnogo hozyajstva [Essays on the national economy]. M. 1922. Pp. 53-54.
38. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 1. Sh. 57-58.
39. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 32. Sh. 43, 95turn, 162. 194, 224, 250.
40. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 1. Sh. 59.
41. Otchet Vyatskogo GubEHKOSO (oktyabr' 1922 – mart 1923)- Report of the Vyatka province economic meeting (October 1922 – March 1923). Vyatka. 1923. P. 74.
42. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 72. Sh. 1.
43. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 1. Sh. 149.
44. GAKO. F. R-890. Sh. 1. File 72. Sh. 100. The last minutes of the meeting of the Vyatka province economic meeting dated July 14, 1923, At a later time the name "Vyatka province economic meeting" is found only in incoming documents.
45. Vyatskaya Pravda – The Vyatks Truth. 1923, No. 275, 30 Nov., p. 4.
46. SU RSFSR. 1924. No. 52. Art. 495.

Из истории хранения кинофотофонодокументов в государственных и ведомственных архивах Башкирской АССР в 1960-е гг.

Статья посвящена истории комплектования и хранения кинофотофонодокументов в государственных и ведомственных архивах Башкирской АССР. Крупнейшее хранилище фотодокументов в 1960-е гг. было создано в Центральном государственном архиве Башкирской АССР в г. Уфе. Проанализирована степень полноты кинофотофонодокументов в фондах ведомственных архивов региона. Вводятся в научный оборот архивные материалы из фондов государственного архива Республики Башкортостан. На основе включения широкого круга источников автор приходит к выводу, что начало планомерного комплектования фотодокументами республиканского архива приходится на 60-е гг. прошлого столетия.

The article is devoted to the history of the storage of audiovisual documents in the state and departmental archives of the Bashkir ASSR. The largest repository of photographs in the 1960s, was established in the Central state archive of the Bashkir ASSR in Ufa. Analyzed the degree of completeness of audiovisual documents in the holdings of the departmental archives of the region. Introduced into scientific use archival materials from the collections of the state archive of the Republic of Bashkortostan. By incorporating a wide range of sources the author comes to the conclusion that the beginning of acquisition of photo documents of the national archive have to the 60-th years of the last century.

Ключевые слова: архив, аудиовизуальные документы, кинодокументы, фотодокументы, фонодокументы, архивное дело, Башкирская АССР, Уфа.

Keywords: archive, audiovisual documents, the film documents, the photo documents, the sound recordings, archive matter, Bashkir ASSR, Ufa.

В архивных учреждениях хранятся не только бумажные документы, но и в микроформах, а также на магнитных, электронных и аудиовизуальных носителях. До начала 1980-х гг. в архивоведческой науке использовался термин «кинофотофонодокумент». В последующем в терминологию вошел «аудиовизуальный документ», под которым мы понимаем «документ, содержащий изобразительную и (или) звуковую информацию, воспроизведение которой требует применения соответствующего оборудования» [1]. С учетом значимости кинофотофонодокументов (КФФД) как исторических источников, с точки зрения их объективности и полноты отражения событий, которые являются весьма ценными историческими свидетельствами и способны значительно изменить наше представление о событиях прошлого, данная тема приобретает особую актуальность. Теоретические вопросы архивного хранения аудиовизуальной документации изучены учеными Российского государственного гуманитарного университета и Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела [2]. К сожалению, региональный аспект данной проблемы остается до сих пор не исследованным.

В архивных учреждениях Башкирской АССР планомерная работа по сохранению КФФД начинается с 1959 г., тогда Министерство внутренних дел республики утвердило перспективный план развития архивного дела на 1959–1965 гг. По плану предусматривалось комплектовать республиканский архив фотодокументами учреждений, организаций и предприятий – производителей аудиовизуальной документации [3]. Хотя необходимо отметить, что согласно плану еще первой пятилетки Архивной службой республики предпринимались меры по созданию фотокиноотдела госархива. Но, как указано в отчете Архивного управления за 1933 г., госархив не смог добиться поставленных целей, препятствием стало отсутствие свободной площади в архиве [4].

В августе 1961 г. Главное архивное управление и Правление Союза журналистов СССР обратились ко всем фотокорреспондентам с призывом передать на государственное хранение имеющиеся у них фотодокументы. В Башкирии также имелись учреждения, создающие в процессе своей деятельности КФФД. Региональные архивисты совместно с Союзом журналистов в республиканской прессе опубликовали статьи под заголовками «Потомки скажут спасибо», «Кинофотофонодокументы – большая ценность», в которых шла речь о значении КФФД и обеспечении их сохранности. Несмотря на многочисленные обращения, положение с хранением и упорядочиванием этого пласта документов оставалось сложным. Особенно неблагоприятно обстояло дело в редакции газеты «Советская Башкирия», где фотоархив даже не был организован.

Республиканские власти, учитывая большую источниковедческую значимость КФФД, принимали решения об их сохранности. Так, в 1963 г. Совет министров БАССР запретил Комитету по радиовещанию и телевидению вырезать отдельные кадры из оригиналов кинодокументов или перемонтировать их, а также уничтожать кинодокументы собственного производства без разрешения архивных учреждений.

В мае 1964 г. архивная служба проводила проверку условий хранения кинодокументов и звукозаписей в учреждениях и организациях телерадиовещания. В Комитете по радиовещанию и телевидению хранились киносъемки, отражающие различные стороны жизнедеятельности: записи выступлений передовиков и новаторов производства, освещение деятельности работников культуры и науки, молодежи, детей и т. д. Здесь хранились уникальные документальные фильмы и тележурналы: «Башкирский кумыс», «Меридиан большой химии», «Мастера башкирского балета», «Молодость», «Наш сверстник», «Пионер», «Спортивная Башкирия» и т. д. Учреждение располагало фильмохранилищем, которое начало функционировать только в начале 1964 г. До этого, как пишется в акте проверки, «кинофильмы размещались в сыром подвальном помещении». Даже после выделения помещения для хранения КФФД, по сути, никакая работа не проводилась. В фильмохранилище отсутствовали противопожарные средства, не проводили профилактическую обработку и не вели учет технического состояния кинодокументов, не соблюдался температурно-влажностный режим. Кроме кинодокументов комитет располагал ценными звукозаписями. Это старинные башкирские народные песни; вокальные, инструментальные, оперные, балетные и симфонические произведения башкирских композиторов; музыкально-литературные и сценические произведения в исполнении выдающихся деятелей литературы и искусства; выступления ученых, государственных и общественных деятелей и передовиков производства и т. д. К великому сожалению, к хранению этих бесценных носителей информации относились крайне беспечно. В акте проверки отмечается: «Самым же печальным является то обстоятельство, что по-прежнему нет необходимого контроля в использовании фонодокументов, что ведет к порче и даже возможной гибели звукозаписей. Порядка при выдаче документов из фонотеки нет никакого. Халатность и безответственность здесь налицо. Доступ к звукозаписям имеют многие люди. Уничтожение звукозаписей практикуется в широких размерах. Ему подлежат все ежедневные передачи, радиожурналы, очерки, репортажи и разовые выступления с самой различной тематикой. Причем такое уничтожение ничем не оформляется. Оно происходит произвольно, без всякой экспертной комиссии. Способы уничтожения – стирание, размагничивание пленки (снятие записи звука), после чего последние используются для новой записи» [5].

Документальными киножурналами обладала Башкирская республиканская контора кинопроката. Но, на основании предписания Министерства культуры СССР, независимо от состояния пленки они подлежали уничтожению через полгода. В Уфе также находился Корреспондентский пункт кинохроники Свердловской киностудии. Когда инспектора Архивного отдела встречались с оператором корреспондентского пункта Г. Г. Амировым, то он с сожалением констатировал, «что за 30 лет его работы в кинохронике от созданного им ценнейшего материала нечего не сохранилось» [6].

Итак, в ведомственных архивах предстояло проделать большую работу по организации работы с кинофотофонодокументацией. Возможно, большим преткновением стало отсутствие квалифицированных архивистов.

Крупным хранителем аудиовизуальной документации в 1960-е гг. стал ЦГА БАССР. В конце 1962 г. здесь был создан отдел кинофотофонодокументов [7], который осуществлял методическое руководство и контролировал деятельность кинофотофоноархивов и фотолабораторий учреждений, в которых образовались КФФД. Одной из функций отдела стало комплектование фотодокументами. В 1964 г. архивные полки пополнялись примерно 2000 фотографий, отражающих участие Башкирской кавалерийской дивизии в Великой Отечественной войне, историю развития народного хозяйства и культуры республики. Архивисты при работе с новыми видами носителей информации – фотофонодокументами – столкнулись с некоторыми проблемами. Так, проблематично было определить критерии отбора фотоматериалов на вечное хранение, так как не были разработаны методические указания по проведению данного вида работ. Для расшифровки содержания фотографий, архивисты часто привлекали очевидцев тех событий. При экспертизе ценности фотодокументов, отражающих формирование и боевые действия Башкирской кавалерийской дивизии на фронтах Великой Отечественной войны, большую помощь архивистам оказали генерал-майор Т. Т. Кусимов [8] и бывший комиссар дивизии М. З. Назыров. При составлении аннотаций к фотографиям по истории театров, развития физкультуры и спорта в республике архивистам помогали народная артистка БАССР Р. С. Ямбулатова и ответственный сек-

ретарь Башкирского совета общества «Динамо» В. Г. Ромашковцев. В связи с ликвидацией Башсовнархоза и его управлений фонды государственных архивов пополнились фотоматериалами этих учреждений. В целом, за первые три года работы отдела кинофотофонодокументов ЦГА, т. е. к концу 1964 г., на хранении находились 105 766 фотодокументов, в т. ч. 94 309 – негативов, 11 416 – позитивов и 41 – альбомов [9].

Итак, в Центральном государственном архиве Башкирской АССР и профильных ведомственных архивах в 60-х гг. прошлого столетия были сконцентрированы десятки тысяч фотодокументов, отражающих историю Южного Урала. В эти годы был накоплен большой опыт работы с архивными документами в подобных носителях. Одной из приоритетных задач архивной службы в 1960-е гг. стало инспектирование учреждений, где создавались КФФД. В ЦГА республики начал функционировать специализированный отдел. Но нужно отметить, что данный отдел не был преобразован в отдельный профильный государственный архив по хранению аудиовизуальной документации, что по сей день негативно отражается в сохранности документов в небумажных носителях.

Примечания

1. ГОСТ 7.69-95. СИБИБД. Аудиовизуальные документы. Основные термины и определения.
2. Асфандиярова И. Г. Аудиовизуальные архивы: учеб.-метод. пособие. Уфа, 2013; Евграфов Е. М. Кинодокументы как исторический источник: учеб. пособие. М.: Моск. изд.-полиграф. техникум, 1973; Кузин А. А. Кинофотофоноархивы: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1960; Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005.
3. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 145. Л. 60-66.
4. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 216. Л. 19.
5. ЦИА РБ. Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 282. Л. 36.
6. ЦИА РБ. Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 282. Л. 48.
7. ЦИА РБ. Ф. Р-1422. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.
8. Кусимов Тагир Таирович (14.02.1909, д. Кусимово Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Абзелиловский район Республики Башкортостан) – 10.05.1986 г., г. Уфа). Командир 275-го полка Башкирской кавалерийской дивизии. Герой Советского Союза. Генерал-майор.
9. Бурангулов Б. В. Эго-документы 1960–1990-х гг. в Архивном фонде Башкортостана // Эго-документальное наследие Российской провинции XVIII–XXI вв. Проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. конф. Тверь, 2014. С. 107–114.

Notes

1. GOST 7.69–95. System of standards on information, librarianship and publishing. Audiovisual documents. Basic terms and definitions. (in Russ.)
2. Asfandiyarova I. G. Audiovizual'nye arhivy: ucheb.-metod. posobie [Audiovisual archives: textbook]. Ufa. 2013; Evgrafov E. M. Kinodokumenty kak istoricheskij istochnik: ucheb. posobie [Film documents as historical source: tutorial]. M. Mosc. publ.-polygraph. college. 1973; Kuzin A. A. Kinofotofonoarhivy: ucheb. posobie [Cinema-photophonoarchives: tutorial]. M. MSIAI. 1960; Magidov V. M. Kinofotodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya [Cinema in the context of historical knowledge]. M. RSGU. 2005.
3. The Central historical archive of Republic Bashkortostan (CIA RB). F. R-1422. Sh. 1. File 145. Sh. 60–66.
4. CIA RB. F. R-564. Sh. 1. File 216. Sh. 19.
5. CIA RB. F. R-1422. Sh. 1. File 282. Sh. 36.
6. CIA RB. F. R-1422. Sh. 1. File 282. Sh. 48.
7. CIA RB. F. R-1422. Sh. 1. File 275. Sh. 2.
8. Kusimov Tagir Tairovich (14.02.1909, country of Kusimovo of Verkhneuralsky uyezd, Orenburg province (now Abzelilovsky district of Republic of Bashkortostan) – 10.05.1986, Ufa). The commander of the 275th regiment of Bashkir cavalry division. Hero of the Soviet Union. Major-General.
9. Burangulov B. V. EHGgo-dokumenty 1960–1990-h gg. v Arhivnom fonde Bashkortostana [Ego-documents of 1960–1990-ies. in the Archival Fund of the Republic of Bashkortostan] // EHGgo-dokumental'noe nasledie Rossijskoj provincii XVIII–XXI vv. Problemy vyyavleniya, hraneniya, izucheniya, publikacii: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch. Konf. – Ego-documentary heritage of the Russian province of the XVIII–XXI centuries. the problems of identification, storage, study, publication: collection of scientific works. article on the results of the Intern. scientific conf. Tver. 2014. P. 107–114.

Применение авиации в народном хозяйстве Тюменской области в 1960–1980-е гг.

В данной статье рассматривается деятельность Тюменского управления гражданской авиации в период активного нефтегазоосвоения и становления крупнейшего в СССР Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Представляются основные направления применения авиационного транспорта на территории Тюменской области. Делается вывод о ключевой роли применения авиационного транспорта в условиях слабо развитых наземных транспортных коммуникаций.

This article presents the activities of the Tyumen Department of civil aviation, during the period of active oil and gas exploitation and the largest in the USSR West Siberian oil and gas complex establishing. Basic directions of air transport operation in the territory of the Tyumen region are represented. The conclusion about the key role of the air transport in the conditions of less developed land transport communications is made.

Ключевые слова: Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс; Тюменское управление гражданской авиации; пассажирооборот; грузооборот; вертолетный транспорт.

Keywords: West Siberian oil and gas complex; Tyumen department of civil aviation; passenger turnover; freight turnover; helicopter transport.

Применение и развитие авиационного транспорта на территории Тюменской области непосредственно связано с началом сибирской нефтяной эпопеи, развернувшейся на территории севера Тюменской области. Полагаем, что изучение вопроса применения авиатранспорта на территории Тюменской области в исторической ретроспективе имеет непреходящее научное и практическое значение для понимания условий формирования и функционирования одного из крупнейших в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНК).

Наиболее активное промышленное освоение ЗСНК осуществлялось в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Применение авиатранспорта здесь имело существенные особенности. Оно проходило особенно высокими темпами, вызванными стремительным ростом и развитием ЗСНК, и осуществлялось на слабоосвоенных в социальном плане территориях. В процессе использования авиатранспорта приходилось решать исключительно трудные задачи вследствие значительной территориальной удаленности от промышленных центров страны и суровых климатических условий.

Актуальность статьи объясняется и тем, что к настоящему времени отечественная историография не располагает комплексными исследованиями по избранной автором проблеме. В основном она встроена в общие исследования, посвященные истории транспорта в Тюменской области в XX в.

Общетеоретические подходы к развитию авиационного транспорта в Сибири нашли свое отражение в работе Б. П. Бугаева «Аэрофлот от съезда к съезду» [1], опубликованной в 1981 г., и работе Г. П. Ласкина «Только самолетом можно долететь» [2]. В них изложены наиболее значимые результаты деятельности авиатранспорта в годы девятой и десятой пятилеток. Авторам удалось представить глубокий анализ роли гражданской авиации в стране и ее перспектив.

В первых обобщающих работах по экономическим и социальным вопросам освоения нефтегазового комплекса В. П. Карпова [3], Г. Ю. Колевой [4] показаны особенности геологоразведочных работ, этапы промышленного освоения, состояние материально-технической базы и социального обеспечения новой нефтегазовой провинции. Однако функционирование транспортной индустрии ЗСНК в них затрагивается весьма фрагментарно.

Существенно компенсируют недостаточное внимание историков к проблемам создания и развития авиационного транспорта в Среднем Приобье, материалы содержательных книг А. И. Прищепы «История Сургута. Вторая половина XX века» [5], «Возрождение Сургута. Вторая половина XX века» [6], «Первые транспортные артерии Западно-Сибирской нефтегазовой провинции» [7]. Книги построены на основе комплексного подхода к истории и содержат ценную информацию о возникновении авиации в городах Среднего Приобья. Проблемы развития воздушных путей сообщения также находятся в центре исследования автора.

Основу источниковедческой базы статьи представляют ценные материалы Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) и его фонды (124, 1015, 3971). Также в процессе подготовки статьи нами были использованы данные газеты «Тюменский авиатор», выпускавшейся Тюменским Управлением гражданской авиации в 1970–1980-е гг.

Хронологические рамки статьи объясняются тем, что наиболее активно авиатранспорт начал привлекаться к освоению и обслуживанию этой территории в 1960–1980-е гг., когда гражданская авиация при отсутствии надежных наземных путей сообщения применялась во многих отраслях народного хозяйства.

Основным полем ее деятельности в этот период были аэрофотосъемка, газовая и нефтедобывающая промышленность, строительство предприятий на отдаленных территориях, геодезия и картография, лесоавиационные работы, на юге области – авиационно-химические работы и савиация.

В комплексе работ, производимых Тюменской авиагруппой по применению авиации в народном хозяйстве, значительный удельный вес занимало обслуживание и строительство линий электропередач в нефтедобывающих районах, авиасейсморазведка, аэромагнитные съемки, перевозка вахты и оборудования, участие в монтаже буровых установок.

Одним из важнейших направлений использования региональной авиации на юге Тюменской области было её участие в сельскохозяйственных работах: распыление минеральных удобрений и обеспечение «химической прополки». Так, рекордным стал 1968 г., когда авиаторы Тюменского Управления гражданской авиации выполнили авиационно-химические работы на площади 286,6 тыс. га, обслужив 67 совхозов и колхозов [8].

Не менее значимым направлением применения авиации на севере Тюменской области стал новый метод поиска нефти – авиасейсмозондирование. Впервые его применили в 1958 г. с использованием самолетов АН-2 в районе Тобольска, а затем Ханты-Мансийска. Авиасейсмозондирование нашло широкое распространение во всех нефтегеофизических управлениях Тюменской области.

В ходе его применения заранее на карте выбиралось место посадки самолетов. Летом и зимой это были преимущественно озера, в самолет монтировалась сейсмостанция, здесь же находились оператор и радиотехник. На другом самолете завозилась бригада, гидромонитор для бурения скважин, взрывчатка, надувные лодки. Бригада высаживалась, ставила палатки, бурила скважины. Затем прилетал самолет с сейсмостанцией. К станции подсоединяли провода, закладывали в скважину взрывчатку и по команде оператора взрывали заряд. Станция принимала отражения сейсмических волн, записывая их на фотобумагу. Оператор проявлял, смотрел на ленту, и, если записи были четкими, стоянка снималась с места и перелетала на следующее озеро или болото. Позднее стали работать с применением вертолетов, и возможности посадки стали расширяться.

В результате на карте появлялись точки, где без бурения получался схематический разрез, была известна глубина основного отражающего и промежуточных горизонтов.

Благодаря авиасейсморазведке была выявлена Шухтунгортская зона поднятий, Красносельский, Сургутский, Нижневартовский, Салымский и Ляминский своды, Губкинская и Уренгойские структуры. Они позволили правильно ориентировать площадную сейсморазведку в Сургутском и Мегионском районах, что привело к быстрому открытию Южно-Балыкских, Западно-Сургутских месторождений нефти [9].

Географические условия региона и состояние транспортной инфраструктуры в начале 1960-х гг. делали курс на широкое использование авиации в процессе освоения нефтяных и газовых месторождений практически безальтернативным. Самолеты Ан-2 и Як-12, гидросамолеты Ан-2 В, а также вертолеты Ми-1 позволяли значительно ускорить проведение геологоразведочных работ. А появившиеся в 1960–1970-е гг. современные и мощные вертолеты Ми-4, Ми-6, Ми-8 и Ми-10 К стали ещё более эффективным инструментом освоения природных богатств региона.

В 1967 г. Тюменский авиаотряд посетил министр гражданской авиации СССР Е. Ф. Логинов. Им было отмечено, что этот год был наиболее напряженным, так как совпал с юбилеем Советской власти. Тюменское авиапредприятие успешно справилось с взятыми на себя социалистическими обязательствами и перевыполнило плановые показатели.

Внимание Е. Ф. Логинова было уделено расширению вертолетного парка и подготовке в массовом порядке вертолетчиков, которые могли бы летать с внешней подвеской, что требовало особого опыта пилота.

Транспортировка груза по воздуху на внешней подвеске требовала и особой авиационной техники. Такую возможность предоставил новый вертолет Ми-6, который был значительно больше своих предшественников и отличался большой грузоподъемностью. Увеличение грузоподъемности вертолета произошло главным образом благодаря новому, не известному в миро-

вой практике пятилопастному несущему винту диаметром 35 метров. При первых испытаниях вертолет установил мировой рекорд грузоподъемности – 20,1 тонны, поднятый на высоту 2738 метров. Также в новом вертолете был установлен и новый газотурбинный двигатель, который был значительно легче и мощнее предыдущих двигателей серии Ми-2 и Ми-4 [10].

Введение в эксплуатацию вертолета Ми-6 дало возможность использовать его для перевозки буровых установок в недоступные места для другого вида транспорта на внешней установке. Но предельный вес, который мог транспортировать вертолет на этой установке (внешней подвеске), был восемь тонн. Ни одна из существующих тогда буровых установок не могла транспортироваться по воздуху из-за большего веса. Поэтому при поддержке Главного геологоразведочного управления РСФСР был объявлен конкурс на конструирование буровой установки, состоящей из блоков весом не более восьми тонн. В результате такая буровая установка была получена, и впервые в стране была осуществлена переброска по воздуху буровой установки общим весом более ста шестидесяти тонн и около тысячи тонн материалов для бурения [11].

В 1965 г. во время строительства нефтепровода Шаим-Тюмень на Ми-6 проводились во многом экспериментальные работы по перевозке труб большого диаметра длиной более 30 м и массой около 7 тонн. В последующем десятилетии без Ми-6 не обошлась прокладка практически ни одной крупной нефтяной или газовой магистрали. Переносили эти вертолеты не только трубы. Во время строительства сургутской ЛЭП, по предложению Игоря Алексеевича Киртбая, организатора электросетевого строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, был опробован вариант монтажа свай с помощью внешней подвески вертолета в воду. В результате, опора ЛЭП была поставлена и смонтирована за полчаса одним вертолетом [12].

Машина стала универсальным транспортным средством, позволявшим быстро доставить в труднодоступные районы практически любой груз.

В декабре 1969 г. вышло постановление ЦК КПСС по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности Западной Сибири и постановление 8-го Пленума Тюменского обкома КПСС о задачах областной партийной организации по ускоренному развитию нефтедобывающей и газовой промышленности, которые обязали руководителей предприятий, партийные организации принять меры не только к безусловному выполнению плана по использованию авиации спецприменения, но и изыскать возможности к значительному перевыполнению заданий [13].

В этом духе были приняты социалистические обязательства Тюменского Управления на 1970 г. Авиация оказывала активную помощь во всех делах нефтяников, геологов, строителей. Вертолеты Ми-6, Ми-8 принимали участие в технологических циклах по прокладке нефте- и газопроводов, установке опор линий электропередач, переносе и установке буровых вышек, доставке необходимого оборудования на стройках области.

Авиация обеспечила досрочный ввод нефтепровода Шаим – Тюмень, ЛЭП-500 Тюмень – Сургут и другие важные объекты производства.

За успешное выполнение заданий пятилетнего плана (1965–1970 гг.) и достижение высоких технико-экономических показателей в производственной деятельности Тюменское управление гражданской авиации СССР было награждено орденом Трудового Красного Знамени [14].

Проблемы развития транспорта для Тюменской области были всегда актуальны. В 70-е гг. XX в. руководящие органы: Областной Совет и Областной партийный комитет – держали под контролем развитие авиации в области. К примеру, в 1974 г. Бюро обкома КПСС отмечало, что в работе Тюменского Управления гражданской авиации по обслуживанию пассажиров имеют место существенные недостатки. Несмотря на достигнутый в 1965–1970 гг. большой рост пассажирских перевозок, потребности населения в них удовлетворялись не полностью.

Сеть авиалиний была еще недостаточно развита. Многие населенные пункты на севере области не имели регулярного воздушного сообщения. Наличие аэровокзалов, мест в гостиницах, комнат матери и ребенка, камер хранения было в несколько раз меньше предусмотренного нормативами.

Большинство аэровокзалов было размещено в приспособленных зданиях. В результате из-за неподготовленности аэропортов к приему самолетов, несогласованности в работе служб систематически допускались нарушения расписания полетов. Нерегулярно выполнялись полеты для предприятий, работающих вахтовым методом. Не обеспечивалась необходимая безопасность полетов. Требовали серьезного улучшения справочно-информационные службы. Допускались существенные недостатки в торговом обслуживании пассажиров.

Многие недочеты в обслуживании населения области авиационным транспортом стали возможными в результате того, что Тюменское Управление гражданской авиации допустило отставание в развитии пассажирских перевозок, не уделяя должного внимания укреплению дисциплины и повышению ответственности работников, непосредственно связанных с перевозками пассажиров.

В свою очередь Бюро обкома КПСС обязало Тюменское Управление устранить имеющиеся недостатки в перевозке пассажиров, провести мероприятия по улучшению обслуживания населения и развитию пассажирских перевозок [15]. Подобные мероприятия по улучшению авиационного транспорта разрабатывались постоянно.

За годы девятой и десятой пятилеток предприятия Тюменского Управления гражданской авиации увеличили объем перевозок пассажиров, грузов, налет часов по применению авиации в народном хозяйстве почти в три раза (см. таблицу). К примеру, в 1979 г. Тюменское Управление выполнило наиболее значительный объем грузовых авиаперевозок (477 тыс. тонн), это была почти пятая часть всех грузов воздушного транспорта СССР. А по максимальным отправлениям грузов из аэропортов страны Тюмень заняла второе место с результатом 74 тыс. тонн в год, уступив лишь Москве с результатом 140 тыс. тонн. Самыми грузонапряженными воздушными линиями СССР в конце 1970-х гг. стали маршруты Тюмень – Надым – более 30 тыс. тонн грузов в год, Нижневартовск – Ягельное – более 16 тыс. тонн грузов в год [16].

Пассажиро- и грузооборот Тюменского Управления гражданской авиации за 1970–1976 гг. [17]

Год	Пассажирооборот (млн)	Грузы (тыс. тонн)	Налеты часов (тыс.)
1970	1 465 967	127 088	477 560
1971	1 775 824	150 832,6	616 318
1972	2 156 378	188 797,5	726808
1973	2 523 249	221 356,6	779 808
1974	2 672 497	255 147	943 646
1975	2 903 800	288 900	1 116 177
1976	3 050 000	310 000	1 240 000

Увеличению масштабов грузовых авиаперевозок и повышению их эффективности способствовало пополнение парка высокоэффективными и экономичными летательными аппаратами для перевозки грузов, широкое использование прогрессивных способов перевозок (контейнеров, поддонов), комплексная механизация и автоматизация грузовых операций [18]. Впервые в массовых количествах стали осуществляться контейнерные перевозки грузов на самолетах Ил-76, а также пакетные перевозки труб на самолетах Ан-12 и Ил-76.

Особое значение с точки зрения народнохозяйственной эффективности в процессе развития ЗСНК приобрел вертолетный транспорт, который был очень широко использован на всей огромной территории Западной Сибири. Вертолеты Ми-6, Ми-8, Ми-4 были применены для доставки и укладки труб, перевозки вахтовых бригад, буровых установок, различного оборудования и других грузов. В условиях бездорожья и болотистых почв винтокрылые машины в снежные и дождливые периоды оказывались подчас единственным транспортным средством. Применение вертолетов дало возможность сочетать транспортировку людей и оборудования с проведением строительного-монтажных работ, значительно сокращало сроки строительства. Конкретным примером служит строительство газопровода Уренгой – Челябинск и нефтепровода Сургут – Полоцк, который, благодаря участию авиаторов, удалось завершить раньше планируемых сроков сдачи [19].

Таким образом, авиаторы Тюменской области 1960–1980-х гг. внесли огромный вклад как в освоение природных богатств Северо-Западной Сибири, так и в историю отечественной и мировой авиации, раскрыв возможности использования техники в самых разных областях промышленности [20].

В относительно короткий промежуток времени авиация стала важнейшей составной частью технологического процесса освоения природных богатств Западной Сибири. Без привлечения авиации невозможно было бы широкое и планомерное развертывание поисковых работ в регионе. Этот вывод подтверждают слова одного из первооткрывателей тюменской нефти, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Ю. Г. Эрвье: «Авиация была первым и самым необходимым помощником геологоразведчиков с самого начала работ в Тюменской области. Без нее не было бы столь быстрых успехов в открытии нефтяных и газовых месторождений» [21].

Тюменские авиаторы сыграли неоценимую роль в открытии каждого из месторождений нефти и газа. За большой вклад в освоение нефтегазовых месторождений Западной Сибири в феврале 1971 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Тюменское управление гражданской авиации было награждено орденом Трудового Красного Знамени, а в 1976 и 1981 гг. – памятными знаками ЦК КПСС, Совета министров СССР, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС «За трудовую доблесть в десятой пятилетке». Высокие темпы добычи нефти и газа в условиях слаборазвитой сети наземных коммуникаций предопределили ускоренное развитие производственно-технической и социальной базы Тюменского управления.

Примечания

1. Бугаев Б. П. Аэрофлот от съезда к съезду. М.: Транспорт, 1981. С. 111.
2. Ласкин Г. П. Только самолетом можно долететь. Тюмень: Нефтегазостроители Западной Сибири, 2007. С. 261.
3. Карпов В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.
4. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. С. 316.
5. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут: Диорит, 2005.
6. Он же. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут: Дефис, 2015.
7. Он же. Первые транспортные артерии Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Сургут: Диорит, 2004.
8. Авиатор Тюмени. 1969. 12 февр.
9. Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1968. С. 48.
10. Михаил Миль. Школа воплощения идей. Казань: «Вертолет», 2009. С. 60.
11. Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1968. С. 58.
12. Зубарев А. П. Улицы Сургута. Тюмень: «Мандарика», 2004. С. 17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1015. Оп. 1. Д. 17. Л. 30–31.
13. ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 44. Д. 44. Л. 23.
14. ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 207. Д. 51. Л. 4–5.
15. Гражданская авиация СССР на службе народному хозяйству М.: «Воздушный транспорт», 1981. С. 12.
16. Авиатор Тюмени. 1976. 22 янв.
17. Гражданская авиация СССР на службе народному хозяйству...
18. Бугаев Б. П. Аэрофлот от съезда к съезду. М.: Транспорт, 1981. С. 32.
19. Ласкин Г. П. Только самолетом можно долететь... С. 261.
20. Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты... С. 23.
21. Гражданская авиация России – день за днем. М.: «Воздушный транспорт», 2008. С. 361.

Notes

1. Bugaev B. P. Aehroflot ot s"ezda k s"ezdu [Aeroflot from Congress to Congress]. M. Transport. 1981. P. 111.
2. Laskin G. P. Tol'ko samoletom mozhno doletet' [Only by the plane can we fly]. Tyumen. Oil And Gas Builders Of Western Siberia. 2007. P. 261.
3. Karpov V. P. Ocherki istorii otechestvennoj neftyanoj i gazovoj promyshlennosti [Essays on the history of the domestic oil and gas industries] / V. P. Karpov, N. Yu. Gavrilova. Tyumen. TyumSOGU. 2002.
4. Koleva G. Y. Zapadno-Sibirskij neftegazovyj kompleks: istoriya stanovleniya: v 2 ch. CH. 1. [West-Siberian oil and gas complex: history of development: in 2 pts. Pt. 1]. Tyumen. TyumSOGU. 2005. P. 316.
5. Prishchepa A. I. Istoriya Surguta vtoroj poloviny XX veka [History of Surgut in the second half of the twentieth century]. Surgut. Diorite. 2005.
6. Also him. Vozrozhdenie Surguta. Vtoraya polovina XX veka [The Revival Of Surgut. The second half of the twentieth century]. Surgut. Defis. 2015.
7. Also him. Pervye transportnye arterii Zapadno-Sibirskoj neftegazovoj provincii [The first artery of the West Siberian oil and gas province]. Surgut. Diorit. 2004.
8. Aviator of Tyumen. 1969. 12 Feb.
9. Hervieu Yu. G. Sibirskie gorizonty [Siberian horizons]. Sverdlovsk. Mid-Ural book publishing house. 1968. P. 48.
10. Michael Mil'. SHkola voploshcheniya idej [School of implementation of ideas]. Kazan. "Vertolet". 2009. P. 60.
11. Hervieu Yu. G. Sibirskie gorizonty [Siberian horizons]. Sverdlovsk. Mid-Ural book publishing house. 1968. P. 58.
12. Zubarev. A. P. Ulicy Surguta [Streets of Surgut]. Tyumen. "Mandarinka". 2004. P. 17. State archive of socio-political history of the Tyumen region (further – GASPITO). F. 1015. Sh. 1. File 17. Sh. 30–31.
13. GASPITO. F. 124. Sh. 44. File 44. Sh. 23.
14. GASPITO. F. 124. Sh. 207. File 51. Sh. 4–5.
15. Grazhdanskaya aviaciya SSSR na sluzhbe narodnomu hozyajstvu – Civil aviation of the USSR in the service for economy. M. "Air transport". 1981. P. 12.
16. Aviator Tyumeni – Aviator of Tyumen. 1976. 22 Jan.
17. Grazhdanskaya aviaciya SSSR na sluzhbe narodnomu hozyajstvu...- Civil aviation of the USSR in the service for national economy...
18. Bugaev B. P. Aehroflot ot s"ezda k s"ezdu [Aeroflot from Congress to Congress]. M. Transport. 1981. P. 32.
19. Laskin G. P. ol'ko samoletom mozhno doletet'... [Only by plane can we fly...] P. 261.
20. Hervieu Yu. G. Sibirskie gorizonty...[Siberian horizons...] P. 23.
21. Grazhdanskaya aviaciya Rossii – den' za dnem Civil aviation of Russia – day after day. M. "Air transport". 2008. P. 361.

О возможности моделирования переводческого билингвизма

Статья посвящена переводческому билингвизму, который всегда носит профессиональный характер. Выделяются два ключевых вопроса, касающихся профессионального билингвизма, а именно: каким должен быть билингвизм профессионального переводчика, и как должно быть построено обучение и самообучение для достижения нужного типа билингвизма. Отмечается, что психонейролингвистический анализ восприятия и порождения текста, освоение родного и иностранного языка и, соответственно, формирование билингвизма предполагают моделирование этих процессов. Особое внимание уделяется описанию коннекционистской модели, основным отличием которой от других моделей ментальной репрезентации языка является взаимосвязь и взаимообусловленность всех единиц и уровней языка. В случае переводческого билингвизма коннекционистская модель позволяет объяснить и выявить способы оптимизации речевой деятельности.

The article deals with the problem of translation bilingualism which is always of professional nature. Two key issues concerning the professional translation bilingualism are highlighted, namely what the professional translator's bilingualism should be and how the process of learning and self-study for achieving the desired type of bilingualism should be built. It is stressed that the psychoneurolinguistic analysis of text perception and production, as well as mastering native and foreign language and bilingualism formation involve modelling these processes. Special attention is paid to the connectionist model description, which main difference from other models of mental representation is the interconnection and interdependence of all language units and levels. In the case of translation bilingualism the connectionist model allows to explain and reveal the ways of speech activity optimization.

Ключевые слова: перевод, билингвизм, переводческий билингвизм, языковое сознание, моделирование, коннекционизм.

Keywords: translation, bilingualism, translation bilingualism, linguistic consciousness, modelling, connectionism.

Изучение двуязычия и многоязычия имеет давнюю научную традицию, а в последние десятилетия теория языковых контактов и, соответственно, теория билингвизма стали все больше привлекать внимание исследователей. Особое внимание уделяется определению понятия билингвизма и его типологии. В настоящее время имеется несколько классификаций билингвизма, в основе которых лежат различные критерии. Так, в частности, различают чистый и смешанный билингвизм [1], перцептивный, репродуктивный и продуктивный [2]. Существует также и так называемая «типология носителей языков» [3], согласно которой выделяются следующие типы билингвов: тип носителя языков координативного профиля и тип носителя языков субординативного профиля. К типу носителя языков координативного профиля относится такой индивид, чей уровень владения вторичной языковой системой максимально приближен к уровню владения первичной языковой системой (носитель языков одноуровневого профиля). Билингв данного типа – это тот билингв, которого М. Паради называет «настоящим» билингвом и который в каждом языке «может сойти за своего» [4].

Названные классификации исчерпывают далеко не все имеющиеся и возможные типологии билингвизма. Так, представляется целесообразным выделить профессионального билингвизма, в частности переводческого. Известный французский теоретик перевода Ж. Мунен писал, что «переводчик является билингвом по определению и, безусловно, он же является местом контакта двух (или более) языков, попеременно используемых этим индивидом». Таким образом, перевод, по определению Мунена, – «это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». Но данный вид билингвизма является особым, ученый называет его «предельным случаем» языкового контакта и билингвизма, «где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано» [5]. Особенность и предельность данного вида билингвизма заключается в том, что, в отличие от обычного «бытового» билингвизма, переводческий носит всегда профессио-

нальный характер, поэтому его и определяют так: «...разновидность билингвизма, характеризующаяся употреблением индивидуумом (группой людей) двух языков в ходе их профессиональной деятельности в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации» [6].

К сожалению, в современной теории билингвизма практически нет специальных исследований переводческого билингвизма, хотя совершенно очевидно, что этот вид билингвизма и, соответственно, языковое сознание и речевое поведение переводчика должны стать объектом комплексного нейролингвистического и психоллингвистического исследования, которое позволило бы прояснить механизмы соотнесенного функционирования двух языковых систем и кодового переключения в сознании переводчика, действующего в различных коммуникативных ситуациях.

На наш взгляд, ключевыми вопросами, касающимися профессионального переводческого билингвизма, являются следующие: 1) каким должен быть билингвизм профессионального переводчика? 2) как должно быть построено обучение и самообучение для достижения нужного типа билингвизма? Сегодня вряд ли можно дать окончательные ответы на эти вопросы, но можно порассуждать.

Начнем с одного из известных определений билингвизма, принадлежащего Е. М. Верещагину, согласно которому билингвизм – это «психологический механизм (знания, умения, навык), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [7]. Представляется, что именно это определение более всего соответствует переводческому билингвизму, поскольку деятельность переводчика – это и есть постоянное восприятие, воспроизведение и порождение речевых произведений, последовательно принадлежащих двум языковым системам. Если попытаться «вписать» переводческий билингвизм в имеющиеся классификации, то, видимо, в идеале он должен быть смешанным и продуктивным, а переводчик как билингв должен принадлежать к типу носителя языков координативного профиля. И, как правило, хорошие переводчики являются искусственными билингвами.

Уже отмечалось выше, что сформированный переводческий билингвизм – это результат профессионального обучения и, в первую очередь, самообучения. Особенностью именно речемыслительной деятельности переводчика являются обостренная языковая рефлексия, благодаря которой постоянно совершенствуются языковая компетенция переводчика и механизмы восприятия и порождения текста на двух (и более) языках.

Как известно, психонейролингвистический анализ восприятия и порождения текста, освоение родного и иностранного языка и, соответственно, формирование билингвизма предполагает моделирование этих процессов. Среди имеющихся в настоящее время моделей наибольший интерес, на наш взгляд, представляют так называемые коннекционистские модели (подробнее о коннекционистских моделях см. [8]). Коннекционизм исходит из положения о взаимосвязи всех когнитивных процессов и включенности всех знаний в единую ассоциативную сеть. По мнению О. Доснана, «коннекционизм представлен как общая теория, основанная на ассоциации когнитивных элементов, которые не являются ни понятиями, ни словами, но фундаментальными единицами, предшествующими появлению любого значения» [9].

В коннекционизме процессы порождения и восприятия речи соотносят в рамках одной сквозной модели, что является несомненным ее достоинством. В реальных коммуникативных актах участникам приходится постоянно переключаться с порождения речи на восприятие. Целью научного знания о феномене языка в конечном итоге является целостная модель языковой способности и речевой активности человека, моделирование функционирования языка в процессе общения, т. е. анализ «целого речевого события, начиная с источника и кончая целью: намерение, иннервация, постепенное порождение, передача, слушание, восприятие, понимание» [10]. Порождение и восприятие актуализированы одновременно в любом речевом акте, поскольку говорящий (пишущий) непременно выступает и как слушающий (читающий), так как слуховой и зрительный контроль реализации смысловой программы высказывания составляет необходимую процедуру речевой деятельности [11].

Необходимо отметить еще одно из основных положений коннекционизма, а именно: отрицание разделения лексики и грамматики как самостоятельных модулей ментальной репрезентации естественного языка, поскольку мозг представляет собой единую нейронную сеть, в которой сила связей между нейронами обусловлена частотностью их совместной активации [12]. Частотность совместной активации нейронов отражает частотность взаимосвязи воспринимаемых сигналов в перцептивном опыте.

Познавательная деятельность, как известно, предполагает формирование и системы операций по обработке поступающей информации, и системы единиц, подлежащих обработке и хранению. Здесь очень важно различать процедурные знания и декларативные. Обработка поступающей информации – это процедурные знания, а единицы, которые обрабатываются и хранятся являются

знаниями декларативными. Разграничение лексикона и грамматики, основанное на противопоставлении процедурных и декларативных знаний, приводит к разграничению модулей в ментальной репрезентации языка. На основе положения коннекционизма о взаимообусловленности лексики и грамматики считается, что процедурные знания являются производными от объема и способа организации инвентаря – единиц, составляющих декларативные знания. О тесной взаимосвязи грамматики и лексикона пишут не только коннекционисты; Е. С. Кубрякова утверждает: «Сегодня, однако, надо пересмотреть наши взгляды на природу и функции лексикона, отстаивая не столько мнение о его противопоставленности грамматике, сколько, напротив, идеи их органической связи, “перетекания” одного в другое и, конечно же, известной условности границ между ними» [13].

Итак, основным отличием коннекционизма от других моделей ментальной репрезентации языка является взаимосвязь и взаимообусловленность всех единиц и уровней языка. В классической коннекционистской модели эта репрезентация выстраивается как взаимосвязь трех карт: фонологической, семантической и аргументной. Ключевую роль играет понятие состязания (competition), которым обозначают отношения между языковыми единицами, активированными в процессе порождения и восприятия речи. В пространстве фонологической карты конкурируют аудиообразы и артикуляторные образы языковых единиц; в пространстве семантической карты – значения, приписываемые звуковому сигналу (или последовательности артикулем); наконец, в пределах аргументной карты состязаются аргументы предиката и модели порядка слов.

Фонологическая карта представляет базу для «фонологической модификации», которая формируется на основе артикуляторных образов и аудиообразов слова. В процессе накопления речевого опыта каждому элементу фонологической карты приписывается определенное значение, отраженное на семантической карте. Как отмечают Б. МакВинни и К. Планкетт, заучивание слов в процессе освоения языка включает развитие одной «карты» для аудиообразов (перцептивных эталонов), другой «карты» для семантических образов; затем между обеими этими «картами» устанавливаются взаимные ассоциативные связи [14].

Совокупность значений организована в семантическую карту, формирующуюся на основе лексических значений. Сами лексические значения извлекаются из речевого потока благодаря аргументному фрейму [15]. Иначе говоря, в процессе восприятия звучащей речи каждый звуковой образ соотносится с определенной позицией в высказывании, характерной для определенного аргумента пропозиции (для определенной синтаксической роли). Данная позиция аргументного фрейма связывается с лексическим значением. В свою очередь, лексическое значение ассоциировано с конкретным аудиообразом.

В речевой деятельности семантическая карта подвергается семантической модификации, т. е. взаимной адаптации значений связанных в речевом потоке слов. Лексические значения подвергаются семантической модификации в силу регулярной совместной встречаемости определенных аудиообразов. Благодаря лексическим ассоциациям фонетический облик языковой единицы непосредственно проецируется на аргументный фрейм: фонетический облик «обрастает» контекстным окружением.

Таким образом, сила связей между элементами языка устанавливается на основе частотности в речевом потоке и устойчивости позиций в аргументном фрейме. Речевой поток ограничен коммуникативным опытом индивида. Коммуникативный опыт включает не только те акты коммуникации, в которых индивид непосредственно участвует как говорящий/слушающий и пишущий/читающий, но и «фоновую» коммуникацию: не обращенные к нему высказывания в повседневном общении, дискурс СМИ, художественный дискурс и т. п. Новые связи продуцируются за счет обработки поступающего речевого сигнала: в нем опознаются фонетические слова, совместная встречаемость которых уточняет их проекции на семантическую карту. Новое фонетическое слово проецируется на семантическую карту благодаря позиции, занимаемой в аргументном фрейме относительно других фонетических слов, во-первых, и лексическим ассоциациям с освоенными фонетическими словами, имеющими проекции на семантической карте, во-вторых. Таким образом, все три карты – фонологическая, семантическая и аргументная – оказываются неразрывно взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Представляется, что коннекционистские модели предлагают удовлетворительный ответ на целый ряд принципиальных вопросов о строении языковой способности человека, обеспечивающей речевую активность. Это такие вопросы: какую роль в речевой деятельности играет оперативная память; каким образом новое языковое знание включается в когнитивное пространство индивида; почему при восприятии речи мы оперируем единицами различного масштаба; насколько психологически различны письменная и устная формы коммуникации; какое значение имеет частотность языковой единицы, и почему частотность существенна для оперирования языковыми единицами в речевой деятельности.

В случае переводческого билингвизма коннекционистские модели позволяют объяснить и выявить способы оптимизации речевой деятельности. Кроме того, именно переводческий билингвизм, предполагающий, как уже отмечалось, развитую языковую рефлексию, включает в качестве необходимого компонента умение оперировать единицами различного масштаба.

Примечания

1. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
2. Верещагин Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: МГУ, 1969.
3. Васильева С. Г. Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 255.
4. Paradis M. Contributions of Neurolinguistics to the Theory of Bilingualism // Applications of Linguistic Theory in the Human Sciences. East Lansing: Department of Linguistics, Michigan State University, 1980. P. 216.
5. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 37.
6. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 116.
7. Верещагин Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: МГУ, 1969. С. 134.
8. Овчинникова И. Г. Коннекционистская интерпретация предсказуемости лексических связей в ментальной репрезентации языка // ...Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 158–170.
9. Доснан О. Развитие креативности: Креативность и обучение // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М., 1987. С. 70.
10. Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 302.
11. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989.
12. Bates E. & Goodman J.C. On the Insuperability of Grammar and the Lexicon: Evidence from Acquisition. In: Tomasello, M. & Bates, E. (eds), Essential Readings in Developmental Psychology. Oxford, 2001. P. 134–162.
13. Кубрякова Е. С. О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека // Язык и знание. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 378.
14. MacWhinney B. Connectionism and Language Learning. In: Barlow, M. & Kemmer S. (ed.), Usage-based Models of Language. Stanford, 2000. P. 21.
15. Там же. С. 141.

Notes

1. Shcherba L. V. YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. L. Nauka. 1974.
2. Vereshchagin E. M. Psihologicheskaya i metodologicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma) [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. M. MSU. 1969.
3. Vasilieva S. G. Raznoyazychie (smeshannaya rech') i tipologiya bilingvizma lichnosti: dis. ... d-ra filol. nauk [Multilanguage (mixed question) and typology of bilingualism of the person: dis. ... Dr Philology]. M. 2000. P. 255.
4. Paradis M. Contributions of Neurolinguistics to the Theory of Bilingualism // Applications of Linguistic Theory in the Human Sciences. East Lansing: Department of Linguistics, Michigan State University, 1980. P. 216.
5. Moonen J. Teoreticheskie problemy perevoda. Perevod kak yazykovoj kontakt [Theoretical problems of translation. Translation as a language contact] // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike – Questions of translation theory in foreign linguistics. M. Mezhdunar. Otnosheniya. 1978. P. 37.
6. Obolenskaya Y. L. Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Literary translation and intercultural communication]. M. Book house "Librokom". 2010. P. 116.
7. Vereshchagin E. M. Psihologicheskaya i metodologicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma) [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. M. MSU. 1969. P. 134.
8. Ovchinnikova I. G. Konnekcionistskaya interpretaciya predskazuemosti leksicheskikh svyazej v mental'noj reprezentacii yazyka [Connectionistic interpretation of predictability of lexical connections in the mental representation of language] // Slovo otzovetsya: pamyati Ally Solomonovny SHtern i Leonida Vol'kovicha Saharnogo – ...Word will echo: in memory of Alla Solomonovna Stern and Leonid Volkovich Sakharny / Perm. Univ. Perm. 2006. Pp. 158–170.
9. Dosnan O. Razvitie kreativnosti: Kreativnost' i obuchenie [Development of creativity: Creativity and learning] // Kognitivnoe obuchenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy – Cognitive training: current status and prospects. M. 1987. P. 70.
10. Jakobson R. CHast' i celoe v yazyke [The part and the whole in the language] // Izbrannye raboty – Selected works. M. Progress. 1985. P. 302.
11. Akhutina T. V. Porozhdenie rechi. Nejrrolingvisticheskij analiz sintaksisa [Speech production. Neurolinguistic analysis of syntax]. M. Publ. of MSU. 1989.
12. Bates E. & Goodman J.C. On the Insuperability of Grammar and the Lexicon: Evidence from Acquisition. In: Tomasello, M. & Bates, E. (eds), Essential Readings in Developmental Psychology. Oxford, 2001. P. 134–162.

13. Kubryakova E. S. O mental'nom leksikone. Leksikon kak komponent yazykovej sposobnosti cheloveka [About the mental lexicon. The lexicon as a component of language ability of the person] // YAzyk i znanie – Language and knowledge. M. Languages of the Slavs. Culture. 2004. P. 378.

14. MacWhinney B. Connectionism and Language Learning. In: Barlow, M. & Kemmer S. (ed.), Usage-based Models of Language. Stanford, 2000. P. 21.

15. Ibid. P.141.

УДК 81'373.612.2

С. А. Панкратова

Ключевые параметры языкового бытия системной неединичной метафоры (на примере кинематографической семантической сферы)

В статье идет речь о репрезентации образных знаний на примере кинематографической метафоры. Базируясь на понятии *эвристический потенциал*, понимаемом как возможность получения новых, выводных знаний на основе исходных, базовых квантов знания, статья рассматривает когнитивный процесс «приращения» новых знаний. Методика подсчета эвристического потенциала позволяет показать максимальные объяснительные возможности метафоризации. В контексте теории метафоры новое возникает благодаря развёртыванию образа, репрезентированного во фрейме художественной предметной сферы. Выводы демонстрируют, что несмотря на широкий отвлеченный потенциал художественной сферы, содержащей до полусотни метафор, в реальной речи носителей кинематографической сферы задействуются лишь единичные метафоры.

The article deals with the representation of different types of knowledge in the cinematographic sphere. The basis of the cognitive-metaphorical approach is represented by the notion of the heuristic potential, seen as the ability to produce new knowledge based on the core, significant quantum of knowledge to create new, nonexistent before meanings and connotations. The author's method of heuristic potential calculation allows to show metaphoric explanatory abilities, which can vary from metaphoric maximum to metaphoric minimum. The metaphoric theory explains that new knowledge is created thanks to the re-evaluation of an image, existing in the form of a metaphorical frame of a specific field of knowledge. The outcome of the article displays that in spite of a very extensive metaphoric potential the actual use of cinematographic metaphor is quite restricted due to a number of pragmatic reasons.

Ключевые слова: метафора, когнитивная лингвистика, системность, неединичность, эвристический потенциал, концептуализация, образ.

Keywords: metaphor, cognitive linguistics, Systematicity, non-singularity, heuristic potential, conceptualization, image.

Предметом статьи является кинометафора, почерпнутая из современного периодического издания на английском языке – журнала британской ассоциации кинематографистов «Вид и Звук» (Sight and Sound). Изучение комплексной природы метафоры предполагает, что система ассоциативных связей не остается не востребованной и вызывает развёртывание метафорического образа, реализующегося как предикация признаков и соположение компонентов – два несочетаемых типа значений становятся рядом, сопрягаются по контексту. Подобразы (sub-images), или добавочные образы, группируются вокруг базовой метафоры, формируя «метафорическую цепь» (metaphoric chain). Цепочка подобразов усложняется, дополняется и развивается, достигая своего логического завершения. Когнитивная значимость этих процессов состоит в том, что благодаря им происходит осмысление глубинных понятийных сфер, придающих структурную связность человеческому опыту.

Действительно, одним из важнейших аспектов разработки теории метафоры можно назвать внимание к метафорической системности, которая основана на высокой номинативной плотности тех или иных концептосфер. Обращение к истокам этого вопроса сразу вызывает в памяти имена основателей теории метафоры – нельзя переоценить фундаментальный лакоффский вклад в формирование метаязыка теории метафоры, терминологическая разработка которой позволила Дж. Лакоффу выдвинуть такие неологизмы, как «эвристический потенциал», «базовая логика» модели, метафорические «переключатели», метафорические «генераторы» [1].

Ими была сформулирована мысль об образных порождающих категориях, привлечение которых в процессе мышления способно оживить мысль и направить ее развертывание. Развертывание когнитивной модели понимается нами как процесс ее дополнения и пояснения посредством терминов из сходной семантической сферы. Именно системное осмысление любого проблемного концепта, как мы полагаем, способно привести к эвристическим открытиям и догадкам, к более глубокому пониманию любой стоящей перед нами проблемы.

Когнитивная теория метафоры, системность которой особо изучается нами в связи с исследованием эвристического потенциала, была бы неполной без указания тех критериев, по которым происходит разграничение типов метафор. Ключевые параметры метафоризации – это **функция, форма** словесного воплощения, **вид** метафоризируемых признаков, **способ предикации** признаков, **«презумпция истинности», логичность** развёртывания образных схем [2]. Существует целый ряд вспомогательных «маркеров», сигнализирующих о том, что перед нами системная с когнитивной точки зрения метафора, выбор которой носит познавательный, эвристический характер и сопровождается определёнными когнитивными усилиями. Системная соположенность и смена противоречивых метафор – это особый сигнал. Он указывает на то, что человек находится в активном поиске обозначения мучающего его концепта, которому пока не находит имени, и поэтому приводит целые метафорические «цепочки». Дальнейший шаг в направлении развития теории метафоры делает теория концептуальной интеграции М. Тёрнера и Ж. Фоконье, рассматривающая метафору как вид общего механизма ментального проецирования (англ. mapping), задействованного во многих областях мышления. Авторы утверждают, что при метафоризации в сознании человека создаются (и хранятся в кратковременной памяти) промежуточные концептуальные зоны (англ.: blends), которые образуют новую структуру, «встраиваемую» в структуру знания в момент речи и служащую важной составляющей когнитивного процесса [3]. Обобщив, отметим, что тернеровское видение метафоры направлено от сугубо когнитивного ракурса в сторону недооцененных прежде возможностей образного видения метафоры. К числу таких «маркеров» принадлежат: 1) предваряющие эпифору уточняющие определения: *the EMOTIONAL typhoon*; 2) цепочка синонимичных атрибутов из разных предметных областей: *Those people were all polished, smooth and glib*; 3) кавычки и/или курсив: *I'm merely stating so-called 'facts'*; 4) предшествующий эпифоре уточняющий переспрос: *these girls – What can I say? – flowered*; 5) противоположная по смыслу ключевая метафора, которая отрицается в пользу иной, более точно раскрывающей суть описываемого концепта: *He often used to say that life is a fountain; but to his infinite sorrow he has discovered that life is a rope, a long one, whose frayed end he is most assuredly at*.

Метафорическая системность имеет важное значение для раскрытия особенностей языкового бытия таких базовых типов метафор, как когнитивно-познавательная эпифора и образно-ситуативная диафора. С точки зрения предметных оснований метафоризации нами выделены несколько семантически «прозрачных» сфер, в которых сохраняется отнесённость к классу предмета, служащего основой переноса. В большинстве случаев тот или иной концепт оказывается возможным отнести к определённой предметной концептосфере. Ориентиром служит онтология, т. е. первоначальное происхождение артефакта и контрольный вопрос: где, прежде всего, встречаются подобные слова? Приведем наш классификационный список, в котором после названия предметной сферы в скобках дано количество метафорических употреблений единиц из данной сферы: природная (98), техническая (96), путешествия (54), законодательная (52), военная (50), научная (50), биологическая (46), строительная (45), текстильная (41), антропоцентрическая (37), мореплавательная (35), искусства (35), книгопечатная (34), пищевая (25), зоологическая (21), медицинская (10), математическая (9), игровая (8), театральная (5), музыкальная (4), спортивная (4), цирковая (2), рекламная (2), танцевальная (1). Сам список показателен в плане отражения культурных ценностей и особенностей национального характера носителей английского языка, поскольку для метафорической номинации привлекаются уже освоенные и тесно связанные с жизнедеятельностью сферы – в английской картине мира это техника, путешествия, закон и война.

Общее количество единиц – метафорических употреблений из той или иной предметной сферы составляет ее абсолютный **мегапотенциал**. Мы полагаем, что эвристический потенциал измерим – *мерой продуктивности той или иной концептосферы служит количество конвенциональных языковых выражений, кодирующих данную концептуальную метафору*. В связи с этим нами сформулирована гипотеза объема эвристического потенциала – какой бы полной ни была идеализированная когнитивная модель осмысления той или иной предметной области, актуальные образные схемы обладают эвристическим потенциалом, равным « 7 ± 2 лексических единиц» [4]. Наша гипотеза не противоречит представлениям о памяти, согласно которым объём памяти является константой, и если количество информации превышает пропускную способность памяти, то «лишняя» информация теряется. Истоки гипотезы лежат в методе измерения «сиюминут-

ной» памяти английского философа XIX в. Ф. Гамильтона: он утверждал, что если бросить гравий на пол, то одним взглядом будет трудно охватить более 7–8 единиц. Дж. Миллер развил эту гипотезу, предположив, что в памяти удерживается неизменное число единиц, совокупность которых была названа шэнком (англ. chunk). Объём шэнка у взрослого человека является фиксированным, будь то единицы визуальной информации (буквы) или слуховой. Этот объём стал известен как «магическое число», равное « 7 ± 2 » [5].

Изучение метафорической системности позволило выявить ряд слотов, составляющих образно-метафорический фрейм «MIND > PAINTING». Здесь необходимо пояснить, что поскольку все ментальные процессы происходят в сфере умственной деятельности, то местом этой активности мы обоснованно полагаем мозг, что и отразилось в концептуальной живописной метафоре «MIND > PAINTING» и ряде подчинённых ей концептуальных метафор, находящихся с центральной в гипогиперонимических отношениях. Это метафоры типа «MEMORY > PAINTING», «EXPERIENCE > COLOUR», «HISTORY OF THE CASE > BACKGROUND», «IMPORTANT THINGS > FOREGROUND», «SOLVING THE PROBLEM > A KIND OF ART», «TRUTH > PERSPECTIVE OF A PAINTING» и др.

Итак, художественная, или, как мы ее еще называем, живописная концептосфера, по результатам анализа словарных статей, состоит из слотов.

Слот 1 (имя фрейма): Painting;

Слот 2 (предикаты начала процесса): **to highlight** (to describe something in a way that makes people notice it), **to sketch out** (to make a general plan of smth. with only a few details);

Слот 3 (предикаты содержания процесса): **to embellish** (to make a story more interesting by adding details), **to foreground** (to give smth more importance than smth else), **to merge** (to become mixed), **to outline** (to give the main ideas of a plan), **to paint** (to describe something in a particular way);

Слот 4 (предикаты конца и результата процесса): **to blur** (if memory or an idea has blurred, it is no longer clear in your mind), **to draw a line** (to consider the ways in which two things are different or similar), **to gloss over** (to avoid or ignore unpleasant facts);

Слот 5 (характеристики): **background** information/knowledge, **black-and-white** (involving one idea that is clearly right and another that is clearly wrong), **colourful** (interesting and exciting), **contrasting** (different from each other), **graphic** (giving a lot of detail), **monochrome** (without any details), **salient** (especially or relevant fact), **unvarnished** (expressed in a very direct way that gives the true facts);

Слот 6 (актант): I, a man, a person;

Слот 7 (место): **The big picture** (a situation as a whole);

Слот 8 (инструменты): **colour** (interest or excitement), fine taste (in arguments), **hue** (a type of opinion), **tinge** (a small amount of feeling);

Слот 9 (объект): **harmony** (a feeling that your mind and emotions are well balanced), **sketch** (a short description), **perspective** (a sensible way of judging how good, bad, important smth is) [6].

Не останавливаясь на словарной выборке метафор одной сферы, наиболее актуальной для кинематографистов, создающих фильм как художественный продукт, мы составили общую отвлеченную когнитивную модель. Здесь актантом является когнитивный субъект – человек (“I”). Он совершает ментальные действия: создаёт графический «набросок», фиксирует «оттенки» мнений, выводя на «передний план» самые яркие из идей. Представляя проблему «в перспективе», он придаёт ей верные «пропорции». Человек не «сгущает краски» и не «лакирует» действительность.

Живописная когнитивная модель

My problem is like a work of art. I am an artist. I take a monochrome, black-and-white view of the situation. My colourless recollections blur into a mix. I lose all perspective and distort the truth. Truth and fiction merge into one another. Early experiences colour my attitude to the problem. My suggestions are not in harmony with the situation. Then I place in the foreground the importance of solving the problem. I try to sketch out the big picture before suggesting any changes. I study the background of the case. I notice all hues and tinges of opinions. I highlight all the salient points of my problem. I outline a few more graphic details. I draw a line between contrasting opinions. I paint a colourful picture showing the unvarnished truth. I avoid grotesque interpretations. I never embellish or gloss over unpleasant details [7].

Живописная когнитивная модель подкрепляется разрозненными лексикографическими примерами: I want you to give me the unvarnished truth. Her colourful account proved a huge success. The outlook is very bleak [8]. Эта когнитивная модель может быть иллюстрирована литературными метафорическими употреблениями различной частеречной природы, что говорит о ее системном, значимом для когниции характере. Это концепты ‘to outline’, ‘to embellish’, ‘to blur’, ‘to highlight’, ‘to contrast’, ‘to merge’ и ‘to gloss over’. Базовая логика живописной модели предполагает, что существует некий эталон, образец, идеал. Ментальная деятельность (переосмысливаемая по подобию работы художника-творца) направлена на достижение этого творческого идеала. Кон-

цепт 'thought', 'idea', суть которого может быть «очерчена» и «приукрашена» деталями, выступает объектом приложения усилий мыслящего человека. Живописная концептосфера содержит и примеры адъективных метафор, привлекающих такие концепты, как 'background' и 'salient'. Знания могут играть роль «заднего плана» или выступать «ярким пятном», свидетельствуя о важности номинации характеристик обозначаемого. В живописной концептосфере представлены и субстантивные метафоры, привлекающие концепты: 'background', 'contours', 'sketch', 'vista', 'picture'. Они служат компонентами моделируемой ситуации познания как качественного преобразования оригинала и достижения нового «видения». Если вдуматься, сама метафора «языковая картина мира» говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые, образные ассоциации и средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску.

Анализ примеров метафоризации в живописной сфере показал, что актуализация концептуальной метафоры происходит как установление связи между областью цели и областью источника. Известные свойства вспомогательного субъекта из художественной сферы проецируются по аналогии на менее изученные свойства основного субъекта. Проекция свойств реализуется как предикация: а) признаков ассоциируемой лексики (the contours + of understanding, words + are vague); б) признаков действия (to outline + the critical lines of thought). Концептуальное ассоциирование в живописной сфере может сопровождаться уточнением и расширением концептуальных связей по типу: субординация (PAINTING > a sketch + of a very complex phenomenon; the conceptual + background); уточнение функциональных связей (to embellish + the essence; to highlight + the tendency; to contrast + theories).

Анализ журнала британской ассоциации кинематографистов «Вид и Звук» (Sight and Sound) позволит выделить ряд художественных метафор, задействованных в дискурсе кинематографистов и кинокритиков. В первом примере фильм «Незабываемый роман» аналогически сближается с картиной, с художественным полотном, рисующим жизнь прикованных к инвалидной коляске людей. E.G.: "An Affair to Remember" **portray** disability as punitive and socially shameful." [9]. Эвристический потенциал здесь ограничен единичной метафорой 'to portray'. В другом примере работа «Воск» известного режиссера снова применяет лишь единичную метафору 'to gloss over'. Однако ее прагматический заряд очевиден – она направлена на то, чтобы как-то приукрасить и амелиорировать состояние человека в инвалидной коляске, однако автор этого не делает. "Andrew Bujalsky's *Beeswax* (2009) is extraordinary uncommon for having a character whose wheelchair use is neither **glossed over** nor made into a plot point." [10]. В последнем примере субстантивная метафора 'contrast' демонстрирует противоположность, контраст между фильмами как художественными произведениями. Согласно ей один фильм является особо значимым, салиентным, он выступает на фоне другого, менее значимого, фонового, что принижает роль фона. "This film offers an instructive **contrast** with *Junun*" [11].

Пристальное рассмотрение художественных метафор в киносреде показало, что они не столь системны, не столь развернуты, как ожидалось. Одним из объяснений может служить то, что помимо словесных выражений метафоры в кино работает и сам образ, зачастую не выраженный эксплицитно языковыми средствами. Это может быть образ зимы (а также похолодания отношений между державами), «Мост Шпионов» 'Bridge of Spies' с Томом Хэнксом. Иным объяснением является то, что не все когнитивные модели детализируются потому, что, как отмечает Дж. Лакофф, «...создание модели и удержание её в уме требует усилий» [12]. В противном случае мы имели бы дело с единичными, внесистемными метафорами, не основанными на категориальном вложении в силу скудости исходной предметной концептосферы. Так, единичная метафора «зонтик» (*The team works under the umbrella of the National Research unit*) базируется на изолированных концептуальных различиях. В языке бытуют и «расплывчатые», полисемантические концепты (game, power), которые выполняют особую роль метафорических «переключателей», направляющих мысль с одной семантической сферы на другую, как бы напоминая о существовании иных, смежных семантических сфер [13].

Подводя итог, отметим, что знание системных аспектов метафоры позволяет выделить непознанные «белые пятна» и точки роста в постижении цели, установить нереализованные концептуальные возможности, скрытые аргументы [14]. В результате происходит эвристический «всплеск», осознание того, что можно было бы знать, но на что он «закрывал глаза», в итоге проблемная ситуация концептуализируется и разрешается. В связи с этим подчеркнем, что когнитивная теория метафоры способна служить большим подспорьем в психологии, поскольку метафорические описания личностных и семейных проблем способны оказать содействие психологам в решении проблемных ситуаций [15]. Перспективы исследования метафорической системности могут быть направлены в сторону рассмотрения когнитивных и прагматических

факторов для реализации различных установок (сглаживание категоричности; противоположная установка на искажение, маскировка подлинной сущности обозначаемого, манипулирование сознанием, формирование стереотипов, моделирование культурных ценностей). Подводя итог, отметим, что рассмотрение художественных метафор в киносреде показало, что они не столь системны, не столь развернуты, как ожидалось. Это объясняется как природой образности на экране, поскольку помимо словесных выражений метафоры в кино работает и сам образ, не выраженный эксплицитно, а также тем, что не все когнитивные модели детализируются потому, создание модели и удержание её в уме требует усилий, гибкости человеческого сознания, возможности находить различные способы понимания действительности в терминах различных концептуальных схем.

Примечания

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 358.
2. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.; Панкратова С. А. Когнитивно-семантические механизмы метафоризации в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014.
3. Turner M. and Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 3. P. 183–204.
4. Панкратова С. А. Когнитивно-семантические механизмы метафоризации в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. С. 13.
5. Солсо Р. Когнитивная психология. М.: «Тривола»: «Либерея», 2002. С. 86–87.
6. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman, 1995; MED – Macmillan English dictionary for advanced learners. Second edition, Oxford, 2007.
7. Панкратова С. А. Указ. соч.
8. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman, 1995. P. 1050, 685, 1392.
9. Sight and sound. The international film magazine. L., 2015. № 12.
10. Там же.
11. Там же.
12. Лакофф Дж. Указ. соч. С. 574.
13. Там же. С. 433.
14. Панкратова С. А. Указ. соч. С. 24.
15. Levin K. Field theory in social sciences. L.: Routledge, 2000.

Notes

1. Lakoff G. Henshchiny, ogon' i opasnye veshchi: CHto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What do categories of language tell us about thinking]. M. Languages of Slavic culture. 2004. P. 358.
2. Nikitin V. M. Osnovaniya kognitivnoy semantiki [Bases of cognitive semantics]. SPb. Publishing house of the Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 2003.; Pankratova S. A. Kognitivno-semanticheskie mekhanizmy metaforizatsii v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Cognitive-semantic mechanisms of metaphorization in modern English: author. dis. ... Dr Philology]. SPb. 2014.
3. Turner M. and Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 3. Pp. 183–204.
4. Pankratova S. A. Kognitivno-semanticheskie mekhanizmy metaforizatsii v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Cognitive-semantic mechanisms of metaphorization in modern English: author. dis. ... Dr Philology]. SPb. 2014. P.13.
5. Solso R. Kognitivnaya psihologiya [Cognitive psychology. M. "Trivol": "Liberia". 2002. Pp. 86–87.
6. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman, 1995; MED – Macmillan English dictionary for advanced learners. Second edition, Oxford, 2007.
7. Pankratova S. A. Op. cit.
8. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman, 1995. P. 1050, 685, 1392.
9. Sight and sound. The international film magazine. L., 2015. № 12.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Lakoff G. Op. cit. P. 574.
13. Ibid. P. 433.
14. Pankratova S. A. Op. cit. p.24.
15. Levin K. Field theory in social sciences. London: Routledge, 2000.

Текст-конструктор как разновидность первично-вторичных текстов

В статье поднимается вопрос характеристики вторичных текстов в современной научной литературе, анализируются различные подходы в определении данных текстов. Дается характеристика вторичных текстов на основе способа создания произведения: выделяются две разновидности – тексты-конструкторы и тексты-трансформации. При этом отмечается, что текст-конструктор представляет собой использование самостоятельных произведений или их значительных фрагментов в качестве структурных компонентов вторичного текста без их существенного изменения; текст-трансформация – изменение первоисточника в соответствии с задачами автора. Особенности первично-вторичных текстов-конструкторов представлены на примере жанра предметного театрализованного сценария. Анализ текстов-образцов позволил выявить специфику вторичных компонентов в данных произведениях: выделенность, самостоятельность данных компонентов внутри текста, а также лабильность всей текстовой композиции в целом.

The article raises the question of the characteristics of secondary texts in the contemporary scientific literature, analyzing various approaches to the definition of these texts. Gives the characteristics of secondary texts on the basis of the method of creation: are the two species – the texts-construction and text-transformation. It is noted that the texts-construction is the use of independent works or significant fragments as structural components of the secondary text without substantial change; text-transformation – change the source in accordance with the objectives of the author. Features primary-secondary texts constructions presented the example of the genre subject theatrical script. Analysis of sample texts revealed the specifics of secondary components in these works: isolation, independence of these components within the text, and the lability of the entire text of the composition as a whole.

Ключевые слова: вторичный текст, речевой жанр, театрализованный сценарий.

Keywords: secondary text, speech genre, theatrical script.

До настоящего времени одним из актуальных вопросов лингвистики остается вопрос характеристики вторичных текстов.

В работах современных исследователей данная проблема рассматривается с позиций теории научной информации (С. В. Ионова, Н. В. Мельник, Н. М. Нестерова, Н. В. Сайкова, Н. В. Солодянкина), жанрологии (Л. Ю. Левкова, Н. Б. Рогачева, М. Ю. Терехова, Е. В. Чернявская, М. А. Ширинкина), литературоведения и филологического анализа текста (М. В. Вербицкая, В. В. Васильева, А. С. Гавенко, Т. Г. Орлянская, Л. В. Полубиченко). Разница в подходах прослеживается и в различных толкованиях изучаемого предмета. Так, М. В. Вербицкая, вслед за М. М. Бахтиным, определяет вторичный текст как особые «художественно-речевые явления», которым «присуща одна общая черта: слово здесь имеет двоякое направление – и на предмет речи, как обычное слово, и на другое слово, на чужую речь», и в то же время подчеркивает, что «только стилистически несамостоятельные тексты могут включаться в понятие “вторичный текст”» [1]. Такое определение не рассматривает в категории вторичных текстов большую группу речевых жанров, созданных на основе иного текста, однако не обнаруживающих в своей стилистической организации зависимости от прототекста. Жанрологический подход дает более широкое толкование вторичных текстов: это произведение, в котором референтным пространством служит какое-либо другое текстовое целое, самостоятельно существующее вне рамок данного воспроизводящего текста [2]; это текст, созданный на базе другого, первичного текста со сменой авторства [3].

В качестве основного свойства вторичных текстов называется их взаимосвязь с первоисточником на основе аппроксимации [4], интерпретации [5] или трансформации [6] прототекста. Таким образом, общепринятым является рассмотрение вторичных текстов как производных от первичных, при этом в процессе деривации происходит изменение прототекста – перекодирование, уменьшение, увеличение и др. Первоисточник обнаруживает семантическое и стилистическое сходство с производным текстом, однако степень этого сходства может варьироваться от минимально необходимого для узнавания до значительного.

В то же время анализ ряда речевых жанров, имеющих вторичный (производный) характер, показывает, что использование прототекста может происходить без изменений последнего – в таком случае вторичный компонент полностью идентичен первоисточнику и с содержательной, и со стилистической точки зрения. Оригинальность же вторичного текста связана с включением в его структуру собственно авторских компонентов; при этом и авторские и вторичные компоненты об-

наруживают относительную композиционную самостоятельность, замкнутость и заменяемость, а само композиционное построение – лабильность. В результате складывается такое взаимодействие первичных и вторичных компонентов, которое приводит к созданию особого типа первично-вторичных текстов. Такой характер композиционного построения мы можем наблюдать на примере сценарных текстов, учебно-методических разработок (конспектов) и ряда других речевых жанров. Анализ научной литературы показывает, что несмотря на большое количество исследований, посвященных первично-вторичным жанрам речи (А. А. Зуева, О. С. Серегина, Т. А. Налимова и др.), теория вопроса о специфике первично-вторичного текста и о характере взаимодействии в нем первичных и вторичных компонентов в современной лингвистике разработана мало.

В своей статье мы рассмотрим особенности композиционного построения первично-вторичных текстов на примере предметного театрализованного сценария и обобщим наши наблюдения в классификационной характеристике вторичных/первично-вторичных текстов.

Наш интерес к данному речевому жанру обусловлен несколькими причинами. Во-первых, предметный театрализованный сценарий широко распространен в реальной педагогической практике учителей, что доказывают данные проведенных опросов и обилие опубликованных сценарных текстов. Во-вторых, являясь изобразительно-драматургической основой будущей постановки (мероприятия), предметный театрализованный сценарий входит как одна из разновидностей в обширную группу сценарных жанров (сценарий массового праздника, сценарий деловых переговоров, киносценарий, инсценировка и т. д.), что позволяет сравнить близкие по характеру тексты и проанализировать, как видоизменяются их жанровые и текстовые характеристики в зависимости от интенции, коммуникативной ситуации и диктума. В-третьих, многочисленные исследования данного жанра носят в основном драматургический или предметно-методический характер, тогда как вопросы жанровой и текстовой характеристики сценариев остаются малоизученными.

Предметный театрализованный сценарий – это речевой жанр пропедевтического характера, в котором дается подробное описание какого-либо мероприятия (представления) с учетом его темы, участников, сюжета и т. д. Таковы сценарии театрализованных внеклассных мероприятий, театрализованных уроков, школьных праздников. Жанровоопределяющими признаками данных текстов являются комплексное жанровое наполнение, сочетание оригинального и репродуктивного материала при наличии авторской ядерной сюжетной линии, интенция эстетизации и драматизации учебного материала. Подобный текст представляет собой особую разновидность конспекта урока (мероприятия) как профессионального продуктивно-репродуктивного высказывания, чья результативность определяется только на завершающем этапе (в постановке).

В то же время от других жанровых разновидностей предметный театрализованный сценарий отличает неоднородность, многообразие его внутреннего жанрового наполнения. В качестве прототекстов могут быть использованы: а) *художественные тексты* (стихотворения, фрагменты рассказов, сцены из пьес, сказки, легенды, притчи и т. д.); б) *документальные тексты* (постановления, указы и т. д.); в) *мемуарные тексты* (дневниковые записи, мемуары, воспоминания современников и т. д.); г) *эпистолярные тексты*; д) *научные данные* (правила, определения, фрагменты научных статей, научные справки и т. д.); е) *методические разработки* (разработки игр, конкурсов, упражнений и т. д.). Сценарий активно обращается к невербальным семиотическим системам: музыке, танцу, живописи и др.

В качестве примера рассмотрим сюжетно-композиционную структуру сценария «Небо в алмазах, или Играем Чехова» Л. А. Побединской [7], которая, на наш взгляд, обладает типичными для данного жанра особенностями. Она включает следующие компоненты: 1) сцену-пролог, 2) сцену из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», 3) сцену из водевиля А. П. Чехова «Медведь», 4) интермедии, 5) литературную викторину.

Интермедии (сцены-связки, включающие сквозных персонажей и являющиеся проводниками единого драматургического действия) представляют собой оригинальные, авторские компоненты текста:

«ОЛЬГА. Добрый день! Мы рады вас видеть, господин...

ВОЙНИЦКИЙ. Можете звать меня просто дядя Ваня. Услышал, что вы говорите о любви, и решил присоединиться. Не возражаете?

ОЛЬГА. Разумеется, нет! А могу я составить вам компанию и побыть немного Еленой Андреевны?

ВОЙНИЦКИЙ. Буду рад. Ну что, тогда начнем, пожалуй?» [8]

Включение литературных персонажей произведений А. П. Чехова в действие интермедий обусловлено тематикой сценария и выполняет связующую функцию: обеспечивает общность первичных и вторичных компонентов, единство сюжетной линии и образного решения, создает

контекстные ассоциативные связи между сюжетно-композиционными звеньями текста и, шире, между сценарием и творчеством писателя.

Сцены из произведений А. П. Чехова дословно соответствуют первоисточнику:

«ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно... И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

ВОЙНИЦКИЙ. Но если я его ненавижу!

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас.

ВОЙНИЦКИЙ. Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. Ах, и лень, и скучно! Все бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Это участие ко мне – о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро, благодаря вам, на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что – прав этот доктор – во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга...» [9]

Выделение композиционного фрагмента из текста первоисточника (пьесы) обусловлено объективными факторами – ограниченностью продолжительности театрализованного мероприятия и, как следствие, объема сценария. В том случае, если первичное произведение является небольшим, его включение в сценарий возможно в полном объеме, без сокращений. Таким образом, в данном случае нельзя говорить о преднамеренной трансформации прототекста, только о его функциональном уменьшении, причем это уменьшение построено на основе выделения фрагмента и его дословной цитации.

Задача включения фрагментов прототекста в сценарий выполняет одновременно несколько функций: во-первых, обучающую (знакомит учащихся с творчеством писателя), во-вторых, художественную (осуществляет эстетическое воздействие на зрителей), в-третьих, интегративную (за счет сквозных персонажей, общности тематики и коммуникативной интенции обеспечивает текстовую целостность произведения). В то же время сюжетообразующая функция данных фрагментов снижена: основное развитие драматургического действия осуществляется в интермедийных сценах-связках, тогда как сцены из произведений А. П. Чехова выступают в качестве иллюстративного материала. Это обуславливает их относительную заменяемость: при необходимости сценарист может изменить расположение данного фрагмента в композиции сценария или заменить выбранные фрагменты фрагментами других произведений писателя без ущерба для сюжетной и семантической организации текста. Каждая сцена, согласно законам драматургии, в своей основе содержит драматургический конфликт и представляет собой замкнутый цикл действия; это, в свою очередь, усиливает выделенность, самостоятельность данных компонентов внутри текста, а вся текстовая композиция в целом приобретает свойство лабильности.

Таким образом, сюжетно-композиционное построение предметного театрализованного сценария отличается неоднородностью, первично-вторичным характером, при этом функции первичных и вторичных компонентов различаются: сюжетообразующая задача реализуется в оригинальных компонентах, иллюстративно-реминисцентная – во вторичных.

Аналогичное композиционное построение наблюдается не только в жанрах сценарного типа, но и в ряде других первично-вторичных жанров: родословной, экскурсионной речи и т. д.

Особенности функциональной реализации вторичных компонентов в данных жанрах обуславливают специфику творческой деятельности автора. Если рассматривать риторический канон как модель речевых действий по созданию текста, то при создании предметного театрализованного сценария повышается значимость диспозиции по сравнению с остальными этапами текстопорождения – речевая деятельность автора сравнима с конструированием единого целого из самостоятельных блоков. Подобную модель первично-вторичных текстов можно назвать *текстом-конструктором*, в отличие от *текстов-трансформаций*, при которых основные действия автора связаны с изменением прототекста.

Различные типы деривационных отношений вторичных текстов рассматривает в своей работе Н. В. Мельник [10], в том числе выделяет разновидности трансформаций прототекстов. Исследователь предлагает классификацию вторичных текстов по трем основаниям:

1. *Классификация по линии формы*: автор выделяет такие виды преобразования текстов, как перекодирование, формальное уменьшение, увеличение или упрощение первичного текста.

2. *Классификация по линии содержания* позволяет автору выделить такие виды трансформаций, которые связаны с генерализацией и конкретизацией значения языковых единиц первоисточника.

3. *Классификация по линии функции* связана с родо-жанровыми трансформациями текстов.

Мы в свою очередь предлагаем дополнить эту классификацию различием вторичных и первично-вторичных текстов *по способу создания текста*. Таким образом, мы выделяем *тексты-трансформации*, при создании которых основная задача автора связана с изменением первоисточника, поиском наиболее точных и адекватных способов и приемов трансформации первичного текста в соответствии с задачами автора. Способы и степень трансформации могут быть разными (инсценировка – трансформация недраматургического произведения в драматургическое; конспектирование – сжатие объема первичного текста с одновременным кодированием информации в системе, понятной автору конспекта, и т. д.). Другой тип текста – *текст-конструктор*, который представляет собой использование самостоятельных произведений или их значительных фрагментов в качестве структурных компонентов вторичного текста. При этом прототексты либо не подвергаются трансформации, либо испытывают незначительные изменения. Примером такого типа первично-вторичных текстов является предметный театрализованный сценарий.

Выделение различий между вторичными текстами, построенными на основе трансформации и на основе конструирования, важно для понимания специфики способов и приемов создания текстов, используемых в первом и во втором случаях.

Примечания

1. *Вербицкая М. В.* Теория вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
2. *Чернявская Е. В.* Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.
3. *Ионова С. В.* Аппроксимация содержания как основное свойство вторичных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 33–37.
4. Там же.
5. *Матханова И. П., Трипольская Т. А.* Проблемы интерпретационных исследований: типы и режимы интерпретации // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2005. № 5. С. 88–105.
6. *Мельник Н. В.* Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2012. № 13 (267). С. 69–73.
7. *Побединская Л. А.* Слово и судьба: Литературные сценарии. М.: Сфера, 2000.
8. Там же. С. 40–41.
9. Там же. С. 41.
10. *Мельник Н. В.* Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2012. № 13 (267). С. 69–73.

Notes

1. Verbitskaya, M. V. Teoriya vtorichnyh tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Theory of secondary texts. dis. ... Dr Philology]. M. 2000.
2. Chernyavskaya E. V. Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v nauchnoj kommunikacii (na materiale nemeckogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Intertextuality as a text-forming category in scientific communication (on the material of German language): abstract dis. ... Dr Philology]. SPb. 2000.
3. Ionova S. V. Approksimaciya sodержaniya kak osnovnoe svojstvo vtorichnyh tekstov [Approximation of the content of a basic characteristic of secondary texts] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics. 2005, No. 4, pp. 33–37.
4. Ibid.
5. Matkhanova I. P., Tripolskaya T. A. Problemy interpretacionnyh issledovanij: tipy i rezhimy interpretacii [Problems of interpretive research: types and modes of interpretation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya – Herald of Moscow University. Ser. 9: Philology. 2005, No. 5, pp. 88–105.
6. Melnik N. V. Derivatologicheskaya interpretaciya vtorichnyh tekstov raznyh tipov [Derivatological interpretation of secondary texts of different types] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiya. Iskusstvovedenie – Herald of the Chelyabinsk State University: Philology. The history of art. 2012, No. 13 (267), pp. 69–73.
7. Pobedinskaya L. A. Slovo i sud'ba: Literaturnye scenarii [Word and the fate: the literary scenario]. M. Sphera. 2000.
8. Ibid. Pp. 40–41.
9. Ibid. P. 41.
10. Melnik N. V. Derivatologicheskaya interpretaciya vtorichnyh tekstov raznyh tipov [Derivatological interpretation of secondary texts of different types] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiya. Iskusstvovedenie – Herald of the Chelyabinsk State University: Philology. The history of art. 2012, No. 13 (267), pp. 69–73.

**Становление и развитие документного текста:
синергетический аспект
(на материале англосаксонских грамот IX–XI вв.)**

Статья посвящена рассмотрению особенностей становления и развития документных текстов в английском языке с позиций синергетической лингвистики. При этом англосаксонские грамоты IX–XI вв. трактуются автором как прообраз документных текстов, проводится параллель с современными имущественными договорами. Выявляется языковая детерминанта англосаксонских грамот, которая понимается как фракталоподобное образование, конституируемое набором языковых доминант (семантической, лексической, морфологической, синтаксической и др.). Результаты исследования показывают, что семантическую доминанту англосаксонской грамоты составляет семантика долженствования и предписания; лексическая доминанта представлена общеупотребительной лексикой; морфологической доминантой выступает флективность, доминирование имен существительных, личный характер подачи информации; синтаксической доминантой является паратаксическое соединение предикативных единиц со свободным порядком слов с помощью начинательного союза “and” по принципу цепочечного нанизывания.

The article is devoted to the analysis of peculiarities of formation and development of official texts in the English language from the perspective of synergetic linguistics. Anglo-Saxon charters of the IX–XI c. are treated as antecedents of official texts, namely as the prototype of modern property agreements. The author investigates the language determinant of Anglo-Saxon charters. The language determinant is interpreted as a fractal entity constituted by a set of language dominants (semantic, lexical, morphological, syntactic, etc.). The results of the research show that the semantic dominant of Anglo-Saxon charters is the semantics of prescription and obligation; the lexical dominant is represented by common lexis; the morphological dominant comprises the inflectional character, dominance of nouns, the personal nature of information submission; the syntactic dominant presents itself as a sequence of predicative units with relatively free word order, connected with the help of coordinating conjunction «and» basing on the principle of chain system.

Ключевые слова: диахроническая лингвосинергетика, аттрактор, репеллер, точка бифуркации, языковая детерминанта, доминанта, англосаксонские грамоты.

Keywords: diachronic linguosynergetics, attractor, repeller, bifurcation point, language determinant, dominant, Anglo-Saxon charters.

Статья написана в рамках диахронической (эволюционной) лингвосинергетики, перспективного научного направления, которое только начинает формироваться. Данное направление возникло в русле синергетической лингвистики, или лингвосинергетики, новой научной парадигмы, базирующейся на интеграции лингвистического знания и синергетической методологии исследования. С позиции синергетического подхода, применявшегося изначально по отношению к естественным наукам, язык рассматривается как сложная, «открытая, нелинейная, иерархически организованная эволюционирующая система» [1].

По словам Т. И. Домброван, «изучение языковой системы в диахронии с использованием методологии синергетики остается на... периферии исследовательских интересов» [2]. В то же время применение идей синергетики в диахронических исследованиях языка представляется актуальным и перспективным, поскольку позволит взглянуть под другим ракурсом на некоторые общепринятые трактовки явлений и дополнить новыми данными традиционную историю языка.

Начало диахронических исследований в лингвосинергетике было положено в работах отечественных и зарубежных ученых в первом десятилетии XXI в. В трудах ученых обосновывалась необходимость разработки нового научного направления – диахронической лингвосинергетики (Т. И. Домброван, Ж. Багана, Е. В. Бондаренко, А. А. Перкова), рассматривался вопрос о соотношении истории языка и диахронической лингвосинергетики (Т. И. Домброван), на основании данных об эволюции естественных языков в диахронии разрабатывались основы лингвопрогностических исследований (В. А. Мигачев, Е. В. Бондаренко). При этом неизученными до сих пор остаются многие частные вопросы, например вопросы становления и развития стилей нехудожественной коммуникации в разных языках. Данное исследование позволит прояснить процесс генезиса официально-делового стиля в английском языке с позиции лингвосинергетики. Цель статьи – представить становление и развитие документного текста в английском языке в терминах синергетической лингвистики.

Материалом исследования послужил корпус англосаксонских дарственных грамот, а также грамот, выдаваемых арендаторам земли (IX–XI вв.). Гипотеза данного исследования заключается в том, что тексты англосаксонских грамот IX–XI вв. являются прообразом ранних документных текстов, а именно прототипом современных имущественных договоров, направленных на получение или передачу имущества. Под договором мы понимаем документ, закрепляющий правовые отношения между контрагентами (физическими или юридическими лицами). Текст договора является его основным компонентом, речевым произведением, обладающим юридической силой, т. е. способностью порождать правовые последствия. В средневековой Англии грамоты также были призваны закреплять правовые отношения контрагентов, фиксировать сделки.

Концептуальный аппарат статьи включает понятия аттрактора, репеллера, точки бифуркации, языковой детерминанты и доминанты.

В синергетике **аттрактор** понимается как «некоторая точка в сложной самоорганизующейся системе, которая определяет динамику системы... направляет ее эволюцию» [3]. Таким образом, под влиянием аттрактора система самоорганизуется и упорядочивается. С точки зрения лингвосинергетики аттрактором выступает коммуникативная цель текста, так как именно она определяет выбор языковых средств различных уровней (лексического, синтаксического и т. д.), способствующих реализации заданной коммуникативной интенции. Необходимо также отметить, что процесс текстопорождения происходит под влиянием не только внутренних, связанных с устройством языка, факторов, но и внешних, так называемых «экстралингвистических», антропогенных факторов.

Понятию «аттрактор» в синергетике противостоит понятие «**репеллер**», определяемое как набор параметров, «отталкивающих при отборе и организации все, что не укладывается в нормы» [4]. Коммуникативная цель, а также внешние факторы, являясь в терминах синергетики своеобразными аттракторами и репеллерами, играют определяющую роль в текстообразовании.

Взаимодействие внутренних и внешних факторов в определенный период времени может нарушить устойчивость системы, вызвав флуктуации, тенденции к новообразованиям, которые могут привести систему в **точку бифуркации**, моменту выбора пути дальнейшего развития, при этом система переходит на качественно другой уровень организации. В течение англосаксонского периода можно выделить две точки бифуркации, первой из которых явилось возникновение письменности в VII в., ознаменовавшей переход от символической и вербальной формы (вручение горсти земли) к текстуальной форме передачи прав собственности (составление грамоты). Второй точкой бифуркации можно считать норманнское завоевание (1066 г.), которое привело к окончанию англосаксонского периода и положило «начало системной перестройки языковой детерминанты англосаксов» [5].

Отметим, что с положениями синергетики во многом перекликается лингводетерминологическое направление лингвистических исследований, основной идеей которого является идея о наличии детерминационных отношений в языке. Детерминационные отношения возникают «при установлении зависимости свойств системы от влияния ее различных элементов друг на друга, а также от внешних и внутренних факторов» и обуславливают функционирование языка как сложной самоорганизующейся системы [6]. Таким образом, лингвосинергетический подход в сочетании с лингводетерминационным подходом позволяет представить язык как открытую сложноорганизованную систему, «характеризующуюся установлением широких функциональных связей внешних и внутренних детерминант» [7]. При этом под внешними детерминантами понимаются объектные детерминанты (условия коммуникативной ситуации) и субъектные детерминанты (индивидуальные и социальные характеристики участников коммуникативной ситуации), под внутренними – языковые детерминанты [8].

Г. П. Мельников, развивая идеи А. А. Реформатского, считает языковой детерминантой «ведущую грамматическую тенденцию языка», другими словами, морфологический тип языка [9]. Использование термина «детерминанта» по отношению к различным языковым уровням (грамматическая детерминанта, Г. П. Мельников, просодическая детерминанта, Н. А. Коваленко) привело к тому, что появилось понятие (**общеязыковой (лингвистической) детерминанты**, «по отношению к которому детерминанты, проявляющиеся на разных языковых уровнях, рассматриваются как доминирующие тенденции», т. е. **доминанты** [10]. Таким образом, языковая детерминанта представлена набором языковых доминант (семантической, лексической, морфологической, синтаксической и др.) и понимается нами как фракталоподобное образование.

Появление англосаксонских грамот осуществляется на фоне становления деловой коммуникации. При этом происходит стягивание разнообразных языковых средств к ключевому аттрактору – коммуникативной цели документного текста. Образуется ряд доминант (семантическая, структурная, лексическая, морфологическая, синтаксическая), которые образуют языковую детерминанту англосаксонской грамоты.

Семантическую доминанту англосаксонской грамоты составляет семантика должностования и предписания, так как англосаксонская грамота, будучи прототипом современного договора, прописывает имущественные договоренности и обязанности, а также санкции, вытекающие вследствие нарушения договора. Семантика предписания и должностования реализуется в англосаксонских грамотах при помощи сослагательного наклонения, а также инфинитивов: «*on ðæt gerad þet he gesylle ælce gere to hærfestes emnihte ðreo pund to gafole*» [11] *при условии, что он должен давать каждый год в день осеннего равноденствия три фунта в качестве арендной платы* (здесь и далее перевод наш. – Т. Б.); «*on ða gerad ðæt hine nage nan man of to aceapienne*» [12] *при условии, что никто не сможет выкупить ее*.

Структурная доминанта англосаксонской грамоты складывается из таких компонентов, как инвокация («*In nomine Domini*» *Во имя Господа* – воззвание к высшим силам), номинация участников сделки, объекта сделки, описание местоположения объекта, изложение мотива сделки, фиксация условий договора и последствий его нарушения, удостоверение документа, дата и место совершения сделки, благопожелание («*Valete in Domino*» *Прощайте / Оставайтесь с Богом*). Перечисленные структурные элементы (за исключением инвокации и благопожелания) прототипичны – они сохраняются в современных англоязычных имущественных договорах, при этом религиозный контент перемещается на периферию стиля, становится архаичным.

Лексическая доминанта англосаксонской грамоты представлена общеупотребительной лексикой (92,5%), из неё предметная лексика составила 86%, книжная лексика (термины, устойчивые выражения, слова с обобщенным значением, вводные слова и союзы) составила 7,5%. Процессы терминологизации, связанные со специализацией коммуникативных сфер, и тенденции к обобщенности и абстрактности лексики делового языка еще только начинают проявляться в англосаксонских грамотах, но уже отличаются постоянным характером. В грамотах представлена терминология договорного и земельного права: *ierfe наследуемая недвижимость, земельная собственность, erfeweard наследник, gewrit письменный документ, land-seár налог или сбор, уплачиваемый при покупке земли* и др. Необходимо отметить, что термины древнеанглийского периода отличалась синкретизмом общебытового и терминологического значений, так, например, существительное *bōc*, имевшее первоначальное значение «книга», в языке права приобретало значение «документ, грамота, устанавливающая право собственности».

Морфологической доминантой англосаксонской грамоты выступает флективность (наличие словоизменяемых аффиксов, передающих грамматические значения) как основная характеристика грамматического строя древнеанглийского языка, именно характер, выражающийся в доминировании имен существительных над глаголами, а также личный характер подачи информации, проявляющийся в использовании личных местоимений и форм глагола 1-го лица: « *Ic Osuulf aldormonn mid Godes gæfe ond Beornðryð min gemessa... sellað...*» [13] *Я, Осульф, Божию милостью элдормен, и моя жена Беорнтрип... жалуем....* Что касается современных договоров, то необходимо отметить, что в них, как и в англосаксонских грамотах, сохраняется именно характер изложения, однако используемые существительные обладают большей степенью обобщенности и абстрактности. Личный характер подачи информации ушел на периферию официально-делового стиля, в связи с необходимостью акцентирования статусно-ролевых характеристик, нежели личностных, для успешной реализации коммуникативной цели текста.

В качестве **синтаксической доминанты** англосаксонской грамоты нами рассматривается паратаксическое соединение предикативных единиц со свободным порядком слов с помощью начинательного союза «and» (или его графического эквивалента 7) по принципу цепочечного нанизывания: «*Ceolred abbas 7 ða higan on Medeshamstede sellað Wulfrede ðet land ... 7 he geselle eghwelce gere to Medeshamstede tua tunnan fulle luhtres aloð... 7 we him þis sellað mid felda 7 mid wuda ...*» [14] *Аббат Кеолред и община в Мидсхэмстед жалуем Вульфреду ту землю... и он должен отдавать каждый год в Мидсхэмстед две бочки, полные светлого эля... и мы ему это жалуем с полями и с лесами*. Специфической чертой грамот являлось также то, что они писались сплошным текстом, без промежутков между словами.

Несмотря на колоссальные отличия англосаксонских грамот и современных договоров с точки зрения синтаксиса, между ними можно найти черты сходства. Так же как и современным договорам, англосаксонским грамотам был присущ констатирующий способ изложения, синтаксический параллелизм, наличие сложноподчиненных предложений с придаточными условия, а также распространенных простых предложений, осложненных однородными членами. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия использовались для выражения запрета на нарушение договора: «*gif he þonne to þan gedyrstig wære þ he þæt abræce þ he wiste hine scyldigne beforan Godes heahsetle æt þam miclan dome*» [15] *если он будет настолько самоуверен, что нарушит это, то он должен будет признать свою вину перед Господом на Страшном суде*. Однородные

члены присутствовали в предложениях, описывающих границы передаваемой в собственность земли: «Ærest sudrichte fron ðan beodærn to Sce Gregories cirican, ðonne from ðære sudwesthyrnan Sce Gregories cirican ...» [16] *Сначала в южном направлении от трапезной до церкви Святого Григория, затем от юго-западного угла церкви Святого Григория....*

Итак, формирование языковой детерминанты англосаксонских грамот (IX–XI вв.) было связано с процессами аттракции разнообразных лексических и грамматических средств к единой семантике должностования, специализации семантики общеупотребительной лексики, личным характером подачи информации, а также синкретизмом юридических и религиозных норм. В процессе эволюции документных текстов произошло полное вытеснение религиозно-регулятивных установок в сторону легитимно-институциональных, повлекшее за собой сдвиги в структурной доминанте. Предметно-объектные номинативные парадигмы трансформировались в сторону большей «абстрактивизации» и обобщенности. С точки зрения синтаксиса произошло закрепление прямого порядка слов, и осуществился переход к сегментированной презентации текста. Такие особенности, как осложнение однородными членами, синтаксический параллелизм и использование условных предложений, закрепились как прототипические в системе синтаксических признаков документных текстов. В целом, выявление языковой детерминанты англосаксонских грамот представляется актуальным, поскольку, как указывает О. П. Сологуб, «детерминанты, имевшие свое влияние на процессы становления делового языка в прошлом, сохраняют свое значение и для современных процессов текстопорождения» [17].

Примечания

1. Аршинов В. И. Синергетика текста // *Философия науки*. 1997. Вып. 3: Проблемы анализа знания. С. 218.
2. Домброван Т. И. Изучение истории языка с позиций постнеклассической научной парадигмы // *Perspektywy rozwoju nauki*. Gdansk, 2012. С. 50.
3. Федурко Ю. В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. С. 7.
4. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте // *Вестник Хмельницкого национального университета*. 2009. № 848. С. 49.
5. Дрожжащих Н. В. Введение в динамическую синергетику языка. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. С. 154.
6. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. С. 26.
7. Там же. С. 27.
8. Там же. С. 44.
9. Мельников Г. П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка // *Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А. А. Реформатского)*. М.: Наука, 1971. С. 359.
10. Дрожжащих Н. В. Указ. соч. С. 50.
11. Thorpe B. *Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: a collection of English charters, from the reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to that of William the Conqueror*. Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. P. 147.
12. Harmer F. E. *Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 29.
13. Там же. С. 1.
14. Thorpe B. *Op. cit.* P. 104.
15. Там же. С. 166.
16. Harmer F. E. *Op. cit.* P. 28.
17. Сологуб О. П. Указ. соч. С. 36.

Notes

1. Arshinov V. I. *Sinergetika teksta [Synergetics of the text]* // *Filosofija nauki*. 1997. Vyp. 3: Problemy analiza znaniya. P. 218.
2. Dombrovan T. I. *Izuchenie istorii jazyka s pozicij postneklassicheskoj nauchnoj paradigmy [Study of the history of the language from the perspective of postneoclassical scientific paradigm]* // *Perspektywy rozwoju nauki*. Gdansk, 2012. P. 50.
3. Fedurko Ju. V. *Identifikacija neznakomogo slova kak sinergeticheskij process: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Identification of an unknown word as synergy process: abstract dis. ... Cand. of Philology]*. Tver', 2008. P. 7.
4. Pihtovnikova L. S. *Sinergeticheskij metod dlja issledovanija diskursa v pragmatilisticheskom aspekte [Synergetic method for studying discourse within pragmatic-stylistic aspect]* // *Vestnik Hmel'nickogo nacional'nogo universiteta*. 2009. № 848. P. 49.
5. Drozhashhih N. V. *Vvedenie v dinamicheskiju sinergetiku jazyka [Introduction to the dynamic synergy of language]*. Tjumen': Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. P. 154.
6. Sologub O. P. *Russkij delovoj tekst v funkcional'no-geneticheskom aspekte [Official text in functional-genetic aspect]*. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2008. P. 26.

7. Ibid. P. 27.
8. Ibid. P. 44.
9. Mel'nikov G. P. Determinanta – vedushhaja grammaticheskaja tendencija jazyka [Determinant – Leading grammatical language trend] // Fonetika, fonologija, grammatika (v chest' 70-letija A. A. Reformatskogo). M.: Nauka, 1971. P. 359.
10. Drozhashhih N. V. Vvedenie v dinamicheskiju sinergetiku jazyka [Introduction to the dynamic synergy of language]. Tjumen': Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. P. 50.
11. Thorpe B. Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: a collection of English charters, from the reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to that of William the Conqueror. Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. P. 147.
12. Harmer F. E. Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 29.
13. Ibid. P. 1.
14. Thorpe B. Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici: a collection of English charters, from the reign of King Aethelbert of Kent, A.D. DC.V. to that of William the Conqueror. Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd, 2008. P. 104.
15. Ibid. P. 166.
16. Harmer F. E. Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 28.
17. Sologub O. P. Russkij delovoj tekst v funkcional'no-geneticheskom aspekte [Official text in functional-genetic aspect]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2008. P. 36.

УДК 802/ 809.1–52

Л. О. Тимошенко

Отражение жизненной концепции А. С. Пушкина в заимствованной лексике романа «Евгений Онегин»

В статье представлена наиболее часто встречающаяся заимствованная лексика романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как отражение образа жизни аристократии той поры и выражение авторской позиции. Автор статьи проводит параллели между «обиходом жизни» (повседневными занятиями) светской молодежи эпохи классицизма и нашей современности, что делает роман популярным и актуальным и в наши дни. Составлена тематическая классификация заимствованной лексики в романе «Евгений Онегин», благодаря которой можно сделать вывод о сфере занятий аристократии времен поэта. Литературные пристрастия великого классика также нашли отражение в данной тематической классификации, сам главный герой романа не чужд литературных занятий. Обилие заимствованной лексики в романе не помешало признать великого классика родоначальником русского литературного языка.

In this article the author represents the most frequent borrowed lexics of A. S. Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin" as a reflection of aristocracy's way of life (everyday actions) of that period and expression of the author's position. The author of the article draws parallels between the elite way of life in the classic's times and modernity that makes the novel popular and topical nowadays. The thematic classification of the borrowed lexics in the novel "Eugene Onegin" is represented in the article, and due to it, it is possible to make conclusions about the aristocracy's sphere of occupations in the poet's times. The literary taste of the great classic also found reflection in the given thematic classification, and the protagonist himself is not a stranger to literary occupations. The profusion of the borrowed lexics in the novel could not prevent the recognition of the key part of the great classic in the formation of the Russian literary language.

Ключевые слова: жизненная концепция, заимствованная лексика, частотная лексика подразделов, писатель-классик.

Keywords: life conception, borrowed lexics, frequent lexics of sections, the classic author.

И так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами.
А. С. Пушкин

О великом классике А. С. Пушкине написано немало, в том числе и о его романе «Евгений Онегин». Новизна данной статьи определяется рассмотрением русскоязычного романа А. С. Пушкина с точки зрения мировоззрения аристократов XIX в., мало и неохотно говоривших по-русски

и находившихся всецело под влиянием западной культуры. В. Г. Белинский, А. В. Луначарский, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Г. О. Винокур, Н. В. Кулакова, Н. Л. Васильев писали о великом русском классике наряду с Л. И. Вольперт, И. О. Сарычевым, Н. Л. Степановым, Н. И. Мордовченко, И. В. Сергиевским, А.Н. Пыпиным, А. Евлаховым, Е. А. Липницкой, Е. И. Потемкиной, С. А. Кибальником, Е. В. Макеевой и др. Как отмечает исследователь творчества А. С. Пушкина Ю. М. Лотман, «понимание такого произведения, как “Евгений Онегин” – задача, требующая труда, любви и культуры» [1]. «Наблюдения над образованием устойчивых методов отражения» рассматривались В. В. Виноградовым в книге «Стиль Пушкина» еще в 1941 г. [2]

Актуальность статьи определяется востребованностью произведений классика, представляющих собой своеобразный «рецепт жизни» в наш век. Методами исследования, применяемыми в статье, являются историческое и стилистическое сопоставление реалий жизни и быта эпохи великого классика и современной нам жизни, генерализация выводов, касающихся образа жизни главных персонажей романа, как отражение жизненной концепции А. С. Пушкина, этимологический анализ ключевых понятий заимствованной лексики романа.

Рассматривая стиль А. С. Пушкина, В. В. Виноградов выделяет в нем 1) «церковнославянизмы, являвшиеся не только пережитком русского языка, но и приспособившиеся к выражению сложных явлений и понятий в разных стилях современной А. С. Пушкину литературной (в том числе и поэтической) речи; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличье) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи, широким потоком хлынувшие в стиль А. С. Пушкина с середины двадцатых годов» [3].

В данной статье мы коснулись только европеизмов, по терминологии В. В. Виноградова. Анализируя стиль классика, мы уделяем основное внимание французским заимствованиям, но встречаются также и немецкие, и английские. Сначала хотелось бы охарактеризовать «обиход жизни» и сферу занятий аристократии XIX в. Для этого из романа были выбраны наиболее часто встречающиеся слова и фразы с иноязычной и заимствованной лексикой, объединенные нами в группы по тематическому признаку и отражающие жизненную концепцию А. С. Пушкина.

Можно выделить следующие реалии – составляющие «обихода жизни» аристократов: 1) «иностранные клише»; 2) «высокопарная лексика»; 3) «высокое и низкое»; 4) «жизнь поэта»; 5) «известные личности»; 6) «мода как законодательница жизни»; 7) «мифологические герои»; 8) «литературоведческие термины»; 9) «эпиграмма»; 10) «театральная лексика» с подразделом «Лорнет»; 11) «кулинарная лексика»; 12) «вино»; 13) «одежда»; 14) «привычки»; 15) «кабинет».

«Иностранные клише», например *Poor Yorick! Tete-a-tete, Madame, Monsieur, comme il faut* и др. [4] Эти слова прочно вошли в русский язык и не переводятся, так как каждый знает их смысл. **«Высокопарная лексика»**, которой А. С. Пушкин описывает сельский быт аристократии и их повседневную жизнь, наиболее объемна в романе, например *сельские циклопы, в философической пустыне, пилигримка молодая, жил анахоретом, приют задумчивых дриад* и т. д. [5]

Примыкает к этой подгруппе **«Высокое и низкое»**, как мы это условно назвали: *вот наш герой подъехал к сням, и хлебник уж не раз отворял свой васисдас и др.* [6] «На ближнего переносится то чувство значительности, существенности, исконности, которое присуще сознанию самого себя как носителя жизни и жизненных интересов: в “ты” я прозреваю как бы другое “я”» [7]. Русское просторечие «хлебник», «сени» олицетворяет как бы себя в противопоставлении и единстве Западу. «Противоборствующие стороны лишь по видимости враждебны, а субстанционально соборны» [8].

Некоторые исследователи творчества А. С. Пушкина отмечают его православную склонность, хотя он многое черпает и из западной культуры. «России есть чему поучиться у западного христианства», – отмечает С. Л. Франк. Он также видит уникальность православия А. С. Пушкина во внутреннем строе его жизни.

Православие А. С. Пушкина как его любовь к ближнему С. Л. Франк описывает как кротость в примирении А. С. Пушкиным Запада и Руси. «Первоначальный, элементарный смысл заповеди “люби ближнего как самого себя” в Ветхом Завете состоит именно в этом принципе справедливости, взаимного уважения прав и интересов соплеменников, членов общей группы» [9].

Мы выделили две предыдущие группы – **«Высокопарная лексика»** и **«Высокое и низкое»** вместе, так как они переходят одна в другую – аристократ не мог выражаться низко, но что делать с такими «низкими» реалиями, как *сени* и *хлебник*? А. С. Пушкин намеренно, как мы считаем, сочетает «высокое» и «низкое» как стилистический прием, показывая искусственность притязаний знати и добиваясь комического эффекта.

Хотя **«Высокопарная лексика»** как подгруппа составляет более значительную часть романа, чем лексика, объединенная в подгруппу **«Высокое и низкое»**, мы сочли уместным привести эти группы рядом, как смежные по смыслу. Если **«Высокопарная лексика»** отражает мечты и

стремления аристократов, мир глазами аристократов; фразы этого раздела непротиворечивы, то «**Высокое и низкое**» отражает столкновение «розовой мечты» с неприглядной реальностью. Например, главная героиня романа Татьяна Ларина олицетворяет собой отсутствие вычурности притязаний, естественность поведения, простоту и искренность чувств, отсутствие модной позы, пусть даже и выраженной в письме к Онегину по-французски. Ведь дамы той поры, как отмечает сам автор романа, не выражались письменно по-русски.

Юмор А. С. Пушкина отражается в талантливом сочетании в одной фразе высокого и низкого. Фразы-контрасты в романе представлены в значительном количестве. Проза быта, повседневных занятий облекается в нечто заграничное, звучное, высокое. Недаром в романе так много иноязычной лексики на английском, французском, итальянском языках. Сам поэт пишет, что не любит русской речи без грамматической ошибки в устах дам, что русская речь *vulgar* («вульгарна»). Таким образом, будучи великим реформатором русского литературного языка, А. С. Пушкин в то же время подчинялся его тенденции к засилью иноязычной лексики.

Следующей по объему материала подгруппой заимствованной лексики романа является «**Жизнь поэта**» как занятия автора и его среды, размышления о поэте, например *горячка рифм, поэзии священный бред*, размышления о **даме** [10]. Поэзия сравнивается у А. С. Пушкина с душевной болезнью. Поэт у него *воспламенен поэтическим огнем, в горячке, пылкий, безумный, простодушный* и в то же время *хитрый лирик, слезный*. Поэт у А. С. Пушкина – выразитель эмоций и чувств. Дама у него – *кокетка, гордая, может быть семинаристом в желтой шале иль академиком в чепце*.

Затем следуют «**Известные личности**» – имена лиц, действительно живших в эпоху А. С. Пушкина, например *напев торкватовых октав, жена ж его была сама от Ричардсона без ума* и т. д. Мы читаем у него о писателях – Лорде Байроне, Ричардсоне, Шатобриане, Лафонтене и др., известных и по сей день; о музыканте Фрейшице, о виноделах Моэте и мадам Клико, о художнике Ван Дейке.

Герой романа Евгений Онегин разочарован в жизни. Разочарованность в жизни прослеживается во многих произведениях пушкинской и послепушкинской эпохи. Например, у М. Ю. Лермонтова появился герой Печорин, чем-то сродни Онегину, такой же игрок в любви и разочарованный эгоист.

Далее в романе мы выделяем «**Моду как законодательницу жизни**»: *зевая средь модных и старинных зал, про вести города, про моды беседы с куклой не вела*. Тиранство моды доводит А. С. Пушкина порой до намеренной тавтологии, где писатель высмеивает безуспешность погони героев за модой: *красавиц модных модный враг, слов модных модный лексикон* [11]. Модной у А. С. Пушкина может быть, прежде всего, *дама*, затем *кавалер*, который называется *франтом* или *педантом*; *чудака, поэт; лексикон, зала, дом, кольца*. Слепого подражателя моде А. С. Пушкин иронично называет *мод воспитанником примерным*.

Раздел «**Мифологические герои**» также широко представлен в романе «Евгений Онегин». Поэт-классик постоянно обращается к метафорам на основе греческой и римской мифологии и просто к метафорам, например *розы Гимена, Гимена хлопоты, медленная Лета* и т. д. Среди мифологизмов упоминаются также Терпсихора, Мельпомена, Фортуна, Феб и герои литературных произведений, в частности Дж. Байрона – Корсар, Сбогар, Вечный Жид, Чайльд Гарольд.

А. С. Пушкин фактически описывает в романе себя, свой образ жизни – сельское уединение сменяется суетой и шумом города, балами, маскарадами, модными залами; поэт описывает литературу и поэзию как свои повседневные занятия. В романе даже есть «**Литературоведческие термины**», что указывает на род занятий автора: *священная поэзия, смиренная проза, романтизм, классицизм, эклога, элегия, мадригал, ода*.

Примыкает к группе литературоведческих терминов раздел «**Эпиграмма**» как типичный способ общения поэта и публики. *Эпиграмма* в романе А. С. Пушкина не только может быть *злой, дерзкой, но и площадной*.

Далее можно выделить разделы «**Театральная лексика**», куда также относится подраздел «**Лорнет**»; «**Кулинарная лексика**», где названия блюд сплошь заграничные (*трюфли, бланманже*). «**Вино**» мы выделили в особый раздел по значительности объема лексики в нем. Классик сравнивает вино с характерами людей. Одно вино для него – друг, другое – любовница. Видно, что поэт – тонкий ценитель вина и неравнодушен к нему.

Среди реалий жизни сельской аристократии также можно выделить раздел «**Одежда**». Одежда аристократии называется загранично: «*но панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет*», – читаем у А. С. Пушкина. Русская аристократия той поры стеснялась своей национальной самобытности, уникальности своего русского национального характера, слепо копируя заграничную моду, что приводило к обезличиванию (герои русских романов той поры часто заимствуют, например, не только моду в одежде, но и любовные письма из французских романов).

В «обиходе жизни» героев романа немаловажную роль играют **«Привычки»**, особенно привычки молодости, и здесь можно выделить редкое слово **«брегет»**, то есть часы, символизирующие строгую расписанность дня аристократа.

«Большая группа лексически непонятных современному читателю слов в «Евгении Онегине» относится к предметам и явлениям быта как вещественного (бытовые предметы, одежда, еда, вино и пр.), так и нравственного (понятия чести, специфика этикета, правила и нормы поведения) и социального (служебная иерархия, структура общественных отношений и пр.)» [12].

В определенный час у аристократов, согласно брегету, следуют принятие пищи, прогулка, театр, гости, карты. Со временем, однако, природа и естественность берут свое. Московская кузина матери Татьяны, произносившая русский «н» как “п” французский в нос, звавшая по молодости Полиною Прасковью, на старости лет стала звать Акулькой прежнюю Селину и перестала выезжать в свет. Увлечение модой было обречено.

Характер типичного настроения героя – сплин, или русская хандра. Аристократы той поры даже щеголяли сплином, что происходило от их праздности. Именно сплин становится причиной дуэли Онегина и Ленского. Несмотря на то что в романе частотна лексика раздела **«Кабинет»**, он, что характерно, *уединенный, безмолвный* – одним словом, безжизненный. А. С. Пушкин также называет кабинет *кельей*, правда, в светском смысле.

«В юные годы для А. С. Пушкина Дом (Лицей, Петербург) – келья и неволя. В поэзии А. С. Пушкина лицей – брошенный монастырь» [13]. Кабинет был обязательной принадлежностью дворянского дома той поры. Ученость и образованность были модны. В кабинете Онегина Татьяна находит книги и философов, и экономистов, и художественные произведения. Но эта библиотека Онегина скорее была данью моде, всерьез он не интересовался ничем.

Таким образом, опираясь на ключевые слова-названия тематических разделов лексики романа, мы очертили сферу занятий аристократа. Классичность этого произведения заключается не только в талантливом поэтическом выражении одной любовной истории, но и в умении уловить типичные психологические коллективные черты русского общества той поры и не менее талантливо скрыть, какой ценой дается поэту видимая легкость его стиха. *Мода, брегет, театр, сплин, дама* – вот несколько слов, характеризующих мир аристократии времен А. С. Пушкина, который, владея даром эпиграммы как поэт, не опускается до нее, а сам относит себя к этому кругу людей, сумев, однако сохранить глубину наблюдений, талант поэта и искренность гражданина. Писателю горько видеть засилье всего иностранного в России. Он мягко иронизирует над этим, высмеивая реальную ограниченность претенциозных аристократов.

Несмотря на то что в России пушкинистами написано множество исследований об этом великом писателе и его произведениях, тема, как нам кажется, еще далеко не исчерпана. А. Зорин: «Нравственный урок, данный Пушкиным на краю могилы, быть может, превосходит все, что оставлено им в назидание потомству в его бессмертных творениях» [14].

Как В. Шекспир является зеркалом английской культуры, так А. С. Пушкин – лицо русского национального характера. Да, сейчас мы не блистаем высокопарной лексикой, смесью высокого и низкого, но писатель верно уловил русское стремление преклонения перед всем иностранным. Мы с таким же успехом, как и в романе классика, могли бы выделить сейчас те же разделы, описывающие «обиход жизни» современного светского человека, правда, вместо балов и маскарадов будут клубы и дискотеки. В уединенном кабинете вместо полок с книгами – компьютер с Интернетом. В кулинарии доминирует американская мода – сеть ресторанов Макдоналдс или японская рыбная кухня. Сама природа моды ветрена и преходяща, но понятие это – вечное, происходящее от коллективистской природы человека.

И хотя не все действие романа происходит в деревне, мы сосредоточились, в основном, на сельском аспекте жизни аристократии как на самом показательном для ее характера, склонностей и притязаний. Мы совсем отстранились от политической стороны жизни тогдашней России, от декабристского движения, которому А. С. Пушкин был близок, – наше внимание поглощено языком великого классика и долей в нем заимствованной лексики, через призму которой мы видим всю панораму жизни России XIX в.

«Можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотою, светло и ясно, как отразилась в “Онегине” личность Пушкина» [15].

Отражая современную ему эпоху, великий классик уловил общечеловеческие тенденции и страсти, которые сейчас были бы выражены другим языком. Читая классиков, мы заглядываем в свою душу и видим ее, как в зеркале.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Тарту, 1975.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 3.
3. Там же. С. 5.
4. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М., 1986.
5. Там же.
6. Там же.
7. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 319.
8. Алексеев В. Пушкин и православие: сб. ст. о творчестве А. С. Пушкина. М.: ЗАО «Изд. дом «К единству»», 2007. С. 530.
9. Франк С. Л. Указ. соч.
10. Пушкин А. С. Указ. соч.
11. Там же.
12. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 473–474.
13. Он же. Александр Сергеевич Пушкин. Биография. СПб., 1995.
14. Зорин А. Рецензия на книгу «Пушкин и православие: сб. ст. о творчестве А. С. Пушкина». М.: ЗАО «Изд. дом «К единству»», 2007. С. 373.
15. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Ст. восьмая. «Евгений Онегин». URL: http://dugward.ru/library/pushkin/belinsky_such

Notes

1. Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij [Alexander Pushkin's novel "Eugene Onegin". Review]. Tartu. 1975.
2. Vinogradov V. V. Stil' Pushkina [The style of Pushkin]. M. 1941. P.3.
3. Ibid. P.5.
4. Pushkin A. S. Sochineniya: v 3 t. T. 2 [Works: in 3 vol. Vol. 2]. M. 1986.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Frank S. L. Duhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society]. M. Respublika. 1992. P. 319.
8. Alekseev V. Pushkin i pravoslavie: sb. st. o tvorchestve A. S. Pushkina [Pushkin and Christianity: collection of articles on the works of A. S. Pushkin]. M. Company "Publishing house "To the unity". 2007. S. 530.
9. Frank S. L. Op. cit.
10. Pushkin A. S. Op. cit.
11. Ibid.
12. Lotman Yu. M. Op. cit. Pp. 473–474.
13. Also him. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya [Alexander Sergeevich Pushkin. Biography]. SPb. 1995.
14. Zorin A. Recenziya na knigu «Pushkin i pravoslavie: sb. st. o tvorchestve A. S. Pushkina» [Review of the book "Pushkin and Christianity: collection of articles on the works of A. S. Pushkin]. M. Company "Publishing house "To the unity". 2007. P. 373.
15. Belinskii V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. St. vos'maya. «Evgenij Onegin» [The works of Alexander Pushkin. Art. eighth. "Eugene Onegin"]. Available at: http://dugward.ru/library/pushkin/belinsky_such

УДК 82-3(2Р)6

Ю. В. Клабукова

**Пространство Петербурга
в художественно-философском осмыслении Ильи Стогоффа**

Статья посвящена проблеме художественного пространства Петербурга в современной отечественной прозе. В связи с этим автор отмечает, что Петербург – это традиционный пространственный образ в русской литературе. Приводится общепринятая в литературоведении типология художественного пространства. В статье автор подробно анализирует роман Ильи Стогоффа «Проигравший», в котором пространство Петербурга является центральным пространственным образом; выделяет такие типы художественного пространства, как аутичное пространство города и перцептивное аутичное пространство героя, реальное, историческое и сюрреалистическое пространства. Автор подчеркивает взаимосвязь пространства города и внутреннего пространства главного героя романа, а также показывает, что выделенные типы пространств дополняют друг друга, взаимодействуют, в своем единстве образуя пространственную модель мира в произведении.

Article is devoted to a problem of art space of Petersburg in modern domestic prose. In this connection the author marks, that Petersburg is a traditional spatial image in the Russian literature. The typology of art space standard in literary criticism is resulted. In article the author analyzes novel "Loser" of Ilya Stogoff.

Space of Petersburg is the central spatial image. In article the author allocates such types of art space as autistic space of city and perceptual and autistic space of the hero, actual, historical and surreal spaces. The author emphasizes interrelation of space of city and internal space of the protagonist of the novel. The author shown, that the allocated types of spaces complement each other, interpenetrate, in the unity forming spatial model of the world in work.

Ключевые слова: аутичное пространство города, перцептивное аутичное пространство героя, историческое пространство, реальное пространство, сюрреалистическое пространство, Петербург, «лишний человек», Илья Стогофф.

Keywords: autistic space of city, autistic perceptual space of hero, historical space, real space, surreal space, Petersburg, «unwanted person», Ilya Stogoff.

Определение пространственных отношений в произведении является важной и актуальной составляющей в изучении новейшей отечественной литературы и творчества отдельных авторов.

В отечественном литературоведении к проблеме художественного пространства обращались М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Н. С. Валгина, В. Е. Хализев и другие. Исследователи выделяют две функции художественного пространства: с одной стороны, оно является структурообразующим элементом художественного текста, который наделяет произведение характером эстетического, придает ему внутреннее единство и завершенность, с другой стороны, пространство – это важнейшая характеристика художественного образа.

Пространство в произведении неоднородно. Литературоведы рассматривают пространство как определенную структуру, в которой можно выделить разные типы: точечное и линейное, плоскостное и объемное (Ю. М. Лотман); закрытое и открытое, земное и космическое, реальное и воображаемое (Ю. М. Лотман, В. Е. Хализев), пространство и не-пространство (В. Н. Топоров) и другие типы. Однако ни одна классификация не может быть исчерпывающей, поскольку различные пространственные образы обусловлены не только идейно-тематическим содержанием произведения, но и жанровым и стилевым своеобразием художественного текста.

Отметим, что типы художественного пространства в произведении взаимодействуют, взаимопроникают, дополняя друг друга, а не исключают, что способствует эстетически целостному восприятию текста. Создаваемое автором художественное пространство может быть открытым, или коммуникативным, и закрытым, или аутичным. Аутичное пространство характеризуется как «родное», «теплое», «безопасное», тогда как коммуникативное пространство – «чужое», «враждебное». Но возможна и обратная интерпретация. В рамках аутичного и коммуникативного пространства также возможна своя типология художественного пространства.

В творчестве некоторых авторов преобладающим пространственным образом становится конкретный топос. Одним из таких образов является город Петербург.

Петербург всегда занимал важное место в русской культуре и литературе, а частое обращение авторов к этому пространственному образу привело к появлению особого литературоведческого термина – «Петербургский текст».

С Петербургом связано множество легенд, его окружает ореол таинственности и загадочности. В литературе одним из первых к образу Петербурга обратился А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник» и воплотил народные мистические легенды о городе. Интересное наблюдение делает О. А. Виноградова, обращая внимание на то, что пространство Петербурга носит эксцентрический характер. Исследователь поясняет: «Мы имеем в виду, прежде всего, открытость и незащищенность его бытового пространства от вмешательства каких-то иных сил. Причем силы эти приходят не извне, а находятся в самом городе. Хаос не вытеснен за его пределы, а существует в центре, то есть в поле жизни человека» [1].

На этом иррациональном мистическом свойстве города строит свой новый роман «Проигравший» (2015) Илья Стогофф, в творчестве которого Санкт-Петербург является ключевым пространственным образом. Он появляется в таких произведениях И. Стогоффа, как «Мертвые могут танцевать» (2008) и «Русская книга» (2011). Однако цельный образ города складывается из разных фрагментов и появляется в романе «Проигравший» (2015). Основываясь на общепринятой классификации художественного пространства, отметим, что Петербург представляет собой реальное пространство – конкретный топос. Он легко узнаваем по точным названиям, описаниям, деталям: виду на Фонтанку из окна квартиры главного героя, Ильи Стогова, Университетской набережной, Исаакиевскому собору, Кунсткамере, Петропавловскому собору, станциям петербургского метро. Однако пространство города в романе – это не только фон и место действия, но и непосредственный участник событий: оно активно влияет на происходящее в романе, и зачастую город и герой вступают в противоборство друг с другом.

В романе «Проигравший» можно выделить не только пространство города, но и внутреннее пространство героя Ильи Стогова, некогда подающего надежды ученого, а ныне консультанта музейского отдела по вопросам искусствоведения, который просиживает все свободное время в барах, оставляя там всю свою небольшую зарплату. События, происходящие в романе, заставляют героя обращаться к своим воспоминаниям, внутреннему пространству, пространству памяти – назовем его перцептивным пространством. Так, И. Б. Роднянская называет такое «обращение к памяти персонажа как внутреннему пространству для развертывания событий... примечательной вехой современного литературного развития» [2]. В романе «Проигравший» это не только воспоминания о прошлой жизни, но и философские рассуждения о смысле жизни, течении времени: «Возможно, сегодняшний день является юбилейным. Скажем, стомиллиардным от сотворения мира. День неплохо начался, много чего обещал. Утром кое-где в облаках виднелись просветы, и дождь казался вроде бы не таким беспросветным, как накануне. Но всего через несколько часов этот день закончится – так же бездарно, как закончились и все предыдущие дни. И выяснится, что смысла в нем было даже меньше, чем в предыдущих» [3]. Или: «...Наша жизнь – это ведь всего-навсего определенное количество времени. Не очень большое: лет шестьдесят или около того. Три тысячи недель... Полмиллиона часов... миллиард с чем-то секунд... уже весной мы ждем Нового года, уже зимой – летнего отпуска... Жизнь состоит всего-навсего из миллиарда секунд. И большую часть этих секунд мы чего-то ждем... А потом этот миллиард просто заканчивается» [4].

В романе особо следует выделить пространство истории как важную составляющую перцептивного пространства главного героя, как уже отмечалось, – талантливого ученого, прекрасно знающего историю. Весь сюжет романа строится вокруг легенды о золоте тамплиеров, которую Илья Стогов рассказывает своему другу капитану Осипову. В романе герой ни разу не ошибается в исторических фактах, но ошибается в людях: майоре (ни разу не названном в романе по имени) и капитане Осипове. И, таким образом, роман «Проигравший» следует рассматривать не просто как еще одну современную детективную историю, а как трагедию человека, не сумевшего реализовать свой талант, свои возможности в современном обществе, а Илью Стогова – как современный тип «лишнего человека».

Пространство Петербурга в романе напрямую связано с перцептивным пространством героя, оно показано через восприятие главного персонажа, Ильи Стогова. В каждой последующей главе происходит сужение, а часто и углубление художественного пространства – это гробница в «Эпизоде первом. Шпага барона», служебные помещения Кунсткамеры в «Эпизоде втором. Дело о потерянной голове», петербургское метро в «Эпизоде четвертом. Преисподняя», мусульманская легенда в «Эпизоде пятом. Тень эмира», строящийся тоннель под Невой и кабина лифта в «Эпизоде шестом и последнем. Бомба из антивещества». Исключение составляет «Эпизод третий. Исчезнувшая рукопись», где действие происходит в Бразилии и аэропорту Санкт-Петербурга, но именно в этой главе практически не принимает участие главный герой Илья Стогов, а для романа «Проигравший» характерны взаимосвязь пространства города с внутренним миром главного героя и изменение ракурса изображаемых событий в зависимости от мировосприятия героя. Автор переносит нас из одного пространства в другое, рисуя картины Петербурга, и, таким образом, пространство в романе предстает как маршрут, документально зафиксированное перечисление мест, через которые проходит свой жизненный путь главный герой. Пространство Петербурга в романе тождественно пространству жизни героя, а жизненный путь героя замыкается в пространстве Петербурга. «Родиться там, где над Невой кричат птицы, – лучшее, что может с тобой случиться», – рассуждает герой [5]. Но для Ильи Стогова Петербург – это не только место рождения, но и жизни и, самое главное, смерти.

Приметами Петербурга как конкретного пространственного образа в романе «Проигравший» становятся не только определенные топографические объекты, но и другие явления, ассоциирующиеся с Петербургом. В первую очередь, это климат, погодные условия, природа. Главной топографической приметой Петербурга является Нева. Например, «...черная Нева, будто большое животное, ползла на запад» [6]. На протяжении всего романа героя волнует непрекращающийся дождь, который словно предвещает трагические события, например: «Капли дождя бились в лобовое стекло, бились в асфальт, бились в крышу автомобиля. Невозможно было поверить, как в опасную ересь, будто где-то на свете существует солнце и, выходя на улицу, люди не натягивают капюшоны» [7], «Этот дождь не кончится никогда, и чем темнее тучи над городом, тем неприветливее лица прохожих» [8], «И ладно бы отсутствие перспектив, так ведь еще и этот чертов вечный дождь. Круглый год осень...» [9], «Дождь радостно швырнул ему в лицо пригоршню грязных капель...» [10], «Дождь капал по асфальту. Казалось, ему самому смертельно надоело изливаться в мир, который выглядел столь уныло» [11], «Дождь сыпал на землю мелкую водную пыль» [12] и др. Дождь в романе заканчивается только со смертью героя: «Дождь, похоже, и вправду закончил-

ся, а жизнь, похоже, и вправду продолжалась. Впервые с самого лета небо было совсем-совсем прозрачным» [13].

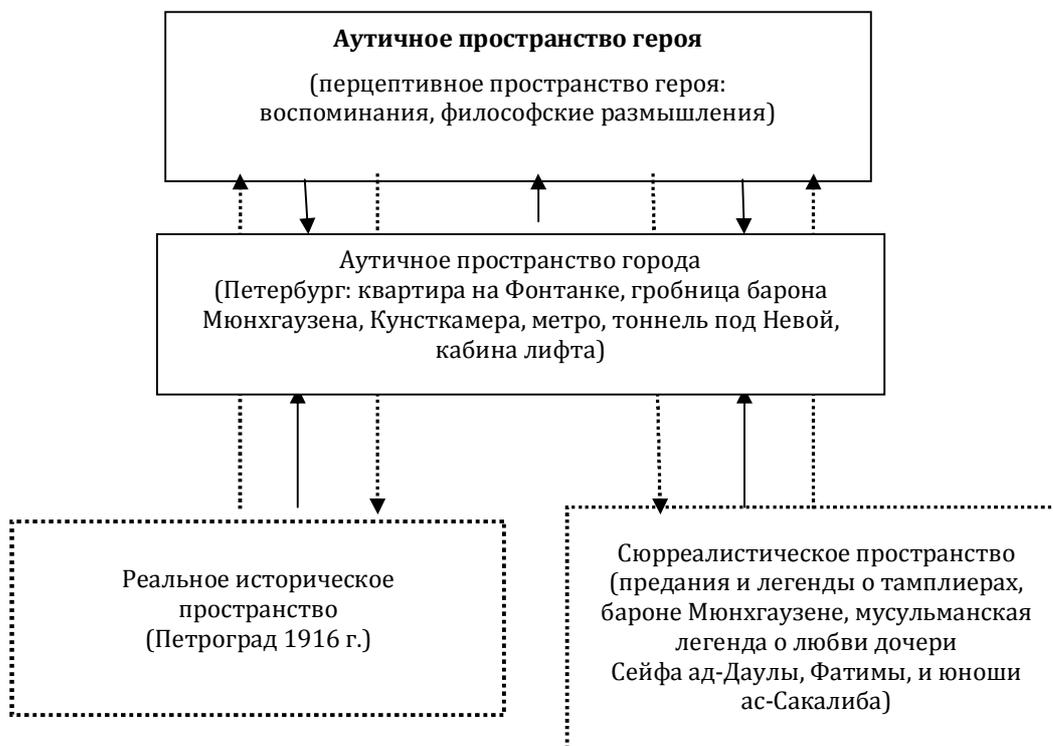
Повествуя о происходящих в романе событиях, И. Стогофф нередко ставит перед главами место и время действия, например: «19 сентября. 16 часов 52 минуты. Комната для допросов» [14], «18 сентября. За тридцать часов до допроса. Университетская набережная» [15], «За три с половиной часа до допроса» [16], «9 сентября. 16 часов 54 минуты. Комната для допросов» [17], «Вторник, 17 октября, 10–45» [18], «Вторник, 17 октября, 15–07» [19] и др. Такой прием наряду с реальными географическими и топографическими объектами создает эффект реальности происходящего, документально запротоколированных событий.

Как уже было отмечено, Петербург всегда был окутан множеством легенд и преданий. В «Проигравшем» сюжет романа строится вокруг легенды о золоте тамплиеров, что позволяет автору объединить в одном произведении разные временные плоскости, переплести реальное историческое и сюрреалистическое пространства. Так, роман начинается с эпизода гибели Григория Распутина, место и время действия – Петроград зимой 1916 г.; в тексте часто встречаются исторические справки о тамплиерах, бароне Мюнхгаузене, императоре Павле I, императрице Анне Леопольдовне. В то же время «Эпизод пятый. Тень Эмира» начинается с мусульманской легенды о любви дочери Сейфа ад-Даулы, Фатимы, и юноши ас-Сакалиба.

Таким образом, художественное пространство в романе И. Стогоффа «Проигравший» не сводится к какой-либо одной характеристике: оно обладает чертами реального и исторического пространства. Аутичное пространство города и перцептивное пространство героя, сюрреалистическое пространство и историческое пространство взаимодействуют, взаимопроникают, дополняют друг друга, формируя художественную модель мира в романе «Проигравший».

В рамках одного пространственного образа Петербурга можно говорить о неразрывно связанных аутичном пространстве города и перцептивном аутичном пространстве героя: пространство в романе «Проигравший» не просто несет в себе отпечаток личности главного героя, само влияет на героя, оно становится тождественным жизненному пути Ильи Стогова. Это еще раз подтверждает мысль о том, что пространство в художественном произведении всегда соотносено с героем, оно формирует его бытие и миропонимание, определяет место героя в мировом устройстве.

Исходя из вышесказанного, переведем для большей визуализации результаты нашего исследования в схему (рисунок).

Пространственная модель романа И. Стогоффа «Проигравший»

Примечания

1. Виноградова О. А. Особенности организации художественного пространства в петербургском тексте русской литературы // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Лингвистика». 2011. № 1 (218). С. 74–78.
2. Роднянская И. Б. Художественное время и пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; ИНИОН РАН. М.: Интелвак, 2001. С. 1174–1177.
3. Stogoff И. Проигравший. СПб.: ЗАО «Торг.-изд. дом «Амфора», 2015. С. 104.
4. Там же. С. 221.
5. Там же.
6. Там же. С. 268.
7. Там же. С. 23.
8. Там же. С. 16.
9. Там же. С. 37–38.
10. Там же. С. 261.
11. Там же. С. 268.
12. Там же. С. 290.
13. Там же. С. 318.
14. Там же. С. 73.
15. Там же. С. 74.
16. Там же. С. 100.
17. Там же. С. 112.
18. Там же. С. 208.
19. Там же. С. 226.

Notes

1. Vinogradova O. A. Osobennosti organizacii hudozhestvennogo prostranstva v peterburgskom tekste russkoj literatury [Features of the organization of the artistic space in the St. Petersburg text of Russian literature] // Vestnik YUUrGU. Ser. «Lingvistika» – Herald of UUrSU. Ser. "Linguistics". 2011, № 1 (218), pp. 74–78.
2. Rodnyanskaya I. B. Hudozhestvennoe vremya i prostranstvo [Art of time and space] // Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij – Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. A.N. Nikolyukin; INION RAS. M. Intelvak. 2001. Pp. 1174–1177.
3. Stogoff I. Proigravshij [Loser]. Spb. Company Trade-publ. house "Amphora". P. 104.
4. Ibid. P. 221.
5. Ibid.
6. Ibid. P. 268.
7. Ibid. P. 23.
8. Ibid. P. 16.
9. Ibid. Pp. 37–38.
10. Ibid. P. 261.
11. Ibid. P. 268.
12. Ibid. P. 290.
13. Ibid. P. 318.
14. Ibid. P. 73.
15. Ibid. P. 74.
16. Ibid. P. 100.
17. Ibid. P.112.
18. Ibid. P. 208.
19. Ibid. P. 226.

УДК 821.112.2

Л. В. Трофимова

**Рецепция греческой мифологии
в романе Барбары Фришмут «Не по средствам» (“Über die Verhältnisse”)***

Возросший в XX в. интерес западноевропейских писателей к мифологии повлиял на развитие австрийской словесности. Австрийские писатели интерпретируют мифологический сюжет, при этом используют различные трансформации мифа, «приспосабливают» миф к сегодняшнему дню, обращаются к стилиза-

---

* Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

ции мифа. Подобно многим соотечественникам современная австрийская писательница Барбара Фришмут обращается в своем творчестве к мифу, в частности к греческой мифологии. Рецепция греческой мифологии может осуществляться на заимствовании отдельного персонажа, сюжета полностью или частично, в зависимости от целей, преследуемых писателем. Автор статьи рассматривает механизмы рецепции греческого мифа в романе Фришмут «Не по средствам» („Über die Verhältnisse“). В интерпретации Барбары Фришмут греческий миф затрагивает насущные проблемы не только в рамках одной семьи, одного государства, но и общества в целом.

In the twentieth century Western writers the increased interest to mythology influenced the development of Austrian literature. Interpreting a mythological story austrian writers, use different transformations of myth, „fit“ the myth to today, address to stylization myth. Like many compatriots, the modern Austrian writer Barbara Frischmuth refers to the myth in his work, to the Greek mythology in particular. Reception of Greek mythology can be carried out on the borrowing of an individual character, the plot is completely or partially, depending on the objectives pursued by the writer. The author considers the mechanisms of reception of the Greek myth in the novel Frischmuth „About the relations“ („Über die Verhältnisse“). In the interpretation of Barbara Frischmuth the Greek myth touches upon the problems affecting not only within one family, one state, but also society as a whole.

Ключевые слова: Барбара Фришмут, австрийская литература, мифология, миф, трансформация, рецепция.

Keywords: Barbara Frishmuth, Austrian literature, mythology, myth, transformation, reception.

Несколько поколений западноевропейских авторов находили и находят вдохновение в греческой мифологии. Можно утверждать, что литература и миф постоянно взаимодействуют. Зачастую авторы перерабатывают произведения античности таким образом, что она начинает служить своеобразным прототипом сюжетов современных книг. Рецепция мифа толкуется в словаре античности как «эпизодическое, в большей или меньшей степени социально обусловленное, сознательное заимствование идей, материалов, мотивов греческого культурного наследия, берущихся за образец, с целью поставить его на службу собственным эстетическим, этическим, политическим и другим интересам» [1].

В данной статье рассматривается рецепция элементов греческой мифологии в творчестве Барбары Фришмут на материале романа «Не по средствам» („Über die Verhältnisse“).

Если западноевропейская литература нового времени и XIX в. развивалась по пути демифологизации, то в XX в. вновь вырабатывается вид сознательного, интеллектуально-рефлектирующего отношения к мифологии [2]. Немецкоязычная литература не стала исключением. Именно в этот период наблюдается повышенный интерес авторов к античной мифологии. Возможно, причина возникновения такого интереса заключается в том, что мифы в полной мере раскрывают глубинную связь и смысл далеко отстоящих друг от друга процессов и явлений. В большинстве случаев наблюдается рецепция греческой мифологии, которая осуществляется не только на уровне персонажа, могут заимствоваться сюжеты и мотивы мифов, причем в произведениях не только известных, но и малоизвестных писателей. В греческой мифологии трактуются такие конфликты и проблемы, которые актуальны и за пределами античности. Каждый автор подходит к использованию материала с определенной целью, по-своему трактуя образы персонажей, используя новые сюжетные линии и новых героев.

Австрийский литературовед К. Цайрингер считает, что характерными мотивами австрийской литературы 80-х гг. являются мифологические черты, такие как метаморфозы, переходы из одного состояния в другое, превращения, двусмысленные состояния, когда «никто не есть то, что он есть, или, по крайней мере, есть одновременно все сразу» [3]. При этом особый интерес вызывают работы, в которых рассматривается процесс трансформации мифологических сюжетов в тексте художественного произведения. Многие сюжеты и образы мифологического происхождения претерпевают первые свои изменения еще во времена античности, меняется трактовка содержания, происходят внезапные повороты в судьбах персонажей. На трансформацию мифов влияют интересы того времени, когда заимствованный сюжет актуализируется в произведении.

Во взаимоотношении мифа и литературы польский теоретик Г. Маркевич предлагает рассмотреть следующие виды взаимодействия: ренаррацию – обращение литературы к мифу в его изначальном варианте; трансформацию – собрание мифов в свободной композиции и пересказе; реинтерпретацию, когда античный сюжет служит способом заострения актуальной проблемы действительности; транспозицию – переосмысление античного мотива [4].

Отечественный литературовед Д. Н. Низамиддинов выделяет интерпретацию традиционных мифологических сюжетов и образов; трансформацию или осовременивание известных мотивов и мифологическую стилизацию [5]. Однако следует отметить, что такого строгого деления найти практически невозможно, все виды, формы классификаций существуют во взаимосвязи.

Мифологические сюжеты и мотивы активно используются многими австрийскими авторами, такими как Петер Розай (1946) «15 000 душ» («15 000 Seelen», 1985), Петер Хандке (1942) «Медленное возвращение домой» («Langsame Heimkehr», 1979) и «Повторение» («Wiederholung», 1986), и др.

Барбара Фришмут не принадлежит к так называемым «мифологизирующим авторам», подобно Элиасу Канетти (1905–1994), мастеру превращений и перевоплощений. Он из другой эпохи, требующей от писателя иной эстетики. В то же время обоих австрийских писателей сближает игра в «превращения». Для Фришмут, как и для Канетти, метаморфоза выступает сквозным структурным и смысловым принципом, виртуозно воплощаемым на самых разных уровнях. По мнению Канетти, поэт – хранитель превращений, поскольку он впитывает в себя литературное наследие человечества, столь богатое превращениями [6]. В этом смысле Фришмут продолжает традиции Нобелевского лауреата (1981) – Элиаса Канетти. По мнению Э. Канетти, «у мифа внутренняя текучесть, он не ускользает сквозь пальцы. Там, где он разыгрывается, он всегда возвращается снова и тем же способом. Он самый неизменный из всего, что когда-либо порождало человечество; только мифы на протяжении тысячелетий смогли остаться прежними. Их святость защищает, их изложение увековечивает их, и тот, кто сумел наполнить людей мифами, добился большего, чем самый отважный изобретатель» [7]. Е. М. Шастина подчеркивает, что для «мифологизирующего» писателя Э. Канетти мифы значат больше, чем слова. Они «занимательней», поскольку полны превращений [8]. Как и у Э. Канетти, сюжеты и образы античного мира получают воплощение на страницах книг Барбары Фришмут.

Творчество австрийской писательницы Барбары Фришмут характеризуется многогранностью. Ее произведения принадлежат к различным литературным жанрам. Это и детская литература, и книги, в которых затрагивается роль женщины в современном обществе, книги автобиографического и философского характера, фантастические, мистические произведения, а также произведения, в которых просматривается параллель с античностью. Читатели разных вкусов могут найти среди разнообразия книг австрийской писательницы произведение на интересующую их тематику.

Автор данной статьи ранее рассматривал функционирование фантастических элементов в произведении Б. Фришмут «Мистификация Софи Зильбер» („Die Mystifikationen der Sophie Silber“ 1976), которое основывается в данном аспекте на традициях классической австрийской литературы [9].

Рецепция античной литературы в произведении «Не по средствам» („Über die Verhältnisse“) (1987) проявляется в такой особенности повествования, как мифологизация, согласно которой миф не просто древнее сказание, а универсальная форма воплощения общей картины мира. Мифологизация в данном случае трактуется нами как сознательное введение Барбарой Фришмут мифологических образов и заимствование сюжета для современного романа, что делает ее произведение более универсальным по тематике и проблематике и позволяет взглянуть по-новому на жанр романа и своеобразие художественного мира Барбары Фришмут.

Обращаясь к прошлому, к античности, Барбара Фришмут пытается создать идеальное отражение мира в сознании человека. По аналогии с греческим Олимпом она создает венский Олимп – Бальхаузплатц. С этой целью писательница вводит в повествование образы Зевса и других небожителей.

Казалось бы, что «греческий бог» должен иметь безупречную репутацию, но не всё так предсказуемо у Фришмут. Не случайно она приписывает своему «Зевсу» внебрачного ребенка хозяйки ресторана «Молочный поросенок», показывая в образе своего героя одну из слабых сторон его и всех, кто стремится «вверх». Его же «верноподданные» обсуждают, как будто бы между делом, за трапезой насущные проблемы, которые касаются не только Австрии, но и Европы в целом. И это не случайно, австрийская писательница обеспокоена не только судьбой своего народа, родной страны, но и мира в целом.

В предисловии к роману писательница подчеркивает, что «возникающее кое-где сходство персонажей книги с реальными лицами, там, где речь заходит об австрийском Олимпе, намеренное» [10].

Зачастую обращение к античности определяется социокультурной обстановкой, необходимой для полного понимания, осмысления сюжета того или иного произведения. Фришмут взяла за основу всем известный миф о греческой богине плодородия Деметре и открыла в «античных текстах» определенные контексты, отражающие современную действительность. Дочь Деметры – Персефону – похищает Аид и увозит в царство мертвых, где её и находит Деметра. Персефона с тех пор должна была жить «на два царства». Фигуры Деметры и Персефоны были позаимствованы греками из древней египетской мифологии. В данном случае речь идет о трансформации

греческого мифа о могущественной богине плодородия и земледелия – Деметре. В греческой мифологии она дает плодородие земле, и без ее благотворной силы ничто не произрастает ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях. Деметра – одна из наиболее почитаемых богинь Греции. Это богиня плодородия и земледелия, которую особенно чтили земледельцы [11]. Не случайно именно она является прототипом главной героини романа Барбары Фришмут, такой же сильной и почитаемой.

Мелани (Мела) – простая деревенская девушка, хозяйка элитного ресторана «Молочный поросенок», расположенного в центре Вены недалеко от здания парламента. У Мелани высокопоставленные клиенты, которые специально приходят в ресторан, чтобы отведать неповторимые блюда. Ее бизнес требует много сил, и зачастую Мела возвращается домой обессиленной, изнеможенной, однако она находит в себе силы быть любящей матерью и старается сделать всё ради своей дочери Фро. Мелани – современная женщина, успешная бизнес-леди, материально ни от кого не зависящая. Роман Мелы с шефом («Зевсом») – тайна, которую она так тщательно скрывает от всех, и прежде всего от своей дочери.

Время летит незаметно, девочка взрослеет, и ее внутренние перемены непонятны главной героине. Тихая, чувствительная, любящая уединение девочка совсем не похожа на свою энергичную и уверенную мать или ее подругу Бориш. «Присутствие» мифа прослеживаются и в фантазиях девочки. Она представляла себя жительницей иной страны, дочерью короля, которую однажды похищают, и всё идет хорошо, пока Мелани не нашла ее [12]. Все фантазии её дочери со временем оказываются реальностью. Двадцатилетняя дочь влюбляется в политически влиятельного мужчину вдвое старше её, выходит за него замуж, не ставя в известность Мелани, сбегает с ним в Турцию. В отличие от Персефоны Фро всё делает добровольно. Турция в интерпретации Фришмут схожа с мифологическим подземным царством. Для Мелани случившееся – катастрофа. Чувства Мелани – матери, смыслом жизни которой был и есть ребенок, воспитавшей дочь без чьей-либо помощи, можно понять. Совсем не так она воспитывала своего ребенка, и не так она представляла себе его судьбу. Ради Фро главная героиня открывает тайну об отце и ради Фро едет с Бориш в «ад». Мелани уверена, что дочь является жертвой колдовства, что её необходимо расколдовать и освободить из этого плена [13]. Плохое самочувствие Мелани вынуждает Фро покориться желанию матери и вернуться в родной дом. «Мне станет лучше, если мы снова окажемся дома» („Ich werde schon wieder gesund, sagt sie, wenn wir erst zu Hause sind“) (перевод Л. В. Трофимовой), – торжествующе произносит главная героиня [14]. Самостоятельное, принятое не под давлением «Зевса, мудрое решение Айхана – отпустить жену именно в этот момент и таким образом освободить ее в дальнейшем от подавляющей любви матери. Он, как и греческий Аид, приехал из другой страны, страны со своими обычаями и традициями, его характеризуют такие понятия, как тишина, тень, темнота, дипломатическая деятельность его покрыта тайнами и загадками. Принадлежность Айхана к преисподней подтверждает сон, который он рассказывал Фро. В нем он хотел умереть и жить в ином мире. И вот однажды в царство мертвых явилась девушка в длинном черном одеянии с красным яблоком, в которой он узнал Фро [15].

Как и у Персефоны, у Фро теперь два царства, только, в отличие от первой, для нее это не спасение. Желания и намерения Мелани по отношению к судьбе своего ребенка противоречат друг другу. Деметре можно было понять и посочувствовать ей. Драма же Мелани касается лишь только её, поскольку дочь вполне счастлива. И, возможно, как раз требования матери удручают Фро больше всего. Мать и дочь воплощают вечную проблему «отцов и детей». «Каждое поколение совершает свои ошибки» – истина, которая понятна всем, но только не участницам конкретно этого конфликта. Барбара Фришмут – дистанцированный наблюдатель, который не берет на себя права вмешиваться в сложившуюся ситуацию.

Все греческие мифы (для нас) – это царство фантазии, уводящее нас в сказочный мир, повествование о богах и героях. Т. Шарыпина согласна с Ф. Шелингом, который считал, что процесс мифотворчества вечен, истребить миф невозможно [16]. Процесс мифологизации в австрийской литературе XX в. – яркое тому подтверждение. Несмотря на обращение Фришмут к греческим мифам, они не стали прокрустовым ложем для повествования. Австрийской писательнице удалось не только сохранить ценность греческой культуры, но и осовременить и при этом сделать очевидной их проблематику.

Современная австрийская писательница Барбара Фришмут относится к тем творческим натурам, индивидуальностям, большим художникам, которые не только интерпретируют античные сюжеты, но и являются мифотворцами. Используя сознательно «дух» греческого мифа, оперируя мифическими мотивами, Барбара Фришмут обнажает недостатки современного общества, затрагивает вечную проблему отцов и детей.

Примечания

1. Словарь античности / пер. с нем. В. И. Горбушина и др.; отв. ред. В. И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989. С. 484.
2. Шарыпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв.: материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. С. 22.
3. Zeyringer K. Österreichische Literatur 1945–1998: bberblicke, Einschnitte, Wegmarken. Innsbruck: Haymon, 1999. С. 257.
4. Шарыпина Т. А. Указ. соч. С. 23.
5. Низамиддинов Д. Н. Мифологическая культура: учеб. пособие. М.: Гелиос, 1993. С. 32.
6. Shastina E. Elias Canetti's Biography as an Example of Mythopoesis // World Applied Sciences Journal. 2014. 30 (4): 463–467. S. 466.
7. Зиганшина Н. Ф. Рецепция античной литературы в «заметках» Э. Канетти // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 60.
8. Шастина Е. М. (Авто)биография Элиаса Канетти и мифотворчество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. Вып. № 6(2). С. 305.
9. Трофимова Л. В. Художественный вымысел в романе Барбары Фришмут «Мистификация Софи Зильбер» // Современные вопросы языкознания и переводоведения: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. С. 192.
10. Frischmuth B. Über die Verhältnisse. Residenz Verlag, Salzburg/Wien, 1987. С. 499.
11. Энциклопедия мифологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/453/Деметра (дата обращения 02.01.2015) С. 58.
12. Frischmuth B. Über die Verhältnisse. Residenz Verlag, Salzburg/Wien, 1987. S. 33.
13. Ibid. S.181.
14. Ibid. S. 211.
15. Ibid. S. 142.
16. Шарыпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв.: материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. С. 23.

Notes

1. Slovar' antichnosti – Dictionary of antiquity. Transl form Germ. V. I. Gorbushina, etc.; ed. by V. I. Kuzishin. M. Progress.1989. P. 484.
2. Sharypina T. A. Problemy mifologizacii v zarubezhnoj literature XIX–XX vv.: materialy speckursa [Problems of mythologizing in the foreign literature of XIX–XX centuries: materials of the special course]. N. Novgorod. Publishing house NNSU. 1995. P. 22.
3. Zeyringer K. Österreichische Literatur 1945–1998: bberblicke, Einschnitte, Wegmarken. Innsbruck: Haymon, 1999. P. 257.
4. Sharypina T. A. Op.cit. P. 23.
5. Nizamiddinov D. N. Mifologicheskaya kul'tura: ucheb. posobie [Mythological culture: textbook]. M. Gelios. 1993. P. 32.
6. Shastina E. Elias Canetti's Biography as an Example of Mythopoesis // World Applied Sciences Journal. 2014. 30 (4): 463–467. P. 466.
7. Ziganshina N. F. Recepciya antichnoj literatury v «zametkah» EH. Kanetti [Reception of classical literature in the "notes" by E. Canetti] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. 2012, is. No. 1–2, p. 60.
8. Shastina E. M. (Avto)biografiya EHliasa Kanetti i mifotvorchestvo [(Auto)biography of Elias Canetti and myth-making] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. 2013, is. No. 6(2), p. 305.
9. Trofimova L. V. Hudozhestvennyj vymysel v romane Barbary Frishmut «Mistifikaciya Sofi Zil'ber» [Fiction in the novel by Barbara Frishmuth "Mystification of Sophie Silber"] // Sovremennye voprosy yazykoznanija i perevodovedeniya: sb. nauch. st. – Modern problems of linguistics and translation studies: collection of scientific works. / ed. N. V. Karelina, N. Y. Shugaev. Cheboksary. Chuvash. State Ped. University. 2014. P. 192.
10. Frischmuth B. Über die Verhältnisse. Residenz Verlag, Salzburg/Wien, 1987. P. 499.
11. Encyclopedia of mythology. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/453/Деметра (date of application 02.01.2015) P. 58.
12. Frischmuth B. Über die Verhältnisse. Residenz Verlag, Salzburg/Wien, 1987. P. 33.
13. Ibid. P. 181.
14. Ibid. P. 211.
15. Ibid. P. 142.
16. Sharypina T. A. Problemy mifologizacii v zarubezhnoj literature XIX–XX vv.: materialy speckursa [Problems of mythologizing in the foreign literature of XIX–XX centuries: materials of the special course]. N. Novgorod. Publishing house NNSU. 1995. P. 23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРИНОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614600, г. Пермь, Комсомольский просп., 29.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

БЕЛОНОГОВА Татьяна Юрьевна – ассистент кафедры английской филологии и перевода, Институт филологии и журналистики, Тюменский государственный университет. 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: tkuzheleva@yandex.ru

БУРАНГУЛОВ Байрас Вакилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. каб. 217.

E-mail: bajras-burangulov@yandex.ru

ГАСHEВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18.

E-mail: gascheva2010@yandex.ru

ИЛЬИН Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии, Альметьевский государственный нефтяной институт. 423462, Республика Татарстан, г. Альметьевск, ул. Ленина, 2.

E-mail: alexeyilin.74@mail.ru

ИСМАГИЛОВ Артур Аскарлович – аспирант кафедры истории России, Сургутский государственный университет. 628403, г. Сургут, ул. Ленина, 1.

E-mail: kimonosa@yandex.ru

КЛАБУКОВА Юлия Валерьевна – аспирант, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: juliya.korolyok2011@yandex.ru

КОРОЛЬ Людмила Геннадьевна – доцент кафедры педагогики и психологии профессиональной деятельности факультета повышения квалификации преподавателей, Сибирский государственный технологический университет. 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 82.

E-mail: kinghouse@yandex.ru

КОШЕЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – магистрант, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева. 302026. г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.

E-mail: palladii@list.ru

КУЗУБОВА Тамара Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. 620012, Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. И-317.

E-mail: tamara.kuzubova@mail.ru

МАЛИМОНОВ Игорь Васильевич – старший преподаватель кафедры социальных технологий, Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета. 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

E-mail: igonet70@mail.ru

МАТЕХИНА Ольга Геннадьевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета. 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23.

E-mail: matehina@yandex.ru

НЕРЕЗОВА Людмила Леонидовна – доцент кафедры философии. Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. 620012, Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. И-317.
E-mail: n.p.konovalova@ustu.ru

НЕСТЕРОВА Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации. Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614600, г. Пермь, Комсомольский просп., 29.
E-mail: nest-nat@yandex.ru

НЕЧАЕВ Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления и истории гуманитарного факультета, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29, корпус А, каб. 209.
E-mail: mgn4@mail.ru

ПАНКОВА Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35.
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

ПАНКРАТОВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский университет кино и телевидения. 191119, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, ауд. 1522.
E-mail: svetpankrat@yandex.ru

ПОЗДЕЕВ Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

РАХИНСКИЙ Дмитрий Владимирович – доцент кафедры экономики и управления бизнес-процессами, Институт управления бизнес-процессами и экономики, Сибирский федеральный университет. 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 79.
E-mail: siridar@mail.ru

РЫБАЛЬЧЕНКО Валерия Анатольевна – ассистент кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614990, г. Пермь, ул. Комсомольский просп., 29.
E-mail: philosophy@pstu.ru

САВОСИНА Наталья Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой административного права и таможенного дела, Забайкальский государственный университет. 672039, г. Чита, Александрово-Заводская, 30.
E-mail: ngsav@mail.ru

СИНЬКОВСКАЯ Ирина Георгиевна – доцент кафедры социологии, Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета. 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.
E-mail: iranet.75@mail.ru

ТИМОШЕНКО Людмила Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Башкирский государственный университет. 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, каб. 338.
E-mail: lyudmila.timosh@mail.ru

ТРОФИМОВА Людмила Владимировна – ассистент кафедры немецкой филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал). 423604, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89.
E-mail: tl1981@mail.ru

ЦЕПЕЛЕВА Надежда Петровна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. 620012, Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. И-317.
E-mail: n.p.konovalova@urfu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BARINOVA Iryna Oleksandrivna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of foreign languages, linguistics and intercultural communication of Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolskiy Ave., 614600, Perm.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

BELONOGOVA Tatiana Yurievna – assistant of the Department of English Philology and translation, Institute of Philology and journalism of Tyumen State University. 6 Volodarskiy str., 625003, Tyumen.

E-mail: tkuzheleva@yandex.ru.

BURANGULOV Bayras Vasilovich – Candidate of historical Sciences, Professor of the history of the Republic of Bashkortostan, Archaeology and Ethnology of the Bashkir State University. Room 217 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: bajras-burangulov@yandex.ru

GASHEVA Natalia Nikolaevna – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of Department of Culturology and Philosophy of the Perm State Institute of Culture. 18 Gazety Zvezda str., 614000, Perm.

E-mail: gascheva2010@yandex.ru.

ILYIN Aleksey Nikolayevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Sociology of the Almet'yevsk State Oil Institute. 2 Lenin str., 423462, Republic of Tatarstan, Almet'yevsk.

E-mail: alexeyilyin.74@mail.ru.

ISMAGILOV Arthur Askarovich – graduate student of 3-year studying of the Department of History of Russia of Surgut State University. 1 Lenin str., 628403, Surgut.

E-mail: kimonosa@yandex.ru

KLABUKOVA Yulia Valeryevna – postgraduate student of VyatSU. 36 Moskvanskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: juliya.korolyok2011@yandex.ru

KOROL' Lyudmila Gennad'evna – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of professional activities of the faculty of advanced training of teachers, Siberian State Technological University. 82 Mira Ave., 660049, Krasnoyarsk.

E-mail: kinghouse@yandex.ru

KOSHELEV Vyacheslav Evgen'evich – graduate student of Orel State University n.a. I. S. Turgenev. 95 Komsomolskaya str., 302026. Orel.

E-mail: palladii@list.ru

KUZUBOVA Tamara Sergeevna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University. Room И-317, 19 Mira str., 620012, Ekaterinburg.

E-mail: tamara.kuzubova@mail.ru

MALIMONOV Igor Vasilyevich – senior teacher of the Department of social technologies of Institute of Pedagogics, Psychology and Sociology of Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk.

E-mail: igonet70@mail.ru

MATEKHINA Olga Gennadievna – Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer of Novokuznetsk Institute(branch) of Kemerovo State University. 23 Tsiolkovsky str., 654041, Novokuznetsk.

E-mail: matehina@yandex.ru

NERESOVA Lyudmila Leonidovna – Associate Professor of the Department of Philosophy of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University. Room И-317, 19 Mira str., 620012, Ekaterinburg.
E-mail: n.p.konovalova@ustu.ru

NESTEROVA Natalia Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of foreign languages, linguistics and intercultural communication of Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolskiy Ave., 614600, Perm.
E-mail: nest-nat@yandex.ru

NECHAEV Mikhail Gennad'evich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of Department of government and history, faculty of Humanities of Perm National Research Polytechnic University. Room 209, 29A Komsomolskiy Ave., 614990, Perm.
E-mail: mgn4@mail.ru

PANKOVA Ekaterina Sergeevna – postgraduate student of the Department of social philosophy of Institute of Socio-Philosophical Sciences and mass communications, Kazan (Volga region) Federal University. 35 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

PANKRATOVA Svetlana Anatolyevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of foreign languages of Saint-Petersburg University of Cinema and Television. Room 1522, 13 Pravdy str., 191119 Saint Petersburg.
E-mail: svetpankrat@yandex.ru

POZDEEV Pavel Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov, 36.
E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

RAKHINSKY Dmitry Vladimirovich – Associate Professor of Economics and management of business process of Institute of business processes management and Economics, Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk.
E-mail: siridar@mail.ru

RYBALCHENKO Valeria Anatolievna – assistant of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolskiy Ave., 614990, Perm.
E-mail: philosophy@pstu.ru

SAVOSINA Natalia Gennadievna – Candidate of Law, Associate Professor, head of Department of administrative law and customs of the Transbaikalian State University. 30 Aleksandro-Zavodskaya str., 672039, Chita.
E-mail: ngsav@mail.ru

SINKOVSKAYA Irina Georgievna – Associate Professor of the Department of Sociology of the Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk.
E-mail: iranet.75@mail.ru

TYMOSHENKO Lyudmila Olegovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of foreign languages of humanitarian faculties of the Bashkir State University. Room 338, Zaki Validi str., 450076, Ufa.
E-mail: lyudmila.timosh@mail.ru

TROFIKOVA Lyudmila Vladimirovna – assistant of the Department of German Philology of Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute (branch). 89 Kazanskaya str., 423604, Elabuga, Republic of Tatarstan.
E-mail: tl1981@mail.ru

TSEPELEVA Nadezhda Petrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, head of the Department of Philosophy of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University. Room И-317, 19 Mira str., 620012, Ekaterinburg.
E-mail: n.p.konovalova@urfu.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 5 (2016)

Подписано в печать 31.05.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5 Тираж 1000. Заказ № 163.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36